

**Ежегодный
сборник
аналитических
статей**

2021

Редакторы-составители: Кристофер Шварц, Айгуль Абдубаева

Ассистент редактор: Канькей Темирбекова

Дизайнер: Марина Блинова

Верстка: Дизайн-студия «Hara-Bara»

Перевод: ОсОО «РК Глобал»

Корректор русского текста: Элеонора Прояева

Ежегодный сборник аналитических статей

©2021 Академия ОБСЕ в Бишкеке. Все права защищены.

Выдержки из этого ежегодного академического сборника могут цитироваться или перепечатываться в академических целях без специального разрешения при условии обязательной ссылки на первоисточник.

Ежегодный сборник аналитических статей публикуется при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Норвегии и в сотрудничестве с Норвежским институтом международных отношений (NUPI).

Мнения, выраженные в данном издании, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с мнением Академии ОБСЕ в Бишкеке, Министерства иностранных дел Норвегии и Норвежского института международных отношений (NUPI).

Содержание

Гегемония или ее отсутствие?

Ригина Сысоева

Понимание международного порядка в постсоветском регионе 11

Айжан Шаршенова

Влияние России в Кыргызской Республике 18

Нива Яу

Стремление Китая к власти в Центральной Азии 30

Филип Рейд

Китайско-иранское стратегическое сотрудничество:
контекст и центральноазиатские векторы 44

Раджаб Тайеб

Подходящее время для правильных перемен в Афганистане 58

В поисках друзей

Давиде Канкарини

Много пропаганды, мало конкретных результатов: 30 лет
отношений между Турцией и Туркменистаном 73

Парадорн Рангсимапорн

Изучение движущих факторов более активного взаимодействия
между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией 86

Себастьян Майер

В одиночку или вместе? Отношения ОБСЕ-ЕС в Центральной
Азии 104

Проблема изменения климата

Лири Сагынбекова

Влияние климатических изменений и экологических проблем на
динамику миграции в сельских районах Кыргызстана 118

Зане Шиме	
Роль окружающей среды и климата в изменении всеобъемлющей безопасности	129
Кинга Сзалкай	
Перезапуск водных отношений в Центральной Азии: перспективы поворота внешней политики Узбекистана	144
Обучение, работа, коммуникации	
Эрик Варпаховскис	
Транснациональные высшие учебные заведения в Центральной Азии	161
Дмитрий Ерохин	
Сравнительный анализ цифрового развития в странах Центральной Азии	177
Нодира Холматова	
Непредсказуемость транснациональной миграции и пандемия COVID-19: Решение проблемы возвратной миграции женщин в Кыргызстане и Таджикистане	196
Нина Михольчич	
COVID-19 и миграционная неопределенность в Кыргызстане: Уехать или остаться и зарабатывать?	208
Китай на задворках ОБСЕ	
Дирк Линовски и Стефан Лукас	
Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) и его значение для сотрудничества в области безопасности в регионе ..	225
Майкл Э. Ламберт	
Американский анализ развития вооруженных сил и безопасности в Ваханском коридоре (1980-2021 гг.)	236
Срджан Ульевич	
Отношения Индии с Китаем после конфликта на реке Галван	248
Об авторах	256

От редактора

С большим удовольствием представляем вашему вниманию наш третий ежегодный сборник аналитических статей, публикуемый при содействии Академии ОБСЕ. В предыдущих выпусках издания авторы сосредоточили свое внимание на бывших союзных республиках Центральной Азии с меньшим фокусом на соседние страны, такие как Российская Федерация и Афганистан. В этом году авторы расширили сферу своих исследований, выйдя далеко за пределы региона ОБСЕ.

Настоящий ежегодник включает 18 статей, разбитых согласно тематике на пять разделов. В первых двух – «Гегемония или ее отсутствие?» и «В поисках друзей» – авторы пытаются понять эволюцию расстановки сил в Центральной Азии и, соответственно, найти связи за пределами региона. В третьем и четвертом разделах – «Проблема изменения климата» и «Обучение, работа, коммуникации» – они исследуют несколько проблем и возможностей, с которыми в настоящее время сталкивается Центральная Азия, начиная от воздействия окружающей среды на трудовую миграцию до масштабов глубины и качества цифровизации в регионе. И, наконец, в пятом разделе «Китай на задворках ОБСЕ» изучаются последствия возникновения Китайской Народной Республики на политической арене для Индии, Пакистана и, отчасти косвенно, Соединенных Штатов Америки.

Давайте остановимся вкратце на каждой статье ежегодника. Он начинается с теоретического исследования Ригины Сысоевой о природе гегемонии в Центральной Азии или, точнее, ее отсутствия, поскольку она видит в этом регионе тематическое исследование концепции «негегемонистского сотрудничества» американского политолога Роберта Кеохейна. Тем не менее независимо от того, существует гегемония в Центральной Азии или нет, влияние определено есть, особенно из Москвы, Пекина и Тегерана – об этом исследования Айжан Шаршеновой, Нивы Яу и Филипа Рида. Первый раздел заканчивается интригующей статьей Раджаба Тайеба о будущем Афганистана. Тайеб, написавший эту статью перед

выходом сил Организации Североатлантического договора (НАТО), Тайеб предполагает, что Афганистану лучше всего подойдет введение децентрализованной федеральной модели управления. Хотя история, видимо, имела другие планы относительно родины Тайеба, его идея звучит интригующе и может в долгосрочной перспективе оставаться актуальной.

Несмотря на существование стереотипа о том, что Центральная Азия изолирована от мира, она также не особенно интегрировалась с другими странами региона. Давид Канкарини исследует эту своеобразную динамику на примере Туркменистана и Турции, обнаружив, что отношения между этими двумя странами были в значительной степени поверхностными. Тем не менее, как утверждает Парадорн Рангсимапорн, у центральноазиатских стран, как вместе, так и по отдельности, появляется все больше стимулов к более тесному взаимодействию с внешним миром, особенно с Юго-Восточной Азией. Однако не только Центральная Азия должна стремиться к внешнему миру, но и внешний мир, особенно ОБСЕ и Европейский Союз (ЕС), должны стремиться к Центральной Азии. Себастьян Майер исследует, как эти две международные организации связаны друг с другом, поскольку они взаимно противостоят несоблюдению требований со стороны принимающих стран в регионе, и автор пытается найти для них дальнейший путь развития.

Один из фактов, благодаря которому Центральная Азия во многом известна в мире, это, к сожалению, борьба с последствиями изменения климата, которые ощущаются на всех уровнях общества. Кыргызстан, например, является страной, внутренняя экономика которой долгое время зависела от денежных переводов граждан, работающих за границей. Данная тенденция, по мнению Леры Сагынбековой, будет усиливаться, и довольно сильно, по мере того как учащаются засуха, ранние заморозки, сели и другие экстремальные погодные явления. Тем временем, Зане Шиме и Кинга Сзалкай говорят о возможности и модели действий по борьбе с изменением климата, надеясь на усиление принципа многосторонних отношений, поощряемого ОБСЕ и, что особенно важно, Узбекистаном, некогда «спящим гигантом» Центральной Азии, который теперь начинает пробуждаться и берет на себя дипломатическое лидерство среди соседей.

Испытывая такие большие трудности, как живут жители Центральной Азии? По словам наших авторов, как и во всем остальном, они справляются с целым клубком проблем в своей повседневной жизни. Эрик Варпаховскис исследует настоящий взрыв транснациональных высших учебных заведений в регионе, а Дмитрий Ерохин – темпы цифровизации в отдельных странах. Оба автора отмечают насущную необходимость в создании и согласовании стандартов. Нина Михольчич и Нодира Холматова исследуют движущие силы и системные проблемы «экспорта» человеческого труда из Кыргызстана и Таджикистана, начиная с отсутствия экономических возможностей дома и незнания иностранных языков (особенно русского), до невозможности использовать навыки, полученные в результате миграции, – проблемы, которые только усугубились в результате нынешней пандемии. Что еще хуже, Холматова считает, что эти проблемы, как правило, имеют гендерные последствия. По мнению наших авторов, утешает то, что политические меры, которые должны быть приняты, довольно ясны и понятны.

И, наконец, мы подошли к теме возникновения Китая на политической арене и влиянию этого исторического события на задворки ОБСЕ в Пакистане, Афганистане и Индии. Дирк Линовски и Стефан Лукас изучили, как двустороннее сотрудничество между Пекином и Исламабадом, одной из давних стран пар геополитики, не только углубляется, но и приобретает оттенок милитаризма. Тем временем Майкл Э. Ламберт исследует, как Вашингтон все более косо смотрит на растущее влияние Китая, особенно в Ваханском коридоре Афганистана. Срджан Ульевич обсуждает опции, стоящие перед Индией, союзником Соединенных Штатов, после пограничного конфликта с Китаем в долине Галван. Если бы анализ наших авторов новой геополитической реальности можно было описать одним словом, то это слово было бы *«озабоченность»*.

*Кристофер Шварц,
Академия ОБСЕ*

**Гегемония или
ее отсутствие?**

- 11** **Ригина Сысоева**
Понимание международного порядка
в постсоветском регионе
- 18** **Айжан Шаршенова**
Влияние России в Кыргызской
Республике
- 30** **Нива Яу**
Стремление Китая к власти
в Центральной Азии
- 44** **Филип Рейд**
Китайско-иранское стратегическое
сотрудничество: контекст
и центральноазиатские векторы
- 58** **Раджаб Тайеб**
Подходящее время для правильных
перемен в Афганистане

Понимание международного порядка на постсоветском пространстве

Ригина Суссоева

Аннотация

Аналитическая статья посвящена теоретизации современных международных отношений на постсоветском пространстве.¹ Автор приходит к выводу, что международный порядок в регионе можно охарактеризовать как модель «негосподствующего сотрудничества», разработанную американским политологом Робертом Кеохейном. Модель относится к системе, которая не нуждается в обслуживании каким-либо гегемоном. Вместо того чтобы контролироваться только одним субъектом, она регулируется системой институтов и режимов сотрудничества. Данная модель является лучшей характеристикой региона, поскольку в настоящее время в регионе нет гегемона, способного контролировать его международный порядок. Вместо этого в регионе есть пять важных действующих лиц, определяющих режим, которые создают правила сотрудничества. Автор приходит к выводу, что ситуация «негосподствующего сотрудничества» удобна для всех бывших советских государств, поскольку она соответствует их внешнеполитическим приоритетам, и дальнейшее поддержание данной системы выгодно всем ее членам.

Задача: поиск теоретической модели международного порядка на постсоветском пространстве

Международный политический порядок постоянно меняется. Это относится к мировому сообществу в целом и к региональным системам в частности. Цель данной аналитической статье – охарактеризовать международный порядок, в котором развивалось

¹ Под постсоветским пространством автор подразумевает 12 постсоветских государств, за исключением стран Балтии (т.е. Россию, Беларусь, Украину, Молдову, Азербайджан, Армению, Грузию, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Туркменистана).

нынешнее постсоветское пространство. Автор приходит к выводу,² что модель, которая лучше характеризует постсоветское пространство, – это модель, предложенная Робертом Кеохейном,³ основателем политической экономии и разработчиком либерального институционализма.

Институционалистское понимание международного порядка Кеохейна – это совершенно новый подход, отличный от традиционных реалистических и либеральных взглядов, который не отвергает их идеи, а пытается воплотить их основные положения.⁴ Ключом к пониманию Кеохейновского мирового порядка является концепция сотрудничества. Нынешнее сотрудничество описывается с точки зрения высокого уровня взаимозависимости, количества вовлеченных субъектов и институционализации межгосударственных взаимодействий. По словам Кеохейна, мировая политика организована таким образом, что стремление страны наладить партнерские отношения с другими странами – это не просто решение; это его непреодолимая потребность, подлинные корни которой трудно найти, поскольку сотрудничество стало неперенным условием успешного функционирования всех сфер международных отношений, от совместного производства и разделения труда до мировой финансовой системы. Кеохейн назвал данную нынешнюю модель сотрудничества «негосподствующей». Сотрудничество сейчас «негосподствующее», поскольку нет «гегемона» – ни одного государства или державы, способного контролировать мировую систему и правила взаимодействия.⁵ В настоящее время сотрудничеством необязательно должна управлять только одна держава, оно скорее поддерживается международными режимами и институтами. Под режимами Кеохейн понимает совокупность правил сотрудничества и взаимодействия, созданных межгосударственными соглашениями и международными организациями. Они охватывают различные сферы взаимодействия государств – от торговли и коллективной безопасности до охраны объектов всемирного наследия, но глав-

² Это был один из выводов докторской диссертации автора. См.: Сысоева Р. Евразийская интеграция как способ реагирования на глобальные задачи: диссертация кандидата наук / Университет Страны Басков. – 2015. Режим доступа: <https://addi.ehu.es/handle/10810/15842>, дата обращения: 24 июня, 2020.

³ Кеохейн Р. *После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политической экономике*. – Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета. – 1984.

⁴ Сур М. Роберт О. Кеохейн: современная классика. / И. НЕЙМАНН и О. ВЕРЕР (ред.) / *Будущее международных отношений* / – Лондон и Нью-Йорк: Рутледж, 1997. С. 102.

⁵ Кеохейн Р. *После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политической экономике*. – Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета. – 1984. С. 244.

ное условие, на котором они основаны, – это «взаимная регулировка политики»⁶ и обоюдность. В данном контексте режимы можно сравнить с плавающим обменным курсом, когда курс государства определяется требованиями других стран.

Ответ: постсоветский мир как пример модели «негосподствующего сотрудничества»

Модель «негосподствующего сотрудничества» Кеохейна, обобщенная выше, может быть применена к постсоветскому региону. Есть пять ключевых игроков, которые продвигают свои собственные правила сотрудничества на постсоветском пространстве, и все они используют режимы и институты для укрепления своих позиций в регионе и обеспечения долгосрочного присутствия в данном регионе. Этими игроками являются Россия, Китай, ЕС, Турция и США.⁷ Позиции данных пяти ключевых игроков, их инструменты и подходы кратко изложены ниже.

Российская Федерация. Возможность России сохранить свои позиции на мировой арене в качестве великой державы во многом зависит от ее позиций в постсоветском регионе, в котором она остается основной военной державой (имея военные базы в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Молдове и Таджикистане). Кроме того, сила России в регионе основана на инвестициях в заинтересованные сферы, общей истории, широком использовании русского языка на постсоветском пространстве, географической близости, а также высокоразвитых двусторонних и многосторонних связей сотрудничества, включая такие режимы многостороннего сотрудничества, как Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности и Содружество Независимых Государств.

⁶ Кеохейн Р. *После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политической экономике*. – Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета. – 1984. С. 194

⁷ Существование данных пяти создателей режима не отрицает того факта, что бывшие советские партнеры также пытаются создать новые режимы. Примерами таких намерений являются интеграционные инициативы в Центральной Азии (например, Организация Центрально-азиатского сотрудничества) или Организация ГУАМ за демократию и экономическое развитие. Тем не менее, данная аналитическая статья посвящена основным руководителям режима в регионе, которым удалось создать успешные независимые институты. Что касается «собственных» институтов, то интеграционные инициативы в Центральной Азии не увенчались успехом. Что касается ГУАМА, то данная организация не имеет «независимого происхождения», поскольку она была создана в первую очередь для того, чтобы продемонстрировать проевропейский и проНАТОвский выбор своих членов.

Европейский Союз. Бывшие советские государства, географически близкие к ЕС, успешно играют роль буферной зоны политически дружественных стран, открытых для мирной европеизации. Институциональная основа для данной роли велика, и она постоянно развивается. Она начиналась как Техническая помощь Содружеству Независимых Государств (ТАСИС), а затем была заменена политикой Европейское добрососедство и партнерство (ЕДП), соглашениями о партнерстве и сотрудничестве и Стратегией нового партнерства. Наиболее продвинутым режимом сотрудничества ЕС с данными бывшими советскими республиками являются те, с которыми Союз заключил соглашения об ассоциации и создал глубокую и всеобъемлющую зону свободной торговли (т. е. Грузия, Украина и Молдова).⁸ Однако, похоже, что трансформация данных режимов не изменит позиции бывших советских республик в их отношениях с ЕС, и они останутся буферной зоной Союза.

США. Американский подход к региону носит скорее двусторонний, чем многосторонний характер. Однако ее двусторонние подходы к бывшим советским республикам имеют много общего, поскольку все они подразумевают демократизацию, поощрение прав человека, гражданское общество и свободные выборы – ценности, которые очень важны для любой демократической нации. Проблема данных подходов заключается в том, что они обусловлены сменой власти в авторитарных (как считает Вашингтон) постсоветских странах.

Китай. Как и в США, в течение многих лет китайский подход к региону был скорее двусторонним, чем многосторонним. Пекин развивает двусторонний подход к отношениям с каждой из постсоветских стран, активно используя такие инструменты, как экономическая экспансия, энергетическое сотрудничество с богатыми энергоресурсами странами, такими как Казахстан, Туркменистан и Россия, предоставление кредитов и т.д. В настоящее время данная политика обогатилась такими глобальными проектами, как инициатива «Один пояс – один путь», «Морской Шелковый путь 21 века» и «Экономический пояс Шелкового пути». Помимо традиционных для китайской политики инструментов экономической экспансии, Пекин также начал продвигать себя в качестве военного игрока в

⁸ Широких К. Влияние трансгосударственного сотрудничества на политику: статистическая оценка в странах-соседах ЕС на постсоветском пространстве. / *Журнал европейской государственной политики.* – 26, № 1 (2019). – С. 151-152.

регионе, став неотъемлемой частью процесса мирного урегулирования в Афганистане.⁹

Турция. Позиция Турции в регионе является примером политики идеологической экспансии, основанной на пантюркизме и панисламизме и направленной на создание «более широкого тюркского мира». После распада Советского Союза Турция в течение короткого периода играла роль модели развития для некоторых новых независимых государств (т. е. для тюркоязычных стран: Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана). Однако из-за ограниченных экономических возможностей Турция не преуспела в своих экспансионистских планах, ограничив свое сотрудничество с республиками тюркского и исламского братства торговыми и культурными отношениями.

Существование данных пяти основных создателей режима и отсутствие среди них уникального гегемона подтверждает гипотезу автора о том, что нынешний постсоветский регион является примером негосподствующей модели сотрудничества Кеохейна. Необходимо также подчеркнуть, что данный анализ не направлен на сравнение веса власти каждого из создателей режимов в постсоветском регионе (поскольку данные веса и сферы, в которых они применяются, сильно отличаются друг от друга), а скорее на демонстрацию того, что не существует уникального гегемона, который мог бы контролировать регион, что отражает принципы негосподствующей модели сотрудничества Кеохейна.

Рекомендации

Несмотря на свою неоднозначность, система негосподствующего сотрудничества на постсоветском пространстве удобна для всех постсоветских стран. Это идеальная система, которая в случае правильного использования может быть полезной и полной возможностей. Для России данная система позволяет Москве снизить затраты на лидерство. Военная стабильность региона зависит от России, но не от ее общего развития. За тридцать лет независимости каждая постсоветская страна нашла свое место на мировой

⁹ Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая / *Мировая экономика и международные отношения*. – 63, № 5 (2019). – С. 101-108.

арене и пытается развиваться собственными средствами. Присутствие внешних держав в регионе помогает им балансировать между интересами этих держав для достижения собственных выгод. Для Москвы данная ситуация негосподствующего сотрудничества дает ей свободу выбора для участия в тех проектах, которые кажутся интересными для ее самоориентированной политики.

Для других постсоветских государств система негосподствующего сотрудничества также удобна, поскольку она соответствует их политике балансирования между интересами великих держав. Похоже, что все политически стабильные страны привержены данной политике поддержания баланса. Например, в Центральной Азии эта политика называется «многовекторной» (для Казахстана) или «неприсоединением» (для Узбекистана). Это просто разные названия для одной и той же политики балансирования между великими державами, которая отражает стремление к сохранению системы негосподствующего сотрудничества. То же самое можно сказать и о европейских и кавказских постсоветских странах. Даже Беларусь, известная своей наиболее пророссийской политикой, стремится к сотрудничеству с другими участниками в регионе, что подтверждается увеличением числа ее совместных проектов с Китаем. В то же время такая политически нестабильная страна, как Украина, не привержена подобной балансирующей модели, поскольку она активно отрицает институциональную политику одного из участников региона (т. е. России). Это приводит к выводу, что для лучшего будущего постсоветского пространства и его политической стабильности его государствам рекомендуется поддерживать систему негосподствующего сотрудничества в регионе. Для лучшей стабильности этой системы можно рекомендовать, чтобы бывшие советские государства приветствовали инициативы других потенциальных режимов региона, таких как Индия или Иран.

Источники

Кеохейн Р., После гегемонии: сотрудничество и разногласия в мировой политической экономике. – Нью-Джерси: Издательство Принстонского университета, 1984.

Малышева Д., Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая. /Мировая экономика и международные отношения. – 63, № 5 (2019). – С. 101-108.

Пономарев В. Политика США по продвижению демократии на постсоветском пространстве. /Постсоветские выпуски. – 7, № 1 (2020). – С. 18-28.

Сур М., Роберт О. Кеохейн: Современная классика. // Будущее международных отношений; под редакцией И. Нейманна и О. Верера. – Лондон и Нью-Йорк: Рутледж, 1997. – С. 91-119.

Сысоева Р. Евразийская интеграция как способ реагирования на глобальные вызовы: диссертация кандидата наук. – Университет Страны Басков, 2015. Режим доступа: <https://addi.ehu.es/handle/10810/15842>.

Широких К. Влияние трансгосударственного сотрудничества на политику: статистическая оценка в странах-соседях ЕС на постсоветском пространстве. // Журнал европейской государственной политики 26. – № 1. – 2019. – С. 149-168.

Влияние России в Кыргызской Республике

Айжан Шаршенова

Аннотация

Данная аналитическая статья изучает вопросы целенаправленного и случайного влияния России на политику, экономику, общество и культуру Кыргызстана, исследует, какие вызовы ставит данное влияние перед руководством республики, а также предлагает вниманию политиков ряд рекомендаций относительно того, как сделать влияние России выгодным для Кыргызстана.

Настоящее исследование рассматривает три основных вызова, стоящих перед руководством страны. Во-первых, Кыргызская Республика страдает от так называемого «эффекта колеи» – зависимости от прошлого в области принятия решений и формулирования государственных стратегий. В то время как страна готовится отметить тридцатилетие своей независимости в 2021 году, руководство Кыргызской Республики по-прежнему следует курсу своих советских предшественников, которые практически полностью зависели от Москвы в плане разработки и принятия нормативно-правовой базы и государственных программ. В суверенной Кыргызской Республике подобная тенденция приняла форму плагиата на государственном уровне.

Во-вторых, существует вызов чрезмерной зависимости Кыргызстана от России. Зависимость Кыргызстана от России в области поддержки государственного бюджета, экономической помощи, а также обеспечения военной и геополитической безопасности продиктованы экономическим и геополитическим положением Кыргызской Республики. Однако данная зависимость становится чрезмерной и противоречит долгосрочным интересам как Кыргызстана, так и России.

В-третьих, руководству Кыргызстана необходимо понять, исследовать и приложить усилия для того, чтобы сделать политику мягкой силы России выгодной для Кыргызстана. Использование мягкой силы, в третьих странах стало нормой государственной внешней политики, служит государственным интересам и удовлетворяет амбиции супердержав на международной арене.

Россия использует инструменты мягкой силы в большей и более очевидной степени, чем раньше. Такое положение дел требует определенного изменения долгосрочного стратегического мышления со стороны кыргызстанского руководства.

Введение

Россию часто называют «большим братом» Кыргызстана, но она также является бывшей колониальной державой и нынешним стратегическим партнёром Кыргызстана (Mazhikeyev & Edwards 2020). Кыргызско-российские отношения уходят корнями в общее прошлое и обусловлены динамикой повсеместной зависимости Кыргызстана от России. В данной работе я исследую кыргызско-российские отношения с точки зрения интересов Кыргызской Республики и анализирую, какие вызовы стоят перед Кыргызской Республикой в её отношениях с Россией, которая является сильной региональной державой. В следующей части работы я определяю три ключевых вызова в кыргызско-российских отношениях и рассматриваю то, как руководство Кыргызстана реагирует на данные вызовы. На основании анализа темы я предлагаю ряд рекомендаций, которые могут помочь улучшить и перевести кыргызско-российские отношения на новый качественный уровень с учётом долгосрочных интересов обеих сторон. Поскольку формат аналитической статьи довольно мал, данная работа не рассматривает полный спектр вопросов кыргызско-российских отношений. Сложность и глубина этих вопросов требует гораздо большего формата. Данная работа направлена на то, чтобы начать обсуждение и затронуть некоторые из существующих вызовов.

«Эффект колеи»: Зависимость от прошлого

В истории кыргызско-российских отношений есть одна закономерность: Россия ведёт, а Кыргызстан следует. Данная закономерность распространяется на все области общественной деятельности и продолжается она уже два столетия. Территория современной Кыргызской Республики стала частью Российской империи и объектом царской колониальной политики в результате переговоров, сотрудничества, конфликта и вооружённого завоевания в 1855-1876 гг. Революция 1917 года послужила моментом перезагрузки двусторонних отношений теперь уже в рамках Союза Советских Социалистических Республик (СССР). В период нахождения Кыргызстана в составе СССР, СССР внедрил механизмы культурной, языковой, общественной и экономической ассимиляции традиционно кочевого и полукочевого кыргызского населения. Несколько поколений кыргызов и других этнических групп, проживавших в СССР, прошли через полные циклы советского образования и социализации. Советский Союз смог активно и успешно реализовать политику продвижения общего языка, культуры, ценностей и социальных норм. Данная политика внедрила использование русского языка, культуры, ценностей и норм в среде этнических кыргызов. В конце 80-90-х гг. СССР стал свидетелем «парада суверенитетов», когда советские республики начали требовать независимости, провозглашать суверенитет и выходить из состава Союза.

Кыргызская Республика заняла пассивную позицию в параде суверенитетов и не изъявляла большого желания покинуть СССР. Республика Кыргызстан стала самой последней страной, провозгласившей суверенитет 15 октября 1990 года.¹

В первые годы постсоветского периода политика России в отношении Центральной Азии была главным образом направлена на обеспечение мирного распада Советского Союза. Россия сама проходила через беспокойный период экономических, политических и социальных реформ и была не в состоянии вести какую-либо чёткую политику в отношении Центральной Азии. После небольшого периода стагнации в отношениях России с Центральной Азией Россия оживила свою внешнюю политику, в том числе в так

¹ Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан была принята 15 октября 1990 года, полный текст доступен на сайте: <http://soveticus5.narod.ru/85/sborn91.htm#p184>.

называемом ближнем зарубежье. К началу 2010-х годов Россия изменила свою парадигму восприятия центральноазиатских стран сквозь призму так называемого «восточного деспотизма» и начала подчёркивать общность ценностей с регионом (Lo 2015, стр. 9).

Действительно, десятилетия ассимиляции различных этнических групп в общее, преимущественно русское, советское сообщество, привело к определённому «эффекту колеи», или зависимости от прошлого, которое имеет место даже по прошествии довольно существенного периода времени после распада Советского Союза. Например, довольно большое количество нормативно-правовых актов Кыргызстана в области управления вооружёнными силами, образования, здравоохранения, государственного управления, общественного строя и административно-территориального устройства были разработаны на основе нормативно-правовой базы СССР или прямым унаследованы у Советского Союза.

Кыргызская Республика переняла принципы государственного управления, стратегической работы и разработки нормативно-правовых документов у СССР и России. Кыргызская Республика руководствуется логикой и образцами российского законодательства (Marat 2007, стр. 89). Политическое руководство страны² продолжает копировать российские законопроекты и программные документы, нанимает российских экспертов и проводит консультации с российскими чиновниками и дипломатами по многим вопросам. В этом плане интересен пример законопроекта «О манипуляции информацией» 2020 года, который был предложен депутатом Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Гульшат Асылбаевой. Большая часть данного законопроекта была позаимствована из российского федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³. Размер позаимствованного текста был настолько велик, что законопроект кыргызского депутата не смог бы пройти базовую проверку на плагиат, если бы он был академическим трудом. Данный пример не единичен и неудивителен. Политическое руководство страны на разных уровнях не имеет должной независимости, ответственности и компетентности для

² Данная аналитическая статья часто ссылается на руководство или политических лидеров Кыргызстана. С учётом того что в стране границы между ветвями власти размываются, такие термины более точно отражают реальность, чем ссылки на президента, парламент, правительство и суды.

³ Информационный портал «Фактчек Кыргызстан 2020» // Режим доступа: <https://factcheck.kg/manipulyaczii-i-plagiat-v-zakonoproekte-gulshat-asylbaevoj-o-manipulirovanii-informacziej/>.

того, чтобы разрабатывать собственные законопроекты, программные документы или принимать самостоятельные решения. Именно недостаток политической независимости приводит к частым заимствованиям из российской практики, как это было в советские времена. Такая зависимость от прошлого влияет как на качество, так и на способность политического руководства страны внедрять и исполнять позаимствованные нормативно-правовые акты, государственные программы и решения в стране. Если ничего не будет предпринято, то данная тенденция может значительно усложнить способность государственного управления.

Чрезмерная зависимость от России

Кыргызскую Республику и Россию связывают многие нити, такие как общее прошлое и русский язык. К тому же, Россия имеет довольно существенное влияние в зависимой от доноров стране. Данное влияние выражается в участии России в обеспечении военной и государственной безопасности в Кыргызстане, а также в возрастающей экономической зависимости Кыргызстана от России. Экономическая зависимость Кыргызстана от России может соперничать только с зависимостью от Китая. Товарооборот с Россией составляет 70.5% от общего объема торговли Кыргызстана⁴. Денежные переводы рабочих мигрантов из России в Кыргызстан в 2019 году составили почти треть объема экономики страны⁵. Число граждан Кыргызстана, работающих в России, варьируется от 600 000 до 800 000 человек⁶. Российский «Газпром» владеет и управляет ресурсами природного газа в Кыргызстане⁷. Россия влияет на экономическое развитие Кыргызстана и через региональные организации – Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Евразийский таможенный союз. Кыргызская Республика присоединилась к ЕАЭС в 2015 году, и с тех пор положения ЕАЭС влияют на торговые и миграционные связи Кыргызстана с Россией.

⁴ Информационное агентство «Кабар» // Режим доступа: <http://kabar.kg/news/ob-emvнешnego-tovarooborota-kyrgyzstana-sostavil-931-4-mln-natcstatkom/>.

⁵ База данных Всемирного банка // Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=KG>.

⁶ «Российская Газета» // Режим доступа: <https://rg.ru/2019/01/10/tret-trudovyh-migrantov-iz-kirgizii-hotela-by-ostatsia-zhit-v-rossii.html>.

⁷ Информационный портал «Акчабар» // Режим доступа: <https://www.akchabar.kg/ru/article/economy/kyrgyz-gaz-gazprom/>.

Россия также является важным международным донором Кыргызстана. Большая часть средств российской поддержки проходят через Российско-Кыргызский Фонд развития (РКФР)⁸, либо через агентства Организации Объединенных Наций⁹. Финансовая поддержка в основном предоставляется в форме частичного списания долгов, хотя существуют и проекты развития¹⁰. Предоставляемая Россией поддержка играет жизненно необходимую роль для Кыргызстана, который регулярно испытывает финансовые трудности. Однако необходимо заметить, что данная поддержка не ограничивается конвенциональной поддержкой развития и гуманитарной помощью, а включает в себя и поддержку вооруженных сил и государственной безопасности Кыргызстана. Россия имеет авиационную базу в городе Кант в северной части Кыргызстана, которая также является центром логистики и перевозок Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). К тому же Россия занимается подготовкой сотрудников Государственного комитета национальной безопасности (ГКНБ) Кыргызской Республики. Академия Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ) принимает до 20 кадетов из Кыргызстана в год и занимается подготовкой кадров ГКНБ КР. Российская сторона покрывает расходы на обучение, проживание и питание кадетов¹¹.

Торговля, многосторонние отношения в рамках региональных организаций и сотрудничество в рамках безопасности являются обычными компонентами двусторонних отношений стран региона. Однако зависимость Кыргызской Республики от России становится чрезмерной и всесторонней. Такая зависимость ограничивает свободу внешнеполитического и внутривнутриполитического выбора в Кыргызстане. Кыргызские политики вынуждены догадываться, что нужно или может понравиться России, что создает довольно нездоровые и несбалансированные отношения, которые мало выгодны обеим сторонам.

⁸ Российско-Кыргызский Фонд развития // Режим доступа: ссылка <http://www.rkdf.org/ru/>.

⁹ Одним из примеров оказания помощи через ООН является обеспечение школьников питанием – проект осуществляется через Всемирную продовольственную программу // Режим доступа: <https://www.wfp.org/news/wfp-expands-school-meals-programme-kyrgyzstan>.

¹⁰ Газета «The Moscow Times» // Режим доступа: <https://www.themoscowtimes.com/2020/10/15/russia-suspends-aid-until-kyrgyzstan-stabilizes-rbc-a71761>.

¹¹ Радио «Свободная Европа/Радио Свобода», Кыргызская служба // Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/28143638.html>.

Чрезмерная зависимость от России противоречит интересам и самой России. Кыргызстан уже зарекомендовал себя в качестве верного соратника России, поскольку у страны и так ограничены возможности противоречить «большому брату». Чрезмерная зависимость Кыргызстана от России просто создаёт довольно дорого обходящиеся обязательства, что является обоснованной инвестицией России в отношения. Вряд ли Россия заинтересована в том, чтобы покрывать регулярные дыры в бюджете¹², существующие, среди прочего, и по причине коррумпированного и некомпетентного управления государством и ресурсами в Кыргызстане. Такое расходование средств России вряд ли будет принято общественностью в России или принесёт какие-либо дополнительные внешнеполитические дивиденды Москве.

Мягкая сила, и что с ней делать

Внешняя политика Российской Федерации претерпела ряд значительных трансформаций в последнее десятилетие. Одним из ключевых изменений стало создание набора определённых инструментов мягкой силы, которые обеспечивают поддержку российской внешней политики и национальной безопасности, а также преследуют национальные интересы России за рубежом. Россия, можно сказать, вступила или даже вернулась в гонку мягкой силы, создав и возродив институциональные механизмы продвижения российской культуры, русского языка и российских национальных интересов за рубежом. Данные институты включают в себя Фонд «Русский мир» (создан в 2007 году) и Россотрудничество (создано в 2008 году).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир»¹³ смог построить устойчивую международную инфраструктуру. Возможно, Фонд не так известен, как например, Британский совет или Институт Конфуция, но он уже определённо помог России заявить о себе в клубе государств, использующих мягкую силу. Фонд «Русский мир» практически удвоил количество своих центров в мире с 82 (в 2013 году) до 171 (MacDonald 2018, стр. 26).

¹² Недавний пример – Правительство Кыргызстана попросило Россию предоставить 20 миллионов долларов США для того, чтобы осуществить выплату пенсий // Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/31024006.html>.

¹³ Фонд «Русский мир» // Режим доступа: <https://russkiymir.ru/>.

Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) подотчётно Министерству иностранных дел (МИД) Российской Федерации¹⁴. Данное государственное агентство занимается реализацией мероприятий в сфере содействия международному развитию и культурной дипломатии. Россотрудничество работает в странах Центральной Азии, Латинской Америки и Восточной Европы. Россотрудничество осуществляет свою деятельность через Российские центры науки и культуры (РЦНК) в третьих странах; в Кыргызстане функционирует РЦНК. Россотрудничество является преемником одного из старейших и наиболее формализованных учреждений российской мягкой силы. В то время как представительство Россотрудничества на местах и его охват в интернет-пространстве может показаться ограниченным, работа Россотрудничества является свидетельством того, что Россия начала серьезно вкладывать в развитие инструментов мягкой силы и вступила в клуб держав мягкой силы – государств, имеющих желание и возможности достигать до умов и сердец людей за пределами своей территории.

Россия реализует ряд программ, проектов и инициатив в области просвещения, культурного и научного обмена. Так, Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова регулярно создаёт платформы для дискуссий студентов, исследователей и профессионалов. Существуют двусторонние проекты сотрудничества между школами и высшими учебными заведениями, которые занимаются продвижением культурного и образовательного обмена. Данные мероприятия пока ограничены в масштабе и, возможно, недофинансированы, но они проводятся в благоприятной среде. Кыргызстан закрепил статус официального языка за русским языком. Сильные культурные и социальные связи также облегчают задачу использования инструментов мягкой силы в стране.

С учётом вышеизложенного, руководству Кыргызстана необходимо решить, как им следует понимать и реагировать на использование инструментов мягкой силы Россией в стране. Политическим элитам нужно осознавать, какие инструменты мягкой силы используются в стране, как это влияет на национальные интересы Кыргызстана, и как Кыргызстану нужно вести себя в такой ситуа-

¹⁴ Россотрудничество // Режим доступа: <http://rs.gov.ru/en>.

ции. Необходимо изменение в области стратегического мышления руководства, чтобы учитывать аспект мягкой силы и использовать его в интересах страны.

Заключение

Независимой Кыргызской Республике исполняется 30 лет, но страна до сих пор находится в поиске своего пути развития и сбалансированного подхода к своим отношениям с международными партнёрами, основанных на своих интересах. Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана в последние 30 лет оставляло желать лучшего. Итогом такой ситуации стала неспособность страны обеспечить своих граждан работой, доступом к здравоохранению, образованию и социальной поддержке. При таких условиях неудивительно, что Кыргызстану приходится рассчитывать на денежные переводы своих рабочих мигрантов за рубежом, внешнюю поддержку бюджета и донорскую помощь, а также ждать от других стран помощи в обеспечении собственной безопасности. Постоянная зависимость от России вкупе с коррумпированным и некомпетентным государственным управлением приводит к фактическому созданию государства-рантье. Такое государство скорее обуза, чем партнёр для других стран. Если ничего не делать, то долгосрочная, чрезмерная зависимость Кыргызстана от России может привести к нездоровой экономической и политической зависимости, что, в конечном итоге, фактически приведёт к потере реальной независимости и государственной идентичности.

Рекомендации

Данная аналитическая статья лишь затронула несколько вопросов – спектр проблем, которые тормозят развитие Кыргызской Республики; её способность быть независимым внешнеполитическим игроком гораздо шире, глубже и сложнее. Для того чтобы Кыргызстан смог стать более независимым, самодостаточным и равноправным государством-партнёром, ему необходимо обеспечить компетентное государственное управление, прозрачность, сокращение бедности, диверсификацию экономики, занятость населения, благоприятный инвестиционный климат, базовое вер-

ховенство закона и справедливость, среди прочего. Тем не менее, информированный, просвещённый и умный подход к принятию решений и стратегий может позволить грамотно отреагировать на вышеуказанные вызовы.

- Во-первых, руководству Кыргызстана необходимо найти выход из долгого периода зависимости от прошлого и перестать бездумно копировать российское законодательство и государственные программы. Учёт опыта других стран безусловно является хорошей практикой, однако, политическим лидерам Кыргызстана необходимо анализировать, почему и как Россия принимает тот или иной закон или программу, а также учитывать местные реалии и контекст. Иными словами, необходимо подгонять российский опыт под местные условия. Это относится и к опыту других стран, который может пригодиться в Кыргызстане. В общем, существует необходимость применять более системный и сфокусированный подход к разработке государственных программ и принятию решений, основанный на экспертном анализе и понимании общей концепции пути развития Кыргызской Республики.
- Во-вторых, существует необходимость решить вопрос чрезмерной зависимости от России. Нездоровый масштаб зависимости в области экономики, политики и безопасности является проблемой по нескольким причинам. В случае Кыргызстана последствия подобной зависимости многочисленны, так как страна не достигает своих целей по развитию, зависит от внешнего обеспечения собственной обороны и национальной безопасности, а также зависит от многих внешних факторов вне своего контроля. Руководству Кыргызстана необходимо провести масштабную инвентаризацию аспектов и компонентов своей зависимости от России. На основе такой инвентаризации необходимо решить, в каких областях взаимодействия можно сократить, заменить или диверсифицировать зависимость. Достичь полной самостоятельности и независимости в современных условиях глобализации невозможно, но сократить нездоровую зависимость от внешнего партнёра до адекватного уровня представляется вполне возможным.

- Кыргызскому руководству необходимо пересмотреть свои подходы к двусторонним отношениям и принять мягкую силу как неотъемлемую часть практики внешней политики. Нужно понимать, принимать и быть практичными в отношении мягкой политики России и инструментов реализации мягкой политики в Кыргызстане. Политическому руководству страны нужно решить, где проходят границы мягкой силы, поскольку границы важны для развития здоровых отношений с таким крупным стратегическим партнёром, как Россия. Например, если руководство страны ставит государственное строительство и гражданскую идентичность в центр своей политики, то нужно понимать, как влияние России может формировать данные цели. Большая часть доступных каналов телевидения и радио в Кыргызстане являются российскими – возможно, пришло время вкладывать в производство качественного и доступного отечественного продукта в области информации и развлечений. Запреты и цензура недопустимы, но всей стране важно становиться осознанным и проинформированным потребителем продуктов мягкой силы. Руководству страны также необходимо разобраться, как получить выгоду из реализации мягкой силы в стране. Например, если в краткосрочной перспективе стране придётся зависеть от рабочей силы за рубежом для выживания, государству нужно обеспечить доступ рабочих мигрантов к образовательным и культурным программам России, поскольку они могут существенно облегчить мигрантам адаптацию и поиск работы в России.
- Все региональные державы с глобальными амбициями активно развивают и реализуют программы использования мягкой силы, в третьих странах. Такие программы не несут положительной или отрицательной моральной нагрузки. Пора признать, что Кыргызстан является местом, где оперируют несколько супердержав в области мягкой силы, понять динамику их работы и постараться получить выгоду для страны.

Источники

Фоминых, А. Е. Российские университеты на образовательных рынках Центральной Азии: Публичная дипломатия, сотрудничество и конкуренция. / Вестник Томского государственного университета/ История, № 6(32) – Томск, 2014. – С. 28-31.

Концепция внешней политики Кыргызской Республики (утверждена Президентом Кыргызской Республики С. Ш. Жээнбековым 12 марта 2019 г.).

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248.

Indeo, Fabio. The role of Russia in the Central Asian security architecture. // *OSCE Academy Policy Brief Series*, no. 48. – Bishkek: OSCE Academy, 2018.

Keller, Shoshana. *Russia and Central Asia: Coexistence, conquest, convergence*. // Toronto: University of Toronto Press, 2020.

Laruelle, Marlene. *The “Russian world”: Russia’s soft power and geopolitical imagination*. // Washington, DC: The Centre on Global Interests, 2015.

Lo, Bobo. Frontiers new and old: Russia’s policy in Central Asia.// *RussieNei Visions*, no. 82. – Paris: IFRI Russia/NIS Center, 2015.

MacDonald, Alistair. *Soft power superpowers: Global trends in cultural engagement and influence*. – London: British Council, 2018.

Marat, Erica. Soviet Military Legacy and Regional Security Cooperation in Central Asia. / *China and Eurasia Forum Quarterly*. –Volume 5, No. 1, // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. –, 2007. PP. 83-114.

Mazhikeyev, Arman, and Edwards, T.Huw. Post-colonial trade between Russia and former Soviet republics: back to big brother? // *Economic Change and Restructuring*. –Volume 53, Issue 4. – 2020.

Nikitina, Yulia. *Does Russia have a strategy for Central Asia?* // Crossroads Policy Brief no. 6, 2020.

Nye, Joseph. *The future of power: Its changing nature and use in the 21st century*. – New York: Public Affairs, 2011.

Стремление Китая к власти в Центральной Азии

Нива Яу

Аннотация

Каждая администрация Китая с 1991 года демонстрировала различные виды взаимодействия с Центральной Азией. Хотя значение Центральной Азии в значительной степени осталось неизменным, данные политические различия при каждой администрации Китая были обусловлены внутренними факторами внешней политики. При администрации Цзяна политика в отношении Центральной Азии реагировала на слабую международную переговорную силу в сочетании с правительством Китая, находящимся под советским влиянием. Это привело к тщательной и эффективной политике на небеспопеченной основе. Движимая экономическим чудом Китая, администрация Ху реализовала различные стратегии по сближению китайской и центральноазиатской экономики. Администрация Си, чья внешняя политика в Центральной Азии была обусловлена идеологически, не смогла провести четкую практическую политику в регионе по сравнению с предыдущими администрациями. Отношения Китая и Центральной Азии после COVID-19 будут в значительной степени определяться тем, насколько быстро восстановится экономика Китая, когда появится финансирование для запуска программы Си «Один пояс – один путь». Ключевым аргументом в данной аналитической статье является то, что аналитическое изучение внешней политики Китая в Центральной Азии (и в других местах) должно в первую очередь учитывать внутренние факторы Китая, учитывая их способность влиять на действия Коммунистической партии Китая. Данная теоретическая основа далее предлагает политические рекомендации для лидеров государств Центральной Азии в понимании и работе со стремлениями Китая в регионе.

Введение

Стремление Коммунистической партии Китая к региональной господствующей власти в Азии никогда не исключало Центральную Азию. Лидеры в Пекине хорошо изучают историю. На протяжении тысячелетий Центральная Азия всегда была одним из ключевых факторов упадка и подъема китайской цивилизации. Многочисленные китайские династии были доведены до банкротства из-за непрекращающихся войн с народами Центральной Азии. Данная глубокая историческая память служит одним из ключевых напоминаний о стратегической важности Центральной Азии для Китая. С момента обретения Центральной Азией независимости Коммунистическая партия Китая начала борьбу за власть в Центральной Азии.

Данная аналитическая статья разбирает политику Китая в Центральной Азии на три этапа при каждой администрации Китая, начиная с 1991 года. Уделяя внимание контексту каждого периода, данная статья подчеркивает замкнутый, внутренний характер политики Китая в Центральной Азии. На подобном теоретическом фоне данная статья завершается соответствующими рекомендациями по политике для государств Центральной Азии.

Администрация Цзяна (1989 – 2002)

Независимость Центральной Азии стала шоком для лидеров Китая. Коммунистическая партия Китая никогда не планировала сценарий с независимой Центральной Азией (Син, 1996, стр. 17). Находясь под огромным давлением Запада после инцидента на площади Тяньаньмэнь в 1989 году, Китай поспешил разработать быструю политику в отношении Центральной Азии. Практически не имея контактов в Центральной Азии, администрация Цзяна, занятая в основном бегло говорящими по-русски советскими образованными чиновниками, такими как сам Цзян, в первую очередь с осторожностью относилась к абсолютному намерению России продолжить форму советского наследия в Центральной Азии. В то же время лидеры в Пекине пришли к единому мнению о том, что утверждение влияния Китая в Центральной Азии стратегически

важно по многим направлениям. Учитывая это, ранняя политика Китая в Центральной Азии была базовой на поверхностном уровне, направленной на решение неотложных двусторонних проблем, но была тщательно продумана после 1994 года, чтобы заложить основу для усиления влияния Китая в регионе.

Главной целью в Центральной Азии при администрации Цзяна была поддержка возвышения отдельных лидеров Центральной Азии в попытке вызвать большее чувство независимости от России. Щедрые кредиты были предоставлены лидерам Центральной Азии из рук в руки, когда премьер Ли уже в то время говорил о возрождении старого Шелкового пути, приглашая на двусторонние встречи группу за группой предпринимателей Китая (Яу, 2020, стр. 2). Во-первых, создание независимой группы лидеров Центральной Азии необходимо для обеспечения сильной региональной готовности противостоять сепаратистскому движению в Синьцзяне. Лидеры Китая в Пекине рассматривали единство Центральной Азии как насущную необходимость урегулирования конфликта на местном уровне. Учитывая годы советской поддержки уйгурского восстания, Китаю требовались коллективные региональные усилия по дезинтеграции сетей Восточного Туркестана, разбросанных по всей Центральной Азии.

Успешное создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2001 году было необходимостью для китайских лидеров в Пекине, чтобы сохранить свой голос в соседнем регионе. В мрачных условиях распада Югославии коммунистическому Китаю необходимо было сориентировать движение за независимость Синьцзяна в сторону от архитектуры международной безопасности. В тот же период администрация Цзяна передала несколько приграничных регионов, некогда находившихся под юрисдикцией Цинского Китая, России, Казахстану и Кыргызстану в качестве жеста, демонстрирующего дружественную дипломатическую приверженность. Земельные сделки, имевшие важное значение для успешного создания ШОС, в свою очередь, были катастрофическими для администрации Цзяна. Несмотря на тщательно подготовленное сообщение о сделках с землей как об успешном поворотном моменте в отношениях Китая и России, националисты материкового Китая называли Цзяна предателем, российским шпионом за продажу земли Китая России. Заключая сделки на землю, а

также выдавая щедрые займы и инвестиции, Китай четко выразил свою твердую волю работать с лидерами Центральной Азии.

Во-вторых, поощрение формирования независимой группы лидеров Центральной Азии помогло снизить потенциал стратегического окружения России вокруг Китая. С данной целью первоначальная политика Китая в Центральной Азии была направлена на создание основы для обеспечения будущей интеграции между экономикой Китая и Центральной Азии. Содействие развитию и поддержке более независимой экономики Центральной Азии также помогло уменьшить миграцию в Россию, и лидеры Пекина понимали, что данная зависимость играет ключевую роль в устойчивом влиянии России в регионе (Джи и Го, 2017, стр. 126). Таким образом, администрация Цзяна провела первые дипломатические годы, убеждая лидеров Центральной Азии в том, что интеграция с китайской экономикой может вернуть регион к его некогда процветающим дням во время Великого Шелкового пути и с этим экономическим процветанием лидеры Центральной Азии могут достичь любой желаемой политической легитимности.

Как нефтепровод Казахстан-Китай, так и трубопровод природного газа Китай-Центральная Азия, инициированный и ставший возможным благодаря администрации Цзяна, служат важным целям в ориентации Центральной Азии на Китай. Кризис в Тайваньском проливе 1995-1996 годов с участием Соединенных Штатов встревожил лидеров Китая из-за их собственной необычной зависимости от морских путей как единственного маршрута импорта нефти и газа. В 1997 году Китай подписал первое соглашение с Казахстаном о строительстве двустороннего нефтепровода, что открыло стратегический потенциал для перехода от использования морских источников энергии (People's Daily, 1997).

Администрация Ху (2002 – 2012)

В данный период политические усилия предыдущей администрации принесли свои плоды. Правительства Центральной Азии практически поддержали режим Китая в борьбе с сепаратистским движением в Синьцзяне (Паньер, 2020). Китай создал прочную

основу для укрепления влияния в регионе через ШОС¹ (Яу, 2020). Успех в укреплении двустороннего политического доверия на высоком уровне в предыдущем десятилетии предоставил администрации Ху возможность серьезно отнестись к плану создания сухопутного торгового маршрута и надежного источника энергии из Центральной Азии и через нее. Поскольку администрация Ху стала свидетелем беспрецедентного роста экономики Китая, энергетическая и грузовая зависимость от контролируемого США Южно-Китайского моря и Тайваньского пролива также возросла, что побудило лидеров Китая разработать стратегию этапов по преращению зависимости Китая от морской торговли.

В начале этого десятилетия до лидеров в Пекине дошло, что рынок не может быть подчинен политике, по крайней мере, не просто так. В то время как показатели торговли между Китаем и Центральной Азией значительно выросли с 463 миллионов долларов в 1991 году до 2,3 миллиарда долларов в 2002 году, большая часть этих показателей была связана с торговлей между Китаем и Казахстаном². При 368 миллионов долларов в 1992 году и 1,9 миллиарда долларов в 2002 году двусторонняя торговля между Китаем и Казахстаном, тем не менее, разочаровала китайских лидеров, которые недооценили торговый потенциал между двумя странами. В 2002 году Казахстан занял 45-е место по объему китайского экспорта и 29-е место по объему китайского импорта (Всемирный банк, 2020 год).

На данном фоне политика Китая в Центральной Азии во время правления Ху продолжала поддерживать политическое доверие на высоком уровне и развивать более сильную экономическую интеграцию, чтобы сделать реальностью наземный торговый маршрут. Основной целью в Центральной Азии при администрации Ху было углубление сотрудничества между Китаем и Центральной Азией.

Во-первых, были открыты другие области сотрудничества, чтобы компенсировать разочарование в двусторонней торговле при

¹ ШОС смогла прийти к коллективному решению в отношении военных баз НАТО, выразив поддержку внутривосточной повестке Пекина. В 2005 году ШОС призвала США установить крайний срок для вывода войск из Центральной Азии (Шанхайская организация сотрудничества, 2005). В 2008 году ШОС выступила против членства Тайваня в Организации Объединенных Наций, заверив в поддержке воссоединения Китая с националистическим островом (UzDaily, 2008). В то же время ШОС не поддержала российскую повестку дня в Южной Осетии (Reuters, 2008).

² Данные, полученные от посольств Китая в Центральной Азии.

администрации Ху, тем самым укрепив дальнейшее влияние Китая в регионе. Система механизмов сотрудничества расширилась за рамки торговли при администрации Ху, соединив чиновников Китая с их коллегами из Центральной Азии в различных областях. Последовательно возглавляемые высокопоставленными официальными лицами Китая, данные комитеты по сотрудничеству подчеркивают политическую важность Центральной Азии. Кроме того, данный механизм комитета по сотрудничеству предлагает прямой канал переговоров между официальными лицами Китая и Центральной Азии, а также заинтересованными сторонами в конкретных областях. В области финансов усилия по обновлению двустороннего договора о поощрении и защите инвестиций между Китаем и Казахстаном 1992 года ведутся в рамках комитета по финансовому сотрудничеству с 2014 года, где представители как китайского, так и казахстанского финансового сектора обсуждают вопросы в присутствии политических лидеров³. В рамках усилий по совместному использованию рек и связанных с этим водных вопросов комитет по сотрудничеству в области геологии организовал совместную работу китайских и казахстанских ученых над гидрогеологической картой Или-Балхашского бассейна в 2011 году (Министерство природных ресурсов Китайской Народной Республики, 2011).

Во-вторых, в свете разочаровывающей торговли китайские банки начали выдавать крупные кредиты для поддержки государственных предприятий Центральной Азии в целях углубления экономической интеграции. В период с 2005 по 2012 год Экспортно-импортный банк Китая выдал, по оценкам, по меньшей мере 14,3 миллиарда долларов кредитов государственным предприятиям Центральной Азии, за которыми последовали 6,3 миллиарда долларов от Банка развития Китая⁴. Некоторые из крупнейших

³ В августе 2019 года на встрече присутствовали представители Казахстанского государственного банка, Фонда национального благосостояния Казахстана «Самрук-Казена», Международного финансового центра Астаны, Казахстанского банка развития, Казахского народного банка, Казахстанской фондовой биржи, Казахского сберегательного банка, банка «Алкин», Казахстанской экспортной компании, Казахстанского межбанковского расчетного центра и Китайско-Казахстанского центра приграничного сотрудничества «Хоргос». Китайские представители включают Народный банк Китая, Министерство торговли Китая, Министерство иностранных дел Китая, Комитет по управлению банковским делом и надзору за рынком Китая, Экспортно-импортный банк Китая, Китайский банк развития, Китайскую страховую компанию по экспорту, Китайский сельскохозяйственный банк, Банк Китая, Китайский строительный банк. См.: <http://www.mfa.gov.kz/zh/beijing/content-view/po-itogam-10-go-zasedania-podkomiteta-pofinansovomu-sotrudnicestvu-kazahstansko-kitajskogo-komiteta-po-sotrudnicestvu>.

⁴ Составлено автором на основе исследований с открытым исходным кодом на китайском языке.

сделок включают кредит в размере 7,1 миллиарда долларов «Туркменгазу», кредит в размере 5 миллиардов долларов «КазМунай-Газу» (через Фонд SK) и кредит в размере 1,3 миллиарда долларов «Каз Минералз». Помимо добычи ресурсов, Национальный банк Узбекистана получил в тот период кредит в размере не менее 1,1 миллиарда долларов от китайских государственных банков для поддержки малого и среднего бизнеса Узбекистана.

Многие из данных кредитов, выданных китайскими государственными банками государственным предприятиям Центральной Азии, были перепрофилированы для найма китайских государственных подрядчиков. Например, в 2017 году Экспортно-импортный банк Китая предоставил ссуду в размере 808 миллионов долларов Казахской национальной дорожной корпорации для найма China General Technology для ремонта двух автомагистралей, одна из которых проходит от Калбатау до Джимунай на границе с Китаем, а другая – от Мерке до Бурылбайтала (China General Technology, 2017). Эти кредиты от китайских политических банков, в свою очередь, поддержали правительства Центральной Азии, политическая легитимность которых была частично подтверждена деятельностью этих государственных предприятий и проектов.

Администрация Си (2012 – настоящее время)

Во время официального визита в Соединенные Штаты за девять месяцев до вступления Ху в должность верховного лидера Коммунистической партии Китая Си впервые предложил, чтобы две страны построили «новый тип отношений великих держав». С точки зрения Китая, мир в этом десятилетии уже сместился в пользу Поднебесной. Необходим новый тип отношений, поскольку Китай теперь присоединился к клубу великих держав мира. Данный вердикт, обусловленный и дополнительно подкрепленный ростом национализма в Китае, побудил администрацию Си создать грандиозную картину будущего – программу «Один пояс – один путь», глобальный проект, направленный на ускорение подключения к евразийскому континенту (Ю, 2017. С. 356).

Политика Китая в Центральной Азии при администрации Си была быстро поглощена этой идеологически обусловленной ини-

циативой «Один пояс – один путь». В подавляющем большинстве выступлений и отчетов о встречах лидеров Китая и Центральной Азии по теме сотрудничества с тех пор подчеркивалась инициатива «Один пояс – один путь», в то время как новые области сотрудничества сформулированы как продвижение данной стратегии сотрудничества. Находясь в центре Экономического пояса Шелкового пути (Пояса), администрации Цзяна и Ху укрепили хорошую основу в Центральной Азии для администрации Си по реализации дополнительных идей в регионе. Главная цель политики Китая в Центральной Азии при администрации Си состоит в том, чтобы сориентировать регион как ключевой центр инициативы «Один пояс – один путь».

Когда начали проявляться признаки замедления экономики Китая (2011~), Си изо всех сил пытался финансировать дорогостоящие многомиллиардные проекты, которые приносят небольшую прибыль, и амбициозный глобальный проект сначала сделал акцент на политических обязательствах, прежде чем стать практическим стимулом к сотрудничеству.

Например, хотя согласование внутренних и двусторонних стратегий развития с Инициативой послужило хорошим образцом для сотрудничества, они не смогли воплотить ожидания в реальность с учетом неблагоприятных экономических условий. К тому же крымский кризис 2014 года привел к резкой девальвации российского рубля и валют Центральной Азии. В результате торговля между Китаем и Центральной Азией резко сократилась. С 2013 по 2016 год двусторонний товарооборот между Китаем и Центральной Азией сократился на 40% – с 50,2 миллиарда долларов до 30 миллиардов долларов⁵. В 2016 году двусторонний товарооборот между Китаем и Казахстаном составил 13 миллиардов долларов, что является самым низким его показателем между двумя странами за последние 10 лет. В 2015 и 2016 годах десять проектов на общую сумму 2,1 миллиарда долларов начали строительство в рамках соглашения между правительством Китая и правительством Казахстана о промышленных инвестиционных проектах 2015 года (Казах Инвест, 2019). Поскольку экономика Казахстана начала демонстрировать признаки восстановления, в 2017 и 2018 годах в рамках соглашения было начато строительство одиннадцати проектов на сумму 6,5 миллиарда долларов («Казахинвест», 2019).

⁵ Данные, полученные из различных отчетов, опубликованных Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики.

Без щедрой финансовой поддержки в логистике большая часть работы, проделанной в первые годы правления Си (2013 - 2016 гг.), была сосредоточена на решении проблем существующей инфраструктуры. Например, был облегчен транзит для товаров из Центральной Азии, направляющихся в Юго-Восточную Азию в Ляньюаньгане, создана система разрешений для водителей, перевозящих грузовые автомобили между Китаем и Центральной Азией, и расширены варианты маршрутов для поездов Китай-Европа. Тип сотрудничества перешел от преимущественно двустороннего к многостороннему, с участием стран из других регионов Евразии (например, переговоры с Азербайджаном о транзите грузовых паромов), на платформах, созданных во имя программы «Один пояс – один путь». В отличие от предшественников, администрация Си упустила из виду четкую практическую стратегию в Центральной Азии, тем самым не сумев реализовать проекты, соответствующие потенциалу региона «Один пояс – один путь». Она оказалась неэффективной в решении ключевых двусторонних вопросов, таких как решение Казахстана предоставить убежище этническим казахам из Синьцзяна. Как зона свободной торговли ШОС, так и железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан по-прежнему не могут материализоваться, несмотря на некоторые попытки Китая при администрации Си продемонстрировать экономические выгоды для государств Центральной Азии.

От реакционной внешней политики до реализации своей собственной повестки дня в будущем амбиции Китая в Центральной Азии больше не сдерживаются. Идеологический сдвиг Си радикально подтолкнул Китай к усилению взаимодействия с Центральной Азией, но практический прогресс в реализации проекта был и будет чувствителен к экономическому росту Китая.

Заключение

В данной статье подробно описывается переход политики Китая в Центральной Азии от реакционной во время правления Цзяна к экономически ориентированной во время правления Ху и идеологически ориентированной во время правления Си. По мере усиления независимости Тайваня мирное воссоединение между Китаем и Тайванем становилось все более маловероятным, Цен-

тральная Азия превратилась в стратегический ключевой регион Китая, чтобы сбалансировать усиление милитаризации в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море. Хотя консенсус китайского руководства в отношении стратегической важности Центральной Азии очевиден, на местах стремление к власти в Центральной Азии было обусловлено внутренним характером политических факторов в каждой администрации.

Рекомендации

- Во-первых, политики Центральной Азии должны следить за внутренней обстановкой в Китае, чтобы улавливать китайские внешнеполитические директивы в регионе.

После пандемии COVID-19 велика вероятность того, что Китай предложит пакеты экономических стимулов по всему миру, если китайская внутренняя экономика восстановится и хорошо отреагирует на ужесточение контроля за движением капитала. В таком случае некоторые дорогостоящие объекты инфраструктуры «Один пояс – один путь» в Центральной Азии могут получить щедрое финансирование, например, кыргызстанский участок железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Кроме того, может быть оказана значительная финансовая поддержка в создании банка развития и/или зоны свободной торговли в рамках ШОС, инициатив, поддерживаемых Китаем с начала 2010-х годов. Это будет стимулировать значительную волну китайских инвестиций в регион.

Ведущий экономический фактор Китая за рубежом после COVID-19, скорее всего, будет возглавляться государственными предприятиями. Во время COVID-19 китайские государственные предприятия стояли на ногах, они понесли потери всего в 7% по сравнению с 21% в частном секторе Китая (Чэнь, 2020). Китайские государственные предприятия, скорее всего, возглавят данные новые пакеты экономических стимулов за рубежом, поскольку частный сектор продолжает страдать, а китайское правительство внимательно следит за оттоком капитала. Таким образом, политические стимулы, скорее всего, будут иметь приоритет над прибыльностью проектов, усугубляя коррупцию в регионе.

Это станет испытанием мягкой силы Китая в регионе, поскольку антикитайские настроения продолжают вызывать протесты в Казахстане и Кыргызстане, ставя под угрозу безопасность инвестиций. Более того, по мере как местные жители начинают с опаской относиться к китайским инвестициям, это мешает центральноазиатским элитам проявлять прокитайскую позицию, опасаясь негативной реакции, осложняющей реализацию китайских проектов. Таким образом, управление этими антикитайскими настроениями необходимо, с точки зрения как китайской, так и центральноазиатской элит. При улучшении бизнес-среды государства Центральной Азии должны быть активными в то же время, чтобы обеспечить прозрачность процесса.

- Во-вторых, правительствам стран Центральной Азии следует усилить профессионализм своей деловой среды для управления поступающими инвестициями из Китая, которые могут способствовать экономическому восстановлению после COVID-19. Часть таких усилий должна быть направлена на обеспечение большей прозрачности в отношении китайских инвестиций и проектов.

С другой стороны, неспособность китайской экономики оправиться от COVID-19 также будет иметь серьезные последствия для экономик Центральной Азии. В частности, Китай вряд ли предложит щедрую реструктуризацию выплат по долгам Кыргызстана и Таджикистана, что создаст дополнительную нагрузку на две небольшие центральноазиатские экономики, поскольку денежные переводы резко сократились во время пандемии COVID-19. Погашение долга двух стран также, вероятно, усилит антикитайские настроения и подчеркнет проблемы безопасности, если появятся другие формы погашения.

Без щедрого финансирования крупных инфраструктурных проектов, стимулирующих сотрудничество, отношениям между Китаем и Центральной Азией придется столкнуться с политическими проблемами лицом к лицу. Казахстан и Кыргызстан уже сталкиваются со все более напряженным внутренним давлением в связи с отношением Китая к этническим меньшинствам на границах с Синьцзянем. Учитывая явные признаки стремления Си Цзиньпина остаться у власти, агрессивное авторитарное руководство в Китае

вряд ли быстро разрешит политическую напряженность в отношениях с Соединенными Штатами после пандемии COVID-19. Если они останутся нерешенным, Соединенные Штаты будут оказывать большее давление на правительства Центральной Азии, чтобы они выступили против того, как Китай обращается с этническими меньшинствами в Синьцзяне. В октябре 2020 года, через четыре месяца после того как Соединенные Штаты подписали Закон об уйгурской политике в области прав человека, Таджикистан и Туркменистан больше не поддерживали политику Китая в Синьцзяне в Организации Объединенных Наций, как это было годом ранее (Путц, 2020). В любом случае политическая напряженность между Китаем и Соединенными Штатами добавит к центральноазиатским расчетам в ускорении экономического сотрудничества с Китаем после пандемии COVID-19.

- Наконец, правительствам стран Центральной Азии следует продолжать углублять сбалансированный подход в международных делах и изучать области общих интересов в регионе, чтобы обеспечить совместное сотрудничество с другими участниками.

Источники

Чен, Живу. Экономические проблемы, связанные с кризисом, вызванным коронавирусом / Азиатский глобальный институт // Вебинар. – 24 марта. – 2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=91-nyUtRv3k>.

China General Technology. Xīnxīn jítuán chéngjiē de hāsàkè sītǎn liǎng duàn gōnglǜ gǎizào xiàngmù dàikuǎn xiéyì qiānyuē. [Подписание кредитного соглашения по проекту реконструкции двух участков автодороги в Казахстане.] // China General Technology. – 19 мая. – 2017.

Демкин, Денис. Азиатские союзники России не поддерживают действия Грузии // Reuters. – 28 августа 2008 г. Режим доступа: <https://www.genertec.com.cn/s/8293-22545-102110.html>. <https://www.reuters.com/article/us-georgia-ossetia-sco-idUSLS49276920080828>.

Цзи, Сян, Го, Сяоцун. Zhōng yà guójiā zài èluósī de láowù yímín wèntí [Проблемы трудовой миграции стран Центральной Азии в России] // Исследования по России, Восточной Европе и Центральной Азии. – № 1. – 2017. – С. 113-132.

Казахинвест: Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана / [Construction of Kazakh-Chinese investment projects will be carried out in accordance with the legislation of Kazakhstan.] – 10 сентября. – 2019. Режим доступа: <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>.

Министерство природных ресурсов Народной Республики Китая: Zhōng hā hézuò wěiyuánhuì dì kuàng fēn wěi huì jǔxíng dì Wǔ Cì huìyì. [Китайско-казахстанский Комитет по геологии и Минеральному подкомитету провел свое пятое совещание]. – 24 мая. – 2011. Режим доступа: http://www.mnr.gov.cn/dt/ywbb/201810/t20181030_2257160.html.

Паньер, Брюс. Почему Страны Центральной Азии молчат об уйгурах Китая? // Радио Свободная Европа / Радио Свобода, – 22 сентября. – 2020. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/why-are-central-asian-countries-silent-about-china-s-uyghurs-/30852452.html>.

Жэньминь жибао: Yìngyāo fǎng hā dǐ ālā mù tú shòudào rìliè huānyíng lǐpéng tóng nà zhā ěr bā yé fū huítán lǐlǎnqīng cānjiā huítán liǎng guó qiānshǔ sān gè zhòngyào wénjiàn. [Ли Пэн пригласил посетить Казахстан. Ли Пэн провел переговоры с Назарбаевым. В переговорах принял участие Ли Ланьцин. Две страны подписали три важных документа.] // «Жэньминь жибао». – 25 сентября. – 1997.

Пуц, Кэтрин, 2020: Какие страны выступают за или против политики Китая в Синьцзяне? // Дипломат. – 9 октября. – 2020. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/10/2020-edition-which-countries-are-for-or-against-chinas-xinjiang-policies/>.

Шанхайская организация сотрудничества: Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – 5 июля 2005. – Астана.

UzDaily: ШОС опубликовала заявление в связи с референдумом властей Тайваня о вступлении в ООН. // UzDaily. – 18 марта. – 2008. Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/en/post/2724>.

Данные Всемирного банка: Торговый баланс Китая, экспорт и импорт по странам и регионам в 2002 году. // Всемирный банк. Режим доступа: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2002/TradeFlow/EXPIMP>.

Си Цзиньпин. Gòng chuàng zhōng měi hézuò huǒbàn guānxì dì měihǎo míngtiān — zài měiguó yǒuhǎo tuántǐ huānyíng wǔ yàn shàng de yǎnjiǎng [Создайте лучшее завтра для китайско-американского партнерства / Речь на приветственном обеде американских групп дружбы.] – Вашингтон: 15 февраля. – 2012. – Режим доступа: http://www.gov.cn/ldhd/2012-02/16/content_2068376.htm.

Син, Гуанчен. Zhōngguó hé xīn dúlì de zhōng yà guójiā guānxì [Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии] // Образовательная пресса Хэйлуңцзяна. – 1996.

Яу, Нива. Тихое соперничество России и Китая в Центральной Азии. // Институт исследований внешней политики. – 2020. Режим доступа: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2020/09/cap-1-yau.pdf>.

Ю, Хонг. Мотивация, лежащая в основе инициативы Китая/ «Один пояс - один путь» и создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. // Журнал современного Китая. – 26. № 105. – 2017. – С. 353-368.

Китайско-иранское стратегическое сотрудничество: контекст и центральноазиатские векторы

Филип Рейд

Аннотация

В марте 2021 года Китай и Иран подписали в Тегеране Соглашение о стратегическом сотрудничестве сроком на 25 лет. Согласно сообщению, соглашение предусматривает прямые инвестиции в размере до 400 миллиардов долларов, что отражает ранее взятые на себя обязательства во время знаменательного визита Си в 2016 году. Церемония этого года, на которой присутствовал министр иностранных дел Ван, совпала с полувековой годовщиной установления двусторонних отношений, и некоторые комментаторы приветствовали данное соглашение как знаменующее собой крупную стратегическую перестройку.¹ Реальность более сложна, но траектория китайско-иранских отношений является ключевой, особенно для Центральной Азии, региона, разделяющего два государства, которые обычно превозносят друг друга в «цивилизационных» терминах. Однако ощутимые признаки китайско-иранской «оси» в регионе заметно отсутствуют, а общее видение «Нового Шелкового пути» было задушено санкциями, плохой связью и региональной осторожностью в отношении революционной программы Тегерана. В этой аналитической статье рассматриваются стратегические отношения Китая и Ирана и определяются четыре ключевых вектора их будущего развития в регионе.

Треугольный двусторонний подход

Китайско-иранские отношения, которые часто ошибочно воспринимаются как «всепогодный» альянс, на протяжении большей

¹ Кордесман Энтони Х. Китай и Иран: крупный выигрыш Китая в войне в белых зонах Персидского залива // Центр стратегических и международных исследований. – март, 2021
Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/china-and-iran-major-chinese-gain-white-area-warfare-gulf>.

части своей современной истории функционируют как дипломатический треугольник, в котором непосредственным интересам Китая и США отдается первенство. Между Пекином и Тегераном были прочные отношения в 1980-х годах, когда поставки ракет из Китая и сотрудничество в ядерной области стали источником напряженности в отношениях с Вашингтоном.² Солидарность была укреплена санкциями, введенными после событий на площади Тяньаньмэнь, и в начале 1990-х годов экономические отношения значительно расширились. Однако, осознавая опасность раскола с Вашингтоном после Третьего кризиса в Тайваньском проливе, Пекин свернул ядерные проекты и прекратил поставки в Иран противокорабельных ракет.³ Продажа исследовательского реактора ранее была отменена в 1992 году накануне голосования в Конгрессе США по вопросу о статусе Китая в режиме наибольшего благоприятствования.⁴ Эта двойная политика антиимпериалистической солидарности, но при этом тщательно продуманная и часто двуличная уступка требованиям США определила темп двусторонних отношений в XXI веке.

Цзян Цзэминь посетил Тегеран всего через несколько месяцев после того, как Иран был объявлен администрацией Буша-младшего частью «Оси зла», а политика Махмуда Ахмадинежада «Взгляни на Восток» застопорилась после того, как последовательные встречи на высоком уровне не повлекли за собой никаких официальных обязательств со стороны Пекина.⁵ Китай одобряет санкции, ограничивающие экспорт обычных вооружений в Иран, блокирует вступление Тегерана в ШОС и в 2012 году вдвое сокращает импорт иранской нефти.⁶ После выхода США из СВПД китайский государственный банк Куньлунь ограничил обработку платежей областями, не попадающими под санкции, прекратив выпуск оборудования и запчастей для иранской промышленности⁷. Китай также

² Гарольд Скотт и Надер Алиреза. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения // Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения. – RAND Corporation, 2012, 7. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt1q60w8.7>.

³ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство // Документ, подготовленный для американо-китайской комиссии по обзору экономики и безопасности. Авторы: Мэрибет Дэвис, Джеймс Леки, Торри Фрошер, Дэвид Чен, Абель Керевель, Стивен Шлайнджер. – USCC 2013, 37. Режим доступа: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China-Iran-A%20Limited%20Partnership.pdf>.

⁴ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 29.

⁵ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 51.

⁶ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 18.

⁷ Холмквист и Инглунд, «Китай и Иран - неравная дружба», 21–25.

не спешил вкладывать средства в разработку основных газовых проектов и в 2019 году отказался от разработки Южного Парса.⁸

Тем не менее, Китай продолжал наращивать потенциал Тегерана по производству ракет, косвенно не наказывая за нарушения экспортного контроля, позволяя передавать компоненты и военно-промышленные ресурсы.⁹ Пекин также содействовал сотрудничеству Ирана с Северной Кореей, предоставив воздушное пространство и доступ к морю.¹⁰ Косвенная помощь, которая вызвала санкции против китайских компаний со стороны администрации Буша в 2003 и 2007 годах, продолжалась, несмотря на политику «максимального давления» администрации Трампа, в ходе которой ZTE был обвинен в США в экспорте технологий в Иран и Северную Корею.¹¹ Китайские компании построили железные дороги, мосты, плотины, туннели, сталелитейные заводы, а также систему метро в Тегеране. В 2007 году Китай стал ведущим торговым партнером Ирана, а два года спустя, когда были подписаны инвестиционные соглашения на общую сумму 17 миллиардов долларов, Китай стал ведущим направлением для экспорта иранской нефти.¹² В начале 2021 года ежедневный экспорт нефти в Китай возвращался к рекордным показателям, что в некоторых случаях оценивалось как фактические выплаты китайским компаниям и либо выдавалось за поставки сырой нефти из других стран, либо поддерживалось так называемым «таможенным хранением».¹³

Тегеран был готов пойти на значительный риск, чтобы поддерживать прочные отношения, совсем недавно отложив сокращение двусторонних рейсов в самом начале пандемии, и публичное пре-

⁸ Удар для Ирана: когда китайская нефтяная группа отказывается от проекта флагманского газового месторождения. // Financial Times. – 6 октября 2019 г. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ff822e00-e83f-11e9-a240-3b065ef5fc55>.

⁹ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство С. 9.

¹⁰ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство С. 45.

¹¹ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 38-39, 45 // Холмквист и Инглунд, Китай и Иран - неравная дружба. – С. 11.

¹² Гарольд и Надер. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения, 11; Рашида Хамид. Текущие события и сценарии развития китайско-иранских отношений, политические перспективы 7. – Вып. 1. – 2010. – С. 135-53, 141, по состоянию на 25 апреля 2021 г. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/42909259>.

¹³ Холмквист и Инглунд. Китай и Иран - неравная дружба. С. 22. См. также: Импорт китайской нефти в Иран в марте достиг нового максимума, что ограничивает возможности ОПЕК//Reuters.

небрежение Пекина разочаровало многих иранцев.¹⁴ Поскольку зависимость Ирана от спроса на нефть в Китае возросла, достигнув 48 процентов от общего объема экспорта в 2019 году, Пекин диверсифицировал поставки, и китайские компании смогли заключать сделки ниже мировых стандартов.¹⁵ Бартерные соглашения также насыщают иранские рынки китайскими товарами, и средний класс Ирана так же враждебен к Китаю, как консерваторы – к Соединенным Штатам. Следовательно, стратегическое соглашение было денонсировано в иранских социальных сетях как «новый Туркманчайский договор», отсылка к позорной капитуляции династии каджаров перед Российской Империей в 1828 году.¹⁶

Уравновешивание региональных интересов

Спротивление Китая ядерному распространению Тегерана является искренним и обусловлено требованием Пекина считаться ответственной мировой державой. В то время как Китай по-прежнему защищает законное право Тегерана на мирную ядерную деятельность, Пекин проголосовал за санкции ООН, выпустил официальные документы по нераспространению ядерного оружия и был решающим собеседником на переговорах по СВПД.¹⁷ Тем не менее переговоры проходили одновременно с возрождением военного сотрудничества, которое продолжается и по сей день. В 2014 году два эсминец НОАК впервые пристыковались к Бендер-Аббасу. Как сообщается, двенадцать военных взаимодействий здесь имели

¹⁴ Холмквист и Инглунд. Китай и Иран – неравная дружба. С. 30. См. также: Фигероа Уильям. Китайско-иранские отношения: миф об огромных инвестициях: почему 25-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном не имеет большого значения, в прямом или переносном смысле // The Diplomat (Дипломат). – 6 апреля 2021. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/04/china-iran-relations-the-myth-of-massive-investment/>. Холмквист и Инглунд. Китай и Иран – неравная дружба. С. 30.

¹⁵ Обсерватория экономической сложности: Иран. Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/country/irn?yearSelector1=exportGrowthYear25> // Импорт китайской нефти в Иран в марте достиг нового максимума, что ограничивает возможности ОПЕК // Reuters. – 30 марта 2021. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN2BM08Z>.

¹⁶ Фигероа Уильям. Китайско-иранские отношения: миф об огромных инвестициях: почему 25-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном не имеет большого значения, в прямом или переносном смысле // The Diplomat (Дипломат). – 6 апреля 2021 г. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/04/china-iran-relations-the-myth-of-massive-investment/>.

¹⁷ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 32. См. также: Гарвер Джон В. Новое партнерство после санкций // Отчет. – Институт Ближнего Востока, 2016. – По состоянию на 20 апреля 2021 г. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/resrep17581>.

место с 2014 по 2018 год: диалоги на высоком уровне, посещение портов и двусторонние учения, В конце 2019 года два флота провели трехсторонние учения с Россией после года обострения напряженности в Ормузском проливе.¹⁸

Пекин проводит то, что он описывает как политику «нулевых врагов» на Ближнем Востоке, и Китай активно взаимодействовал с Саудовской Аравией после серии визитов на высоком уровне в конце 1990-х годов.¹⁹ Королевство является ведущим поставщиком сырой нефти в Китай с 2001 года, а в 2016 году Синорес и Агатсо открыли нефтеперерабатывающий завод стоимостью 10 миллиардов долларов на побережье Красного моря, экспортный пункт выхода вдали от напряженности в Ормузском проливе.²⁰ Скептики мартовского соглашения спешат указать не только на стратегическое соглашение Пекина с Саудовской Аравией, но и на увеличение китайских инвестиций в страны Персидского залива за последние пять лет.²¹

Однако тот же аргумент был выдвинут, чтобы преуменьшить опасения китайского экспансионизма в Центральной Азии, где инвестиции и льготные кредиты часто контрастируют с более высокими уровнями китайских ИПИ, зарегистрированных в странах ОЭСР, более способных их поглотить. Истинная глубина отношений Пекина с Тегераном определяется более эффективно их контекстом, чем обычными эмпирическими алиби. «Ни одна страна в мире», по мнению Гарольда и Надера, «не имеет такого значения для обеспечения выживания [Ирана] и помощи в защите его от международного давления, как КНР».²² Действительно, соотношение голосов между двумя странами по важным резолюциям ГА ООН является одним из самых высоких среди двусторонних отношений

¹⁸ Гарвер. Новое партнерство после санкций. С. 5. // Холмквист и Инглунд. Китай и Иран - неравная дружба. С. 26.

¹⁹ USCC, Китай-Иран: ограниченное партнерство. С. 50.

²⁰ НПЗ совместного предприятия Yanbu является примером выгодного китайско-саудовского сотрудничества в области энергетики // «Синьхуа». – 9 июля 2018. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/09/c_137312287.htm.

²¹ Тиецци Шеннон. Что входит в Соглашение о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном? Несмотря на фанфары вокруг 25-летней сделки, подробностей пока мало. Разве это не много шума из ничего? // The Diplomat (Дипломат). – 30 марта 2021. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/03/whats-in-the-china-iran-strategic-cooperation-agreement/>.

²² Гарольд и Надер. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения. С. 1.

Китая.²³ Это не столько политика ответственной мировой державы, которая стремится предотвратить нестабильность в крупном нефтянодобывающем регионе, сколько продукт долгих стратегических расчетов, обусловленных тем, как Пекин воспринимает свое относительное положение в мировом порядке. Сохранение Ирана в качестве сильной региональной державы одновременно закрепляет «антиимперскую» ревизионистскую платформу Пекина на мировой арене и отвлекает от военных обязательств США в Восточной Азии. Продажа Пекином оружия Ирану иногда была связана с продажей оружия США Тайваню, и теперь ни одно арабское государство не может вести дела с Китаем, не учитывая риск того, что Китай может расширить свои военные связи с Тегераном.²⁴

По словам Джона Гарвера, «нет ничего сопоставимого» в китайско-саудовских отношениях «с тесным и подлинно стратегическим китайско-иранским партнерством».²⁵ Однако формальный военный союз между двумя странами маловероятен, хотя он будет подразумеваться при любом размещении китайских войск на иранской земле – об этом говорят отчеты о Стратегическом соглашении, просочившиеся прошлым летом.²⁶ Китай не хочет, чтобы его считали «единственным защитником» Ирана, и использование многосторонности позволяет Пекину продолжать критиковать односторонние действия, предпринятые США.²⁷ Сроки мартовского соглашения могут во многом зависеть от ожидаемого пересмотра СВПД 2015 года, и обе стороны признали его необязательный характер. Хотя дальнейших разъяснений по соглашению не последовало, в условиях нынешних санкций китайские инвестиции, вероятно, не будут соответствовать гиперболическим уровням, прогнозируемым в 2016 году или предполагаемым на 2020-е годы.

²³ Ицинь Фу. Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: модели голосования по сравнению с китайскими, рисунок в Организации Объединенных Наций: Кто голосует за Китай против США. Режим доступа: <https://thesoundingline.com/the-united-nations-who-votes-with-china-vs-the-us/> [по состоянию на 25 ноября 2020 г.]

²⁴ Гарольд и Надер. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения. – С. 19.

²⁵ Гарвер. Новое партнерство после санкций. – С. 6.

²⁶ Тиецци, Что входит в Соглашение о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном?

²⁷ Холмквист и Инглунд. Китай и Иран - неравная дружба. – С. 14.

Государство Шелкового пути

Отношения Китая с Ираном также укрепляют концепцию «Нового Шелкового пути». Династические империи были достаточно близки, чтобы узаконить взаимное уважение к предполагаемой безмятежной сети ремесленников и торговцев, но достаточно далеки, чтобы привести несколько примеров исторического конфликта или недовольства. Конфронтация между династиями Тан и Аббасидов, выдающийся культурный факт, который до сих пор преподается в школах и мечетях Центральной Азии, находится в рамках преимущественно суннитского исторического дискурса, но от него отстраняются современный Иран и его предки – династии Пехлеви, Каджары и Сефевиды. Нормативная ценность средневекового городского наследия Ирана затмевается, пожалуй, только наследием Узбекистана, и иранская территория – неизбежная реальность многочисленных предлагаемых экономических коридоров, проходящих к югу и востоку от Каспийского моря.

В то время как экономические и, в меньшей степени, военные отношения Китая с республиками Центральной Азии значительно расширились за последние 30 лет, первые дипломатические наступательные действия Тегерана натолкнулись на общую сдержанность из-за его революционной программы, выявленной участием Ирана в гражданской войне в Таджикистане. Потенциал непрерывной «оси» Китай-Иран в регионе был еще более ограничен санкциями, региональной напряженностью и другими нетарифными барьерами. Однако потенциал конфликта также ограничен, и Центральная Азия может показаться естественным «полигоном» для любого расширения двусторонних отношений. Таким образом, в этом кратком изложении для рассмотрения региональными и международными политиками указывается следующее в качестве маркеров будущего развития сотрудничества между двумя державами в Центральной Азии:

- *Линии общения.* Китайское и иранское видения проекта «Один пояс – один путь» в целом дополняют друг друга. Хотя существует мало свидетельств того, что наземные транспортные маршруты в настоящее время используются для непосредственного содействия нарушениям в поставках оружия или другого эмбарго между Китаем и Ираном, оба правительства отдают предпочтение

экономическим коридорам, которые обходят Российскую Федерацию и являются менее громоздкими, чем СПЕС. Все государства Центральной Азии являются членами Организации экономического сотрудничества (ОЭС), базирующейся в Тегеране, и с 1996 года в той или иной степени использовали порт Бендер-Аббас для морских экспортных поставок. Иран также изучал соглашения об обмене нефтью и газом с Казахстаном и Туркменистаном.²⁸ Фактически Китай и Иран уже могут претендовать на одну «прямую» железнодорожную ветку, однако окружной характер железной дороги Казахстан-Туркменистан-Иран (КТИ), открытой в 2014 году, свидетельствует о незначительном грузопотоке по этому маршруту, зафиксированном до пандемии. Ухудшение отношений между Тегераном и Ашхабадом повлияло на внутрирегиональные грузовые перевозки, а железнодорожные пункты пропуска на ирано-туркменской границе были закрыты на большую часть 2020 года.²⁹ Китай и Иран остаются ведущими инициаторами строительства будущего железнодорожного сообщения «Пяти Наций», которое пройдет через Южный Кыргызстан, Таджикистан и Северо-Западный Афганистан, которое очерчивает культурное наследие Хорасана и обходит узкие места российско-казахстанского влияния, такие как ворота Хоргоса.³⁰ Иран продвигал железную дорогу в Кыргызстане в 2016 году, когда Бишкек подписал 10-летнюю двустороннюю «дорожную карту», став единственной республикой Центральной Азии, которая сделала это. Тегеран доставил гуманитарную помощь во время пандемии и открыл спортивный комплекс в Оше³¹. Различные компоненты железной дороги поддерживаются международным сообществом по финансированию развития, но остаются в тупике из-за сопротивления Бишкека, якобы под давлением России, строительству транзитных железнодорожных путей через кыргызскую землю. Дух «взаимосвязанности» в значительной степени не позволяет ответственным державам открыто осуждать любые предложения евразийской инфраструктуры, но

²⁸ Гидадхубли Р. Нефтяная политика в Центральной Азии // Экономический и политический еженедельник. – Том. 34. – No. 5 (30 января - 5 февраля 1999 г.). С. 260-263 Издатель: Экономический и политический еженедельник. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/4407600>.

²⁹ Рахими Оmid. Публикация о новом повороте Ирана в Центральной Азии // Eurasia Daily Monitor. – Том. 18 Выпуск: 60. Режим доступа: <https://jamestown.org/program/irans-new-pivot-to-central-asia/>.

³⁰ Наземные транспортные сообщения из Центральной Азии в морские порты на юге и востоке // ЭСКАТО ООН. – 1995. Режим доступа: <https://www.unescap.org/resources/land-transport-linkages-central-asia-seaports-south-and-east>.

³¹ Рахими Оmid. Публикация о новом повороте Ирана в Центральной Азии.

китайско-иранские интересы, похоже, также сходятся в отрицании некоторых проектов: например, ТАПИ и Транскаспийского трубопровода. Недавнее сокращение Тегераном индийских операций в порту Чабахар также может показаться благоприятным для Пекина.

- *Синьцзян*. Мусульманское население Китая – сунниты, а не шииты, и арабские государства, в том числе Турция, также признали суверенитет Пекина в уйгурском вопросе, но Государственный департамент США попытался использовать Синьцзян как слабое место в революционной репутации Ирана.³² После того как иранские священнослужители-реформаторы раскритиковали Пекин во время массовых беспорядков в провинции в 2009 году, правительства двух стран достигли консенсуса, осуждающего международное вмешательство во внутренние дела Китая.³³ В 2020 году иранские сторонники жесткой линии пойдут еще дальше, заявив, что, решая проблему «поддерживаемых Саудовской Аравией мусульман-ваххабитов-такфири», Китай «служит исламу».³⁴ На более экзистенциальном уровне антитуркские мотивы в исследованиях таджикско-иранских националистов, например, Рахима Масова и Мухаммаджона Шахури, также являются желанным противовесом пантюркизму 1990-х годов, в котором Пекин частично обвиняют за повышенное уйгурское волнение. Хотя это менее обусловленный фактор, чем санкции для отношений с правительствами, иранская мягкая сила столкнется с ограничениями в Центральной Азии, особенно в Казахстане и Кыргызстане, которые, в отличие от трех других республик, не подписали совместное письмо 2019 года в КПЧ ООН в поддержку политики Пекина в отношении Синьцзяна.

- *Соперничество Саудовской Аравии и Ирана*. Правительства стран Центральной Азии по-прежнему опасаются радикализма в его формах, спонсируемых Ираном и Саудовской Аравией, и аналитики из всех сил пытались найти косвенные примеры соперничества стран Персидского залива в регионе. Саудовская Аравия

³² Рамани Самуэль. Осторожный подход Ирана к подавлению уйгуров в Китае // The Diplomat (Дипломат). – 18 сентября 2018. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/09/irans-careful-approach-to-chinas-uyghur-crackdown/>.

³³ Гарольд и Надер. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения, С. 14. См. также: Хамид. Китайско-иранские отношения, текущие события и сценарии на будущее. – С. 149.

³⁴ Хакикатнежад Реза. Сторонники жесткой линии Ирана заявляют, что Китай служит исламу, подавляя уйгурских мусульман. // Radio Farda. – 4 августа 2020. Режим доступа: <https://en.radiofarda.com/a/iran-hardliners-claim-china-is-serving-islam-by-suppressing-uyghur-muslims-/30766289.html>.

увеличила свои инвестиции в Центральную Азию в последние годы, и в 2019 году страны Персидского залива представляли собой крупнейший источник прямых иностранных инвестиций для Казахстана.³⁵ С другой стороны, традиционные области конкурентного преимущества Тегерана, за исключением Таджикистана, в основном ограничиваются культурной сферой. Однако своего рода нарратив постепенно разыгрывается в Туркменистане как вектор давнишнего соперничества Саудовской Аравии и Ирана в Афганистане. Отношения Ашхабада со своим властным южным соседом оставались нестабильными, и Эр-Рияд в партнерстве с туркменским правительством взял на себя финансовое лидерство в трубопроводе ТАПИ с 2016 года. Капитал Персидского залива теперь конкурирует с китайскими инвестициями в Центральной Азии и в некоторых случаях, особенно там, где взаимосвязь Китая и Ирана способствует дополнительной стратегической важности Тегерана, региональные правительства могут быть вынуждены сделать выбор в пользу бинарной политики.

- *Таджикистан.* Эдвард Вастнидж считает, что региональное соперничество между Саудовской Аравией и Ираном наиболее очевидно в Таджикистане, стране Центральной Азии, которая также считается наиболее экономически и политически интегрированной с КНР.³⁶ Отношения между Душанбе и Тегераном перешли в нисходящий тренд в середине 2010-х годов, после периода растущего согласия. В 2015 году Тегеран направил приглашение лидеру исламистской оппозиции Таджикистана после того, как Душанбе объявил эту организацию террористической.³⁷ Правительство Таджикистана распорядилось о закрытии ряда иранских инициатив в области культуры и развития, в том числе местного отделения Фонда помощи имама Хомейни, одной из крупнейших благотво-

³⁵ Карасик Теодор. Арабские страны Персидского залива расширяют инвестиции в Центральную Азию // UPI.com. – 21 ноября 2019. Режим доступа: https://www.upi.com/Top_News/Voices/2019/11/21/Arab-Gulf-states-expand-investment-in-Central-Asia/5251574341117/.

³⁶ Вастнидж Эдвард. Центральная Азия и ирано-саудовское соперничество // Проект по ближневосточной политической науке / Школа международных отношений Эллиота. Режим доступа: <https://pomeps.org/category/pomeps-publications>.

³⁷ Шакир Мохаммед. Внутренние и внешние вызовы в отношениях между Ираном и Таджикистаном // Журнал иранских исследований. – Год-20й. – Выпуск 5, декабрь 2017. С. 74 // Центр иранских исследований Персидского залива, 79 Режим доступа: <https://rasanah-iiis.org/english/thejournal/iran-tajikistan-relations-internal-and-external-challenges/>.

рительных организаций Исламской Республики.³⁸ Этим воспользовался Эр-Рияд, и визит президента Рахмона в Эр-Рияд в 2016 году совпал с резким ухудшением отношений между странами Персидского залива после казни видного шиитского священнослужителя в Саудовской Аравии. Посол Саудовской Аравии в Таджикистане заявил, что изгнание «иранских агентов» было «большой победой», и Рахмон смог получить инвестиционные обязательства от Саудовского фонда развития и Исламского банка развития.³⁹ Однако многовекторное доверие Душанбе также отражало десятилетнее расширение его экономических и военных связей с Пекином, отношения, которые привлекают все большее внимание после обнаружения китайской патрульной базы на территории Таджикистана в 2019 году. Душанбе сталкивается с надвигающимся долговым кризисом и так как Пекин де-факто кредитор в последней инстанции, политические связи Пекина, похоже, приобретут решительный перевес. То, что подъем Пекина в Душанбе совпал с упадком Тегерана, должно стать жизнеспособным противовесом предложению о создании китайско-персидского «кондоминиума», но в 2021 году Тегеран совершит дипломатическое наступление с тремя визитами высокопоставленных лиц в Таджикистан.⁴⁰ В апреле министр обороны Таджикистана посетил Тегеран – первый визит высокопоставленного чиновника за пять лет.⁴¹ Еще неизвестно, в какой степени этому способствует обильный политический капитал Пекина в Душанбе, но интересы совпадают до такой степени, что Таджикистан может показаться очевидным центром китайско-иранского стратегического сотрудничества и заслуживающим внимания предметом периодического научного обзора.

³⁸ Вастиндж. Центральная Азия и ирано-саудовское соперничество.

³⁹ Вастиндж. Центральная Азия и ирано-саудовское соперничество.

⁴⁰ Рахими. Публикация о новом повороте Ирана в Центральной Азии.

⁴¹ Рахими. Публикация о новом повороте Ирана в Центральной Азии.

Источники

Кордесман, Энтони Х. Китай и Иран: крупный выигрыш Китая в войне за белые зоны в Персидском заливе // Центр стратегических и международных исследований. – Март, 2021. Режим доступа: <https://www.csis.org/analysis/china-and-iran-major-chinese-gain-white-area-warfare-gulf>.

Фигероа, Уильям. Китайско-иранские отношения: миф об огромных инвестициях: почему 25-летнее соглашение о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном не имеет большого значения в прямом или переносном смысле. // The Diplomat (Дипломат). 6 апреля 2021. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/04/china-iran-relations-the-myth-of-massive-investment/>.

Удар для Ирана: китайская нефтяная группа выходит из проекта флагманского газового месторождения // Financial Times. – 6 октября 2019. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/ff822e00-e83f-11e9-a240-3b065ef5fc55>.

Гарвер, Джон В. Новое партнерство после санкций // Институт Ближнего Востока. – 2016. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/resrep17581>.

Гидадхубли Р. Нефтяная политика в Центральной Азии // Экономический и политический еженедельник 34. – Вып. 5 (30 января - 5 февраля 1999 г.). - С. 260-263. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/4407600>.

Хакикатнежад, Реза. Странники жесткого курса Ирана заявляют, что Китай служит исламу, подавляя уйгурских мусульман // Радио Фарда. – 4 августа 2020. Режим доступа: <https://en.radiofarda.com/a/iran-hardliners-claim-china-is-serving-islam-by-suppressing-uyghur-muslims-/30766289.html>.

Гарольд, Скотт и Надер Алиреза. Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения // Китай и Иран: экономические, политические и военные отношения // RAND Corporation, 2012. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/10.7249/j.ctt1q60w8.7>.

Холмквист, Эрика и Йохан Инглунд. Китай и Иран - неравная дружба. / Шведское агентство оборонных исследований. –

Totalförsvarets. – Май 2020. Режим доступа: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R--4976--SE>.

Обсерватория экономической сложности: Иран. / Режим доступа: <https://oec.world/en/profile/country/irn?yearSelector1=exportGrowthYear25>.

Рахими, Оmid. Новый поворот Ирана к Центральной Азии // Eurasia Daily Monitor 18. – Выпуск 60. Режим доступа: <https://jamestown.org/program/irans-new-pivot-to-central-asia/>.

Рамани, Самуэль. Осторожный подход Ирана к подавлению уйгуров в Китае // The Diplomat (Дипломат) / – 18 сентября 2018. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/09/irans-careful-approach-to-chinas-uyghur-crackdown/>.

Рашида, Хамид. Текущее развитие и будущий сценарий китайско-иранских отношений // Перспективы политики 7. – Вып. 1 (2010). – С. 135-53. <http://www.jstor.org/stable/42909259>.

В марте импорт китайской нефти из Ирана достигнет нового максимума, что ограничит возможности ОПЕК // Рейтер. – 30 марта 2021. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-china-iran-oil-idUSKBN2BM08Z>.

Шакир, Мохаммед. Внутренние и внешние вызовы в отношениях между Ираном и Таджикистаном // Журнал иранских исследований 2. – Выпуск 5. – Декабрь 2017. / Центр иранских исследований Персидского залива. Режим доступа: <https://rasanah-iiis.org/english/thejournal/iran-tajikistan-relations-internal-and-external-challenges/>.

Тиецци, Шеннон. Что содержится в Соглашении о стратегическом сотрудничестве между Китаем и Ираном? Несмотря на фанфары вокруг 25-летней сделки, подробностей пока мало. Разве это не много шума из ничего? // The Diplomat (Дипломат). – 30 марта 2021. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/03/whats-in-the-china-iran-strategic-cooperation-agreement/>.

Сухопутные транспортные сообщения из Центральной Азии в морские порты на юге и востоке // ЭСКАТО ООН, 1995 г. Режим доступа: <https://www.unescap.org/resources/land-transport-linkages-central-asia-seaports-south-and-east>. Китай-Иран: ограниченное партнерство // Документ подготовлен для американо-китайской комиссии по обзору экономики и безопасности. Авторы: Мэрибет Дэвис, Джеймс Лекки, Торри Фрошер, Дэвид Чен, Абель Керевель, Стивен Шлайкхер /USCC, 2013. Режим доступа: <https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/China-Iran--A%20Limited%20Partnership.pdf>.

НПЗ совместного предприятия Янбу - пример выгодного китайско-саудовского сотрудничества в области энергетики // Синьхуа. – 9 июля 2018. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-07/09/c_137312287.htm.

Вастнидж, Эдвард. Центральная Азия и ирано-саудовское соперничество // Проект по ближневосточной политологии. / Школа международных отношений Эллиота. Режим доступа: <https://pomeps.org/category/pomeps-publications>.

Подходящее время для правильных перемен в Афганистане

Раджаб Тайеб

Аннотация

После свержения режима Талибана в конце 2001 года Афганистан имеет демократическо-централизованную систему управления, созданную совместно с афганской элитой и международным сообществом. Появилась надежда на то, что централизованная система позволит преодолеть этнические проблемы, стабилизирует обстановку в стране и укрепит институциональное строительство. Однако данная система не принесла больших успехов в решении проблемы этнической политики и обеспечении стабильности. Вероятно, страна стала бы свидетелем новых изменений в политическом и социальном измерениях после возможного заключения мирного соглашения с Талибаном. Хотя эта сделка, скорее всего, положила бы конец войне с Талибаном, она могла бы также спровоцировать новые социальные споры и проблемы. Томас Барфилд задавался вопросом: «Как можно пойти на компромисс с талибами, если любой, кто контролирует Кабул, устанавливает свои правила?»¹. Талибан, как консервативная фундаменталистическая религиозная группа, не согласился бы ни со всеми, ни даже с большинством демократических ценностей, завоеванных за последние годы, а либеральные части общества, вероятно, намерены возразить против строгих правил и норм, которые талибы, скорее всего, будут требовать. Поэтому, чтобы избежать возможных конфликтов, система пост-миротворческих отношений должна быть построена таким образом, чтобы все слои общества могли жить так, как они хотят. Такая система должна быть децентрализованной в том смысле, что, кто бы ни контролировал Кабул, он не должен устанавливать все правила, кроме как на национальном уровне. Решение, предлагаемое в данной аналитической заметке, заключается в де-

¹ Томас Барфилд, Антропология, Бостонский Университет, интервью с автором, 4 октября 2020 года.

централизации Афганистана с помощью федеральной модели, при которой народ будет ощущать себя автономным и устанавливать для себя правила на местном уровне, одновременно подчиняясь правилам, установленным национальным правительством в интересах решения национальных проблем.

Краткий обзор мирных переговоров

За последние десять лет² призыв к урегулированию афганского конфликта путем переговоров был поддержан почти всеми противоборствующими сторонами, странами региона и международным сообществом. В первую очередь, именно администрация президента Барака Обамы рассматривала переговоры с талибами как вариант прекращения войны США в Афганистане, которая уже к тому времени продолжалась девять лет. Решение администрации Обамы отменило запрет бывшего президента Джорджа Буша на переговоры с талибами. После теракта 11 сентября Буш сказал: «Ни одна страна не может вести переговоры с террористами».³ Представление о том, что война в Афганистане может быть прекращена только путем переговоров, резонирует с точками зрения афганских политиков, соседних стран,⁴ Организации Объединенных Наций⁵ и США – страны, которая во времена Обамы поняла, что даже величайшая военная сила на земле не способна победить в войне против бандитской армии религиозных фанатиков⁶. Возможно, именно администрация президента Дональда Трампа, что звучит иронично, всерьез настаивала на политическом урегулировании. Его команда безопасности постоянно продвигала идею урегулирования войны путем переговоров. В июле 2018 года администрация Трампа приказала американским дипломатам добиваться прямых переговоров с талибами.⁷ «Талибы хотят заключить

² James Dobbins, and Carter Malkasian, "Time to Negotiate in Afghanistan: How to Talk to the Taliban," *Foreign Affairs* 94, no. 4 (July/August 2015): 53-64.

³ Mona K. Sheikh, and Maja T.J. Greenwood, "Taliban Talks: Past, Present and Prospects for US, Afghanistan and Pakistan," *Danish Institute for International Studies* (2013): 1-42.

⁴ Ayaz Gul, "Ahead of Trump Meeting, Khan Says Afghan War 'Has No Military Solution,'" *Voice of America*, July 22, 2019.

⁵ Josh Smith, "No military solution in Afghanistan, U.N. chief says on Kabul visit," *Reuters*, June 14, 2017.

⁶ Peter Baker, Mujib Mashal, and Michael Crowley, "How Trump's Plan to Secretly Meet with the Taliban Came Together, and Fell Apart," *The New York Times*, September 8, 2019.

⁷ "White House Orders Direct Talks with Taliban," *TOLOnews*, July 16, 2018).

делку, и мы встретимся с ними,»⁸ – сказал Трамп во время своего первого визита в Афганистан в 2019 году. Три основные стороны – афганское правительство, США и талибы – по разным поводам демонстрировали готовность к мирным переговорам. В сентябре 2018 года Залмай Халилзад, этнический паштунский афгано-американский академик и бывший посол США в Афганистане, Ираке и Организации Объединенных Наций под руководством Джорджа Буша, был назначен Госдепартаментом специальным представителем по вопросам примирения в Афганистане. С тех пор он ведет переговоры с Талибаном и правительством Афганистана. После долгих обсуждений и переговоров США и Талибан подписали Соглашение о заключении мира в Афганистане в феврале 2020 года в Дохе (Катар), стране, которая принимала у себя мирные переговоры. Это соглашение охватывает только вопросы, касающиеся США и талибов, и ничего не говорит о ситуации после заключения мирного соглашения. Соглашение между США и талибами состоит из четырех основных частей: во-первых, талибы должны позаботиться, чтобы США и их союзники не подвергались угрозе с территории Афганистана. Во-вторых, через 14 месяцев США и союзные войска будут выведены. В-третьих, должны начаться внутриафганские переговоры. В-четвертых, на внутриафганских переговорах должно быть объявлено об окончательном прекращении огня.⁹ Спустя месяцы после заключения соглашения между США и Талибаном 12 сентября 2020 года в Дохе (Катар) начались внутриафганские переговоры¹⁰ с целью принятия решения о возможных договоренностях после заключения мирного соглашения. В настоящее время ведутся переговоры об установлении процедурных правил для внутриафганских переговоров¹¹. Хотя официальные лица США неоднократно обещали, что достижения последних 19 лет в области прав женщин и меньшинств и парламентской демократии будут сохранены в ходе мирных переговоров, соглашение не соответствует этому языку. Афганские женщины регулярно призывают афганское правительство и официальных лиц США

⁸ Michael Crowley, "Trump Visits Afghanistan and Says He Reopened Talks with Taliban," The New York Times, November 28, 2019.

⁹ "Agreement for Bringing Peace to Afghanistan," U.S. Department of State, (February 2020).

¹⁰ "NATO welcomes the start of Afghan peace negotiations in Doha," NATO, September 12, 2020.

¹¹ Lara Jakes, "Afghan women fear for their rights as US, Taliban talk peace," The Sydney Morning Herald, August 24, 2019.

сохранить достижения последних лет.¹² Официальные лица США, особенно Халилзада, неоднократно заверяли афганскую молодежь и женщин в том, что прошлые достижения будут сохранены, и это станет краеугольным камнем, на котором следует строить дальнейший прогресс. Несмотря на все обещания, соглашение не касается того, как будет выглядеть Афганистан после заключения мирного соглашения. В нем не содержится никаких ограничений в отношении сохранения достижений, достигнутых в эпоху после талибов, в различных аспектах политической и социальной жизни Афганистана. Соглашение лишь проложило путь для внутриафганских переговоров. Теперь задача афганцев – примирить и создать «дорожную карту» для Афганистана на период после заключения мирного соглашения.

Существенные изменения, которые могли бы произойти

Возможная сделка после заключения мирного соглашения с Афганистаном определенно не будет похожа на ту, которую мы видим в Афганистане сегодня. Талибан, как группа с консервативным основанием и религиозными взглядами на образование, женщин, средства массовой информации и демократию, скорее всего, потребуют огромных изменений, которые непосредственно повлияют на жизнь афганского народа, особенно женщин и религиозных и этнических меньшинств. С другой стороны, либеральные части общества, особенно люди, живущие в больших городах и западных, северных и центральных частях Афганистана – таджики, хазарейцы, узбеки, – нелегко откажутся от демократических ценностей, которые они испытали на себе после падения режима Талибана. Поэтому возможный мирный договор может положить конец военным конфликтам между талибами и афганскими вооруженными силами, но в то же время между различными слоями общества могут возникнуть другие споры и разногласия. Особенно между талибами и проталибскими общинами с более либеральными группами, такими как таджики, хазарейцы, узбеки, либеральные пуштуны, проживающие в городах.

¹² Rajab Taieb, "Past Years Achievements Should Be Defended: Khalilzad," TOLONews, April 24, 2019.

Талибы решительно выступают против женского образования после восьмилетнего возраста и трудоустройства женщин вне дома. Они также придерживаются предполагаемого шариатского «закона о парандже», или прикрытии женщин с головы до ног, когда они находятся в общественных или частных местах, кроме своего собственного дома. Они постоянно участвуют в поджогах школ для девочек, изменяют учебную программу в школах для мальчиков и заменяют занятия по английскому языку теологией.¹³ Исследование, проведенное Эшли Джексон в контролируемых Талибаном районах, показывает, что Талибан в районах, находящихся под их контролем, исключил учебники по афганской культуре, конституции и праву из учебной программы и заменил их версией исламского образования.¹⁴ Исследование также показало, что Талибан не разрешает девочкам после определенного возраста посещать школу. Частично в исследовании говорится, что «это исследование не смогло выявить ни одну среднюю школу для девочек, открытую в районе сильного влияния или контроля Талибана».¹⁵

Образование и обучение девочек – лишь один из примеров десятков школ, на которые талибы придерживаются консервативных взглядов. В возможном постмирном договоре с Афганистаном талибы станут частью общества, которое сильно изменилось за последние 19 лет. Согласие различных взглядов талибов и молодых поколений представляется очень трудным. Вероятно, возникнет напряженность между талибами и проталибскими общинами с более либеральными частями общества, если правительство и афганская элита не примут активных мер. Разногласия во взглядах уже завели в тупик внутриафганские переговоры в Дохе. Хотя со времени начала переговоров прошел почти месяц, переговорным группам не удалось договориться о «правилах ведения переговоров». Один из вопросов, по которому они не пришли к согласию, это религиозная основа переговоров. «Талибан настаивает на том, что в случае возникновения спора в ходе переговоров необходимо искать решение с использованием ханафитской юриспруденции».¹⁶ Делегация афганского правительства, представляющая народ

¹³ “Taliban burn down girls’ school in Afghanistan,” The Observers, November 4, 2015.

¹⁴ Ashley Jackson, “Life under the Taliban shadow government,” Overseas Development Institute (June 2018): 1-31.

¹⁵ См. выше, 14.

¹⁶ Karim Amini, “Doha: General Meeting of Both Sides Held,” TOLONews, October 15, 2020.

Афганистана, не согласна с этим, утверждая, что согласие с этим исключит шиитов, которые верят в юриспруденцию Джафари. Это указывает на глубину противоречий, которые в случае неправильного решения создадут проблемы позднее. Таким образом, «дорожная карта» после заключения мирного соглашения должна быть разработана таким образом, чтобы помочь всем слоям афганского общества и позволить им жить так, как они хотят, – в противном случае политическая напряженность, равно, как и отсутствие безопасности, скорее всего, будут продолжаться.

Федеральная система, которая, по всей вероятности, будет способна устранить различия во взглядах

Различные взгляды афганской элиты – в основном тех, кто получил образование за рубежом (некоторые из них имеют двойное гражданство и, следовательно, европейские или североамериканские паспорта) – и талибов, вероятно, принесут огромные изменения как в политическом, так и в социальном измерениях в возможном постмирном соглашении с Афганистаном. Талибан неоднократно заявлял, что он хочет восстановить Исламский эмират, созданный им до вторжения США в Афганистан в октябре 2001 года (так называемая операция «Несокрушимая свобода»)¹⁷. Талибан не считает афганское правительство законным, рассматривая его как американскую марионетку. На конференции с афганскими политическими лидерами в Москве они потребовали написать новую конституцию для формирования «инклюзивной исламской системы»¹⁸. По-видимому, на внутриафганских переговорах вопрос о типе системы управления станет одной из главных тем обсуждения. Изменение системы управления должно произойти после внесения поправок в действующую конституцию. Если предполагается, что афганцы должны будут внести изменения в этом отношении, то это может быть подходящим моментом для внесения правильных изменений.

Чтобы избежать дальнейших конфликтов и войны, укрепить управление и стабилизировать страну, афганская элита (включая

¹⁷ Anchal Vohra, “The United States Wants Peace, The Taliban Wants an Emirate,” *Foreign Policy*, March 2, 2020.

¹⁸ “Taliban demand new constitution for Afghanistan,” *Egypt Independent*, February 6, 2019.

Талибан) должна децентрализовать нынешнюю централизованную систему и создать федеральную модель управления в Афганистане. В такой модели все слои общества – самые консервативные и самые либеральные – могут жить так, как они хотят, не создавая друг для друга проблем. Талибан, представители которого в основном проживают в южных районах страны, где его руководство и пехотинцы являются в подавляющем большинстве пуштунскими и суннитскими фундаменталистами-мусульманами, многие из которых намерены переселиться на юг, также более приемлем для общин, проживающих в этих провинциях, по сравнению с другими частями страны. В федеральной системе они, как единое целое или как множество подразделений, могут иметь свою собственную политику в отношении образования, прав женщин, юрисдикции и даже законов шариата и жить так, как им нравится. Либеральные части общества в городах и центральных, западных и северных районах страны могут проводить свою собственную политику. Большинство людей, живущих в южных частях страны, пуштуны, скорее всего, уживаются с талибами. Однако для остальных этнических групп это представляется невозможным. Федеральное правительство в Кабуле должно заниматься только национальными вопросами, в то время как федеральные единицы должны получить полную автономию в разработке своей политики, правил и положений, как того требует большинство людей в этих единицах. Безусловно, такие механизмы сложны и нуждаются в тщательном планировании, но, когда что-то должно быть изменено, лучше внести правильные изменения.

Федеральная система

Довольно большое число ученых и политиков утверждают, что централизованная система не работает в Афганистане, потому что ландшафт, разнообразие и структуры управления более подходят для децентрализованной системы. В 2001 году академик Дэвид Р. Кэмерон сказал, что Афганистан является «идеальным» кандидатом на постталибский федерализм, подчеркнув, что процесс постталибского институционального строительства должен основываться на федеральной модели.¹⁹ В Афганистане, помимо других

¹⁹ David Cameron, "Overview: A role for federalism in Afghanistan after the Taliban," Forum of Federations, October, 2001.

этнических групп, четыре из них являются более многочисленными группами, которые борются за власть между собой. При более широком распределении каждая из этих этнических групп составляет большинство населения в различных частях страны.²⁰ Кроме того, существуют три основных языка (дари, пушту и узбекский) и две основные ветви ислама (суннитский и шиитский). По мнению Кэмерона, эти факторы создают местные лояльности, и такие лояльности подходят для федеральной системы.

Дженнифер Брик Муртазашвили утверждает, что «на бумаге Афганистан не является федерацией, но неформально он напоминает федерацию, в которой действует система традиционного управления на уровне округов и деревень, и источники полномочий такого рода управления лежат в обычаях и традиционных организациях, которые имеют возможность управлять на этом уровне».²¹ Структуры управления на уровне округов и деревень действительно существуют в сельских районах Афганистана, которые обмениваются информацией по вопросам безопасности с правительственными органами. Это сотрудничество лучше всего работает, когда правительственные служащие из одного и того же региона. Томас Барфилд выделяет два уровня структур управления в сельских районах Афганистана, которые включают местную структуру управления, представляющую центральное правительство, и местные племенные или деревенские структуры, представляющие местное население. Структура местного населения облегчает коммуникацию между местными общинами и структурой местных органов власти.²² По его словам, эти местные структуры могут способствовать управлению в рамках децентрализованной системы, такой как федеральная модель.

Многие ученые критиковали централизованную систему, созданную в постталибанскую эпоху, за ее несоответствие реалиям Афганистана. Барфилд считает, что «нынешняя централизованная система не является частью решения в Афганистане, поскольку

²⁰ Carol J. Riphenburg, "Ethnicity and Civil Society in Contemporary Afghanistan," *Middle East Journal* 59, no. 1 (winter 2005): 31-51.

²¹ Jennifer Brick Murtazashvili, "Informal Federalism: Self-Governance and Power Sharing in Afghanistan," *Publius* 44, no. 2 (Spring 2014): 324-343.

²² Thomas J. Barfield, *Weak links on a Rusty Chain: Structural weaknesses in Afghanistan's Provincial government administration* (Berkeley, CA: Institute of International Studies, University of California, 1984), 170-73.

она неэффективна в такой стране. Эта система (централизованная) рассчитана на царей и тиранов – таким был Афганистан в прошлом. И если у вас есть действительно сильный лидер, чтобы управлять страной, то это очень эффективная система, верно. Но в таком месте, как Афганистан, эта система давно разрушена»²³. По его словам, Афганистан всегда был жертвой того, кто контролирует Кабул, диктуя всем, как жить²⁴. Барфилд и Ноджуми утверждают, что «Америка ошибочно полагает, что создание сильного централизованного правительства с формальными институтами является ключом к стабильности»²⁵. За последние девять лет США и союзные страны – ключевые члены которых (такие как США и Германия) по иронии имеют федеральную систему управления, – сами помогли афганцам создать политическую систему национального уровня и перестроить свою армию и суды, но государственная власть на провинциальном и районном уровнях не укоренилась и остается неэффективной»²⁶. Они также утверждают, что в сельских районах Афганистана неформальные структуры управления существовали всегда, даже когда формальные правительственные учреждения не существовали. Они отмечают, что «стабильность в Афганистане может быть наилучшим образом достигнута, если уделять главное внимание тому, как афганцы, особенно сельские жители Афганистана, понимают управление, и как им отводится в нем более важная роль»²⁷. Таким образом, они тоже выступают за федеральную систему. Эти научные аргументы указывают на то, что федеральная структура действительно существует в Афганистане, и ее нужно лишь формализовать.

Внутри Афганистана многие афганские политики и этнические лидеры также продвигают дискуссию о децентрализации власти. Этот дискурс приветствуется довольно большим количеством людей, особенно у молодежи, в социальных сетях и в дебатах на телевидении. Такая система, вероятно, способна учитывать различия, помогает структурам управления укорениться на местном уровне, увеличивает участие в политической жизни и, таким обра-

²³ Thomas J. Barfield (a prominent scholar on Afghanistan and professor of anthropology at Boston University), interview with author, October 4, 2020.

²⁴ См. выше.

²⁵ Thomas J. Barfield and Neamatollah Nojumi, "Bringing More Effective Governance to Afghanistan: 10 Pathways to Stability," Middle East.

²⁶ См. выше, 41.

²⁷ См. выше, 41.

зом, увеличивает число политических победителей по сравнению с централизованной системой. Хотя возможная мирная сделка может положить конец борьбе между Талибаном и афганскими вооруженными силами, отсутствие безопасности, вероятно, будет сохраняться и другими группами, поскольку, по словам афганских должностных лиц, в Афганистане действует около 20 террористических групп.²⁸ Поскольку американские и союзные войска должны покинуть Афганистан в рамках соглашения между США и Талибаном, то именно афганские вооруженные силы (с возможным участием бывших боевиков Талибана) самостоятельно будут вести борьбу с террористами. Федеральная система будет полезна в поддержании безопасности, стабильности и в борьбе с террористами, потому что именно местные жители будут иметь право управлять своими территориями, и именно они лучше знают народ, ландшафт, проблемы и решения на этом уровне.

Рекомендации

- Афганская элита (включая «Талибан») должна сформировать опирающееся на широкую основу, возглавляемое афганцами, инклюзивное правительство, отражающее разнообразную культуру Афганистана. Это институциональное развитие должно быть устойчивым процессом «снизу-вверх». Потребности и запросы народа должны быть услышаны, особенно в сельских районах, а государственные услуги должны доходить до самых отдаленных районов страны.
- Власть должна быть децентрализована в условиях, которые могут возникнуть после заключения мирного соглашения; местным органам власти следует предоставить больше автономии, местному населению следует предоставить полномочия на самоуправление, разработку своей собственной политики, правил и положений. В таком глубоко расколотом обществе, как Афганистан, где люди расходятся во мнениях почти по всем вопросам, разработка политики только на национальном уровне означает просто игнорирование требований народа. Самый мудрый вариант – позволить местным жителям принимать решения относительно политики, которая касается их жизни.

²⁸ Ahmad Wali Arian, “20 Terrorist Groups Fighting Against Afghan Government,” TOLONews, February 26, 2017.

- Вместо нынешней высокоцентрализованной системы следует принять федеральную модель управления. Федеральная система будет способствовать расширению политического участия, так как местный народ будет управлять самим собой, а ощущение того, что им управляют другие, перестанет существовать. Расширение участия означает увеличение числа политических победителей по сравнению с политическими проигравшими. Более того, увеличение числа политических победителей приведет к меньшей конкуренции за получение власти. В результате структуры управления на местном уровне укоренятся и укрепятся. Через эти структуры государственные услуги, в том числе услуги по обеспечению безопасности, будут доходить до отдаленных районов, что в конечном итоге приведет к укреплению стабильности и безопасности.
- Распределение власти между федеральным правительством и местными органами власти должно быть организовано таким образом, чтобы дать возможность местным органам власти бороться с терроризмом, предлагать услуги и укреплять доверие между правительством и населением. В то же время оно не должно поощрять сепаратизм.

Источники

“Agreement for Bringing Peace to Afghanistan.” *US Department of State*, (February 2020). cutt.ly/ZyTJWtT.

Amini, Karim. “Doha: General Meeting of Both Sides Held.” *TOLONews*, October 15, 2020. <https://cutt.ly/xgfo9AQ>.

Arian, Ahmad Wali. “20 Terrorist Groups Fighting Against Afghan Government.” *TOLONews*, February 26, 2017. cutt.ly/nyTJxUS.

Baker, Peter, Mujib Mashal, and Michael Crowley. “How Trump’s Plan to Secretly Meet With the Taliban Came Together, and Fell Apart.” *The New York Times*, September 8, 2019. cutt.ly/2yTJOYb.

Barfield, Thomas J. *Weak links on a Rusty Chain: Structural weaknesses in Afghanistan’s Provincial government administration*. Berkley, CA: Institute of International Studies, University of California, 1984.

Barfield, Thomas J., and Neamatollah Nojumi. “Bringing More Effective Governance to Afghanistan: 10 Pathways to Stability.” *Middle East Policy* 16, no. 4 (Winter 2010): 40-52.

Barfield, Thomas J. (a prominent scholar on Afghanistan and professor of anthropology at Boston University). Interview with author, October 4, 2020.

Cameron, David. “Overview: A role for federalism in Afghanistan after the Taliban.” *Forum of Federations*, October, 2001. cutt.ly/TyTJGqx.

Crowley, Michael. “Trump Visits Afghanistan and Says He Reopened Talks with Taliban.” November 28, 2019. <https://cutt.ly/zgfuMib>.

Dobin, James, and Carter Malkasian. “Time to Negotiate in Afghanistan: How to Talk to the Taliban.” *Foreign Affairs* 94, no. 4 (July/August 2015): 53-64. cutt.ly/cyTJZIC.

Gul, Ayaz. “Ahead of Trump Meeting, Khan Says Afghan War ‘Has No Military Solution’.” *Voice of America*, July 22, 2019. cutt.ly/PyTJVQK.

Jakes, Lara. "Afghan women fear of their rights as US, Taliban talk peace." *The Sydney Morning Herald*, August 24, 2019. cutt.ly/QyTJMbG.

Murtazashvili, Jennifer Brick. "Informal Federalism: Self-Governance and Power Sharing in Afghanistan." *Publius* 44, no. 2 (Spring 2014): 324-343.

"NATO welcomes the start of Afghan peace negotiations in Doha." *NATO*, September 12, 2020. <https://cutt.ly/RgfiTOq>.

"NATO welcomes the start of Afghan peace negotiations in Doha," *NATO*, September 12, 2020.

Rippenburg, Carol J. "Ethnicity and Civil Society in Contemporary Afghanistan," *Middle East Journal* 59, no. 1 (winter 2005): 31-51. cutt.ly/lyTJ8wZ.

Sheikh, Mona K., and Maja T.J. Greenwood. "Taliban Talks: Past, Present and Prospects for US, Afghanistan and Pakistan." *Danish Institute for International Studies* (2013): 1-42.

Smith, Josh. "No military solution in Afghanistan, UN chief says on Kabul visit." *Reuters*, June 14, 2017. cutt.ly/gyTJ5Ls.

Taieb, Rajab. "Past Years Achievements Should Be Defended: Khalilzad." *TOLONews*, April 24, 2019. cutt.ly/wyTKtuK.

"Taliban burn down girls' school in Afghanistan." *The Observer*, November 4, 2015. cutt.ly/zyTKyoH.

"Taliban demand new constitution for Afghanistan." *Egypt Independent*, February 6, 2019. cutt.ly/5yTKoyA.

Vohra, Anchal. "The United States Wants Peace. The Taliban Wants an Emirate." *Foreign Policy*, March 2, 2020. cutt.ly/DyTKa33.

"White House Orders Direct Talks with Taliban." *TOLONews*, July 16, 2018. <https://cutt.ly/Jgfufhn>.

В поисках друзей

19

Давиде Канкарини

Много пропаганды, мало конкретных результатов: 30 лет отношений между Турцией и Туркменистаном

31

Парадорн Рангсимапорн

Изучение движущих факторов более активного взаимодействия между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией

43

Себастьян Майер

В одиночку или вместе? Отношения ОБСЕ-ЕС в Центральной Азии

Много пропаганды, мало конкретных результатов: 30 лет отношений между Турцией и Туркменистаном

Давиде Канкарини

Аннотация

Несмотря на частые риторические заявления обеих стран, полное развитие турецко-туркменских отношений ограничивалось определенными секторами экономики, и даже тогда исключался важнейший сектор энергетики. Не было достигнуто никакого реального прогресса на политическом фронте, такого как убеждение Туркменистана, который твердо придерживался стратегии нейтралитета, присоединиться к Тюркскому совету. В данной аналитической статье будут описаны международные отношения на протяжении трех десятилетий, которые носили в первую очередь пропагандистский характер, особенно в отношении правительства Туркменистана.

Введение

Сразу после того, как Центральная Азия обрела независимость в 1991 году, Турция стремилась играть ведущую роль в интеграции некогда довольно изолированного региона в международную систему. До конца 1992 года политика Турции характеризовалась политическим порывом, направленным на установление политических, торговых и культурных отношений с четырьмя новыми независимыми республиками Центральной Азии, в которых большинство составляли тюркоязычные страны (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Кыргызстан).¹ Туркменистан очень быстро стал

¹ Робинс, Филипп. Восточная политика Турции: Отношения с государствами Центральной Азии// Центральная Азия встречается с Ближним Востоком; под ред. Давида Менашри. – Лондон: Издатели Фрэнка Касса, 1998. – С. 130-132; следует также упомянуть Азербайджан, поскольку, хотя он и не является центральноазиатским, тем не менее, он является тюркоязычным постсоветским государством, как и его центральноазиатские коллеги.

одним из важнейших двусторонних отношений Турции, при этом Анкара подчеркивает политические и тем более экономические связи с Ашхабадом.²

Анкара также вынашивала амбиции по использованию энергетические ресурсы Ашхабада, чтобы сделать Турцию энергетическим коридором между Востоком и Западом, но прогресс здесь сразу же замедлился. Три десятилетия спустя Турции все еще предстоит значительно продвинуться в Туркменистане в данном отношении. Похоже даже, что из-за ограниченных экономических ресурсов и большего стратегического веса других игроков в регионе, особенно России и Китая, турецко-туркменские отношения в значительной степени стали поверхностными, даже пропагандистскими, лишенными реального геополитического содержания.³

Намерения Турции в отношении к Туркменистану

Ашхабад, обладающий четвертыми по величине в мире запасами природного газа,⁴ всегда пользовался особым вниманием Анкары.⁵ Турция была первой страной, признавшей независимость Туркменистана в 1991 году и открывшей в нем посольство. С самого начала Турция видела в Туркменистане путь к превращению его в энергетический центр, связывающий производителей на Востоке с европейским рынком на Западе. В мае 1992 года президент Турции, на тот момент – Сулейман Демирель, вместе с группой турецких бизнесменов совершил официальный визит в Ашхабад и предложил президенту Туркменистана, в то время – Сапармурату

² Brent E. Saslev. *Турция в центральной Азии // Новая Центральная Азия. Региональное влияние международных субъектов*; под ред. Эмилияна Кавальски. – Сингапур: Всемирное научное издание, 2010. – С. 191-214.

³ Фраппи, Карло Место Центральной Азии во внешней политике Турции // *Анализ ISPI*, N. 225. – Декабрь 2013. – Режим доступа: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/analysis_225_2013.pdf. (дата обращения: 30.10. 2021) https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/analysis_225_2013.pdf.

⁴ *Статистический обзор мировой энергетики 2021 года // British Petroleum*. Корпоративный веб-сайт. – Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 30.10.2021).

⁵ *Отношения между Турцией и Туркменистаном // Турецкая Республика*. Министерство иностранных дел. Корпоративный веб-сайт. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa> (дата обращения: 30.10. 2021).

Ниязову, соглашение о строительстве газопровода в Европу через территорию Турции.⁶ Данное предложение было одобрено туркменским лидером, но за ним не последовало никаких конкретных решений – модель обещаний и бездействия сохраняется и по сей день.

Это не означает, что Турция не предпринимала другие попытки внести существенный вклад в свой проект в последующие годы. Политические усилия в этом направлении продолжались на протяжении всей эпохи Ниязова и тогда, когда Гурбангулы Бердымухамедов пришел к власти в 2007 году после смерти своего предшественника. Действительно, усилия Турции продолжались на протяжении всех ее собственных изменений в руководстве, включая избрание Реджепа Тайипа Эрдогана президентом Турции в 2014 году. Первый визит Эрдогана в Центральную Азию состоялся в Туркменистане в ноябре 2014 года, всего через несколько месяцев после его избрания, что стало явным признаком того, что Турция по-прежнему придает важное значение своему направлению на Востоке в своей доктрине международных отношений.⁷ В ходе визита была подписана сделка о будущих поставках туркменского газа по Трансанатолийскому газопроводу (TANAP), хотя, опять же, никаких дальнейших конкретных шагов предпринято не было. В дополнение к общему отсутствию последующих мер, Турции также пришлось бороться с попытками России воспрепятствовать поступлению туркменского газа на европейский рынок. Европа на сегодняшний день является основным экспортным рынком для российского газа, и Москва стремится избежать конкуренции со стороны тандема Ашхабад-Анкара.⁸ В дополнение к Москве, Анкаре также пришлось бороться с восходящим Пекином, который обладает сравнительно гораздо большей стратегической и экономической мощью.⁹ География Туркменистана также не благоприятствовала потенциальному партнерству с Турцией, ориентируя его от Турции в сторону Ирана, который имеет протяженную границу с

⁶ Ландо, Джейкоб Н. *Пантюркизм: от ирредентизма к сотрудничеству*. Лондон: Hurst & Co. Publishers, 1995. – С. 219.

⁷ Шлыков, Павел. *Стратегия Турции в отношении Туркменистана: что стоит за последним визитом Эрдогана в Ашхабад?* // Московский центр Карнеги. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/57249>. (дата обращения: 30.10.2021).

⁸ В 2020 году Россия экспортировала в Европу более 167 млрд куб.м природного газа, при этом общий экспорт природного газа по трубопроводу составил около 198 млрд куб.м // *Статистический обзор мировой энергетики*, 2021.

Туркменистаном, а с 1997 года разделяет трубопровод Корпедже-Кордкуй¹⁰ – а также дальше на восток в сторону Индии, особенно в форме долгосрочных усилий по строительству трубопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ).¹¹

Тем не менее, Ашхабад не стеснялся, по крайней мере, риторически, восхвалять сотрудничество с Анкарой. Почему? Правительство Туркменистана разработало нарратив о своих крупномасштабных энергетических проектах. Этот нарратив в первую очередь пропагандистский, ориентированный не столько на реализацию проектов, сколько на легитимацию самого режима в глазах туркменской общественности. Проще говоря, это инструментализирует идею, а не реальность турецко-туркменского сотрудничества в области природного газа как средство представить Бердымухаммедова (и Ниязова до него) как незаменимую фигуру в евразийской геополитике.¹²

«Построение» экономических отношений

В регионе, тесно связанном экономически и географически с Россией, а теперь все больше с Китаем, Турция всегда сталкивалась с тяжелой борьбой за влияние среди постсоветских тюркоязычных государств. Тем не менее, Анкара добилась некоторых важных успехов, особенно, как это ни парадоксально, в Ашхабаде.¹³

⁹ В 2020 году Китай импортировал около 27 млрд куб. м газа из Туркменистана, Россия – около 3,8 млрд куб. м. Иран прекратил закупки туркменского природного газа в 2017 году.

¹⁰ Фархад Атай и Хамидреза Азизи. Энергетический фактор в отношениях Ирана и Туркменистана // *Иранистика*. Вып. 45, №. 6. – Ноябрь 2012.

¹¹ Туркменистан хочет скорейшего завершения строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия // Брифинг по Шелковому пути. Корпоративный веб-сайт; последние изменения – 25 сентября 2020. Режим доступа: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2020/09/25/turkmenistan-wants-fast-completion-of-turkmen-afghanistan-india-gas-pipeline/>; (дата обращения: 30.10.2021)

¹² Анчески, Лука. Туркменистан и виртуальная политика евразийской энергетики: на примере проекта трубопровода ТАПИ // *Обзор Центральной Азии*. Вып.36, №.4. – Ноябрь 2017. С. 409-429.

¹³ Бор, Аннетт. Туркменистан: Власть, политика и нефтеавторитаризм // *Научная работа / Чатем-Хаус*. – Март, 2016.

По данным Министерства развития Турции, прямые иностранные инвестиции Турции (ПИИ) достигли 32 миллиардов долларов США к 2013 году, что составляет одну пятую от общего объема ПИИ Туркменистана.¹⁴ Важнейшая часть данных инвестиций пришлась на строительный сектор. В 2006 году посольство США в Ашхабаде подсчитало, что турецкие компании управляли 60 процентами строительных проектов в стране.¹⁵ К 2014 году для работы в Туркменистане было зарегистрировано около 600 турецких строительных компаний.¹⁶ Хотя участие Турции в туркменском строительстве не всегда было радужным,¹⁷ Ашхабад нашел надежного исполнителя в Анкаре для своих более грандиозных строительных проектов, таких как реконструкция Международного морского порта «Туркменбаши» и курорта «Аваза». Контракты на эти цели были оценены в 1,5 миллиарда долларов США и 5 миллиардов долларов США соответственно.¹⁸

Еще одним туркменским сектором, в котором Турция преуспела, было вооружение. С 2015 по 2019 год Туркменистан был главным рынком сбыта турецких вооружений, покрывая около 25 процентов экспорта Анкары на данной арене, что более чем вдвое превышает объем поставок в Оман и Пакистан (по 12 процентов каждый).¹⁹

Как и в энергетическом секторе, участие Турции в секторах строительства и вооружений, особенно в первом, выполняет пропагандистскую функцию для Ашхабада. Строительство крупномасштабных проектов символизирует режим, способный обеспечить внутреннее процветание. Однако, в отличие от энергетического сектора, на этот раз Турция смогла использовать риторику в своих интересах, зайдя так далеко, что воспользовалась необходимостью

¹⁴ Рикклтон, Крис. Даже для привилегированных турок Туркменистан – рискованная инвестиция // Eurasianet; последние изменения – 20.05.2015. Режим доступа: <https://eurasianet.org/even-for-favored-turks-turkmenistan-a-risky-investment>. (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁵ См. там же, 77.

¹⁶ Путз, Катрин. Турецкая компания жалуется на пустые карманы Туркменистана // The Diplomat (Дипломат); последние изменения – 04.06.2018; Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/06/turkish-company-complains-about-turkmenistans-empty-pockets/>; (дата обращения: 30.10.2021).

¹⁷ См. там же, 77.

¹⁸ К.в., Риклетон, 2015.

¹⁹ Марроне, Алессандро и Сабатино, Эстер. Оборонные соглашения G2G: Национальные стратегии поддержки экспорта и сотрудничества // *Istituto Affari Internazionale*. – №.17. Сентябрь 2020.

туркменского правительства развивать культ личности своих президентов, чтобы получить выгодные контракты для своих строительных компаний.²⁰

Авторитарное сотрудничество

Отношения между Турцией и Туркменистаном можно считать не только экономическими и пропагандистскими по своему характеру – это авторитарное сотрудничество.²¹ Туркменистан с момента обретения независимости всегда считался авторитарным, а Турция переживает медленное, но неуклонное снижение различных демократических параметров с тех пор, как Эрдоган пришел к власти в 2014 году, и особенно после неудавшегося государственного переворота в июле 2016 года.²² Их сотрудничество распространяется не только на легитимизацию, но Турция и Туркменистан также все активнее сотрудничают в целях подавления противников на своих соответствующих территориях.

Задержание Дурсолтана Таганова, туркменского активиста, которого Турция почти год планировала депортировать в Туркменистан, является наглядным примером того, как Анкара помогает Ашхабаду в реализации его повестки дня.²³ Примерно 500 000

²⁰ Сир, Жан. Культ личности в монументальном искусстве и архитектуре: на примере постсоветского Туркменистана // *Acta Slavica Iaponica*. Вып. 25. – 2008. – С. 203-220.

²¹ Геро Эрдманн, Андре Банк, Берт Хоффман и Томас Рихтер. Международное сотрудничество авторитарных режимов: к концептуальным рамкам // Рабочий документ № 229/Немецкий институт глобальных и региональных исследований. – Июль 2013.

²² Зафер Йилмаз и Брайан Тернер. Углубление авторитаризма в Турции и падение избирательной демократии // *Британский журнал ближневосточных исследований*. – Том 46. – Вып. 5. – 2019. С. 691-698; Кастальдо, Антонио. Популизм и конкурентный авторитаризм в Турции // *Исследования Юго-Восточной Европы и Черного моря*. – Том 18. – Вып. 4. – 2018. – С. 467-487.

²³ Туркменская активистка говорит: «Не Бойтесь»; ей грозит депортация из Турции и опасность наказания // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 28.10.2021. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmen-taganova-turkey-turkmenistan-/31481371.html>; (дата обращения: 30.10.2021. См. также: Открытый критик туркменского правительства говорит, что она находится под давлением в Турции // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 21.04.2021. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmen-activist-taganova-pressure-turkey/31215597.html>; (дата обращения: 30.10.2021. См. также: Турция: туркменскому активисту грозит депортация // *Human Rights Watch*; последние изменения – 12.11.2020. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2020/10/12/turkey-turkmen-activist-faces-deportation>; (дата обращения: 30.10.2021).

граждан Туркменистана работают на территории Турции,²⁴ поэтому Турция является ключевым направлением для тех, кому было разрешено покинуть Туркменистан в целях получения экономических и образовательных возможностей за рубежом,²⁵ что ставит ее в уникальное положение для подавления туркменских диссидентов.²⁶ Подавление религиозного движения «Хизмет»²⁷ в Туркменистане в 2016 году после государственного переворота, в котором обвинили движение, является примером того, как Ашхабад оплатил Анкаре за ее помощь. В то время как Кыргызстан и Казахстан отказались согласиться с требованиями Турции о выдворении движения со своих территорий, Туркменистан действовал в соответствии с просьбой, арестовав и подвергнув пыткам десятки учителей и учащихся из школ, связанных с «Хизметом».²⁸

Тем не менее, часто создается впечатление, что у Ашхабада есть лучшая сторона данной сделки. В 1995 году Турция поддержала признание Организацией Объединенных Наций статуса «постоянного нейтралитета» Туркменистана. Данная политика использовалась как Ниязовым, так и Бердымухамедовым для усиления, с идеологической точки зрения, изоляции их страны, а через нее и неприступности их режимов. Турция в 1995 году стала выдвигать

²⁴ Шер Касымов, Жибек Айсарина, Кымбат Нурланова и Раушан Жандаева. Представляем систему отслеживания миграции в Центральной Азии // *Общество Оксуса по делам Центральной Азии*; последние изменения – 15.12.2020. Режим доступа: <https://oxussociety.org/introducing-the-central-asia-migration-tracker/>; (дата обращения: 30.10.2021).

²⁵ Правительство Туркменистана уже давно вводит формальные и неформальные ограничения на выезд своих граждан за границу. В самом крайнем случае, в период с 2003 по 2004 год, правительство требовало выездных виз – практика, которую Ашхабад рассматривает восстановить. См.: Туркменистан обдумывает введение выездных виз // *Новости Туркменистана*; последние изменения – 11.09. 2021. Режим доступа: <https://en.turkmen.news/news/turkmenistan-mulls-imposition-of-exit-visas/>; (дата обращения: 30.10.2021).

²⁶ Туркменские власти раскритиковали «угрозы» родственникам изгнанных диссидентов // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 13.05.2021. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmenistan-threatening-relatives-of-exiled-dissidents/31252951.html>; (дата обращения: 30.10.2021).

²⁷ Также известно как движение «гуленистов» и официально называется турецкими властями «Фетхуллахистской террористической организацией» («Fethullahçı Terör Örgütü»).

²⁸ Туркменистан: 18 человек, подвергнутых пыткам, приговорены в результате несправедливого судебного разбирательства // *Human Rights Watch*; последние изменения – 09.06.2017. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2017/06/09/turkmenistan-18-men-tortured-sentenced-unfair-trial>; (дата обращения: 30.10.2021). Ашдаун, Ник. Туркменистан расправляется с последователями Юлена // *Eurasianet*; последние изменения – 08.12.2016. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-cracking-down-gulen-followers>; (дата обращения: 30.10.2021). <https://eurasianet.org/turkmenistan-cracking-down-gulen-followers>.

другие свои инициативы, такие как Совет сотрудничества тюркоязычных государств, также известный как Тюркский совет. Несмотря на дипломатическое давление со стороны Турции,²⁹ Ашхабад до сих пор не присоединился к Тюркскому совету. Хотя ходят слухи, что присоединение может, наконец, состояться к концу 2021 года;³⁰ тот факт, что Туркменистан был единственной независимой тюркоязычной страной с полным дипломатическим признанием, которая еще не была его членом, подрвал легитимность данного органа.

Тем не менее Турция продолжает вести эту игру, возможно, в надежде, что ситуация в конечном итоге изменится в ее пользу. Является ли эта надежда неуместной, или в ближайшем будущем могут произойти перемены? Очевидный приход к власти сына Бердымухамедова, Сердара, может быть предвестником реформ, учитывая его молодость.³¹ Однако можно также возразить, что внутренняя логика туркменского управления в сочетании с российским влиянием делает маловероятными перемены.³² Действительно, есть ли кто-то, кто мог бы поспорить, что после 30 лет относительного застоя отношения между Турцией и Туркменистаном продолжатся более или менее в соответствии с установленными принципами.

²⁹ Боздоган, Каан. Мы надеемся увидеть Туркменистан в Тюркском совете: Эрдоган // *Anadolu Agency*; последние изменения – 12.12.2020. Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/turkey/we-hope-to-see-turkmenistan-in-turkic-council-erdogan-/2074546>; (дата обращения: 30.10.2021).

³⁰ Глоб, Пол. Туркменистан, похоже, намерен отойти от нейтралитета, что придаст Турции серьезный импульс // *Окно в Евразию*; последние изменения – 17.10.2021. Режим доступа: <https://windowoneurasia2.blogspot.com/2021/09/turkmenistan-appears-set-to-move-away.html>; (дата обращения: 30.10.2020). См. также: Отчет ИА: Туркменистан станет полноправным членом Тюркского совета // *Turkmenportal*; последние изменения – 15.10.2021. Режим доступа: <https://turkmenportal.com/en/blog/39680/ia-report-turkmenistan-will-become-a-full-member-of-the-turkic-council>; (дата обращения: 30.10.2021).

³¹ Туркменистан: Время для перемен? // *Eurasianet*; последние изменения – 21.10.2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-time-for-a-change>; (дата обращения: 30.10.2021). См. также: Туркменский лидер назначил своего сына заместителем премьер-министра // *Reuters*; последние изменения – 12.02.2021. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/turkmenistan-president-son-idINKBN2AC0VI>; (дата обращения: 30.10.2021).

³² Туркменистан: Русская медвежья хватка // *Eurasianet*; последние изменения – 25.05.2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-a-russian-bear-hug>; (дата обращения: 30.10.2021).

Рекомендации

- Турция должна использовать то экономическое влияние, которое она имеет в Туркменистане, чтобы убедить власти по-настоящему открыть экономическую систему своей страны, в том числе поощрять внедрение более прозрачной практики в соответствии с международными стандартами. В собственных интересах Турции является расширение своих инвестиционных возможностей и защиты своих граждан, работающих на туркменском рынке.
- Желание Турции вовлечь Туркменистан в региональные и международные организации сотрудничества, такие как Тюркский совет, должно быть конкретным и не оставаться инструментом информирования общественности. В конечном счете, это в собственных интересах Турции, поскольку это придаст большую легитимность ее дипломатическим усилиям и реальный престиж ее статусу самой экономически и политически влиятельной тюркоязычной страны в мире.
- Турция должна обеспечить защиту противников туркменского режима на своей территории, позволив им продолжать свою деятельность в безопасности. Это укрепило бы их доверие к своим западным партнерам, одновременно помогая Туркменистану освободиться от его нынешнего изоляционизма, что неизбежно создаст больше и лучшие возможности для турецких ПИИ.

Источники

Анчески, Лука. Туркменистан и виртуальная политика евразийской энергетики: на примере проекта трубопровода ТАПИ // *Обзор Центральной Азии*. – Вып. 36, №. 4. – Ноябрь 2017. – С. 409-429.

Ашдаун, Ник. Туркменистан расправляется с последователями Гюлена // *Eurasianet*; последние изменения – 08.12.2016. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-cracking-down-gulen-followers>; (дата обращения: 30.10.2021).

Атай Фархад и Хамидреза Азизи. Энергетический фактор в отношениях Ирана и Туркменистана // *Иранистика*. – Вып. 45, №. 6. – Ноябрь 2012.

Бор, Аннетт. Туркменистан: Власть, политика и нефтеавторитаризм // научная работа: Чатем-Хаус, март 2016.

Боздоган, Каан. Мы надеемся увидеть Туркменистан в Тюркском совете: Эрдоган // *Anadolu Agency*, последние изменения – 12.12.2020 <https://www.aa.com.tr/en/turkey/we-hope-to-see-turkmenistan-in-turkic-council-erdogan-/2074546>;

Статистический обзор мировой энергетики 2021 года // British Petroleum. Корпоративный веб-сайт. Режим доступа: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf>; (дата обращения: 30.10.2021).

Кастальдо, Антонио. Популизм и конкурентный авторитаризм в Турции // *Исследования Юго-Восточной Европы и Черного моря*. – Том18, вып. 4. – 2018. – С. 467-487.

Эрдманн, Геро, Андре Банк, Берт Хоффман и Томас Рихтер. Международное сотрудничество авторитарных режимов: к концептуальным рамкам // Рабочий документ № 229, Немецкий институт глобальных и региональных исследований, июль 2013.

Фраппи, Карло. Место Центральной Азии во внешней политике Турции // *Анализ ISPI*, N. 225. – Декабрь 2013. Режим доступа: https://www.ispionline.it/sites/default/files/pubblicazioni/analysis_225_2013.pdf; (дата обращения: 30.10.2021).

Глоб, Пол. Туркменистан, похоже, намерен отойти от нейтралитета, что придаст Турции серьезный импульс // *Окно в Евразию*; последние изменения – 17.10.2021. Режим доступа: <https://windowoneurasia2.blogspot.com/2021/09/turkmenistan-appears-set-to-move-away.html>; (дата обращения: 30.10.2020).

Касымов, Шер, Жибек Айсарина, Кымбат Нурланова и Раушан Жандаева. Представляем систему отслеживания миграции в Центральной Азии // *Общество Оксуса по делам Центральной Азии*, последние изменения 15 декабря 2020. Режим доступа: <https://oxussociety.org/introducing-the-central-asia-migration-tracker/>; (дата обращения 30.10. 2021).

Ландо, Джейкоб Н. *Пантюркизм: От ирредентизма к Струдничеству* // Лондон: Hurst & Co. Publishers, 1995.

Марроне, Алессандро и Эстер Сабатино. Оборонные соглашения G2G: Национальные стратегии поддержки экспорта и сотрудничества // *Istituto Affari Internazionale*. – №.17. Сентябрь 2020.

Откровенный критик туркменского правительства говорит, что она находится под давлением в Турции // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 21.04.2021. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmen-activist-taganova-pressure-turkey/31215597.html>; (дата обращения: 30.10.2021).

Путз, Кэтрин. Турецкая компания жалуется на пустые карманы Туркменистана // *The Diplomat* (Дипломат); последние изменения – 04.06.2018. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/06/turkish-company-complains-about-turkmenistans-empty-pockets/>; (дата обращения: 30.10.2021).

Отношения между Турцией и Туркменистаном // Турецкая Республика. Министерство иностранных дел. Корпоративный веб-сайт. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-turkmenistan.en.mfa>; (дата обращения: 30.10.2021).

Рикклтон, Крис. Даже для привилегированных турок Туркменистан – рискованная инвестиция // *Eurasianet*; последние изменения – 20.05.2015. Режим доступа: <https://eurasianet.org/even-for-favored-turks-turkmenistan-a-risky-investment>; (дата обращения: 30.10.2021).

Робинс, Филипп. Восточная политика Турции: Отношения с государствами Центральной Азии // *Центральная Азия встречается с Ближним Востоком* (под ред. Давида Менашри). – Лондон: Издатель Фрэнк Касса, 1998.

Саслев, Brent E. Турция в Центральной Азии // *Новая Центральная Азия. Региональное влияние международных субъектов* (под ред. Эмилияна Кавальски). – Сингапур: Всемирное научное издание, 2010.

Сир, Жан. Культ личности в монументальном искусстве и архитектуре: На примере постсоветского Туркменистана // *Acta Slavica Iaponica*. – Вып. 25. – 2008. – С. 203-220.

Туркменистан хочет скорейшего завершения строительства газопровода Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия // Брифинг по Шелковому пути. Корпоративный веб-сайт; последние изменения – 25.10.2020. Режим доступа: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2020/09/25/turkmenistan-wants-fast-completion-of-turkmen-afghan-pakistan-india-gas-pipeline/>; (дата обращения: 30.10.2021).

Шлыков, Павел. *Стратегия Турции в отношении Туркменистана: Что стоит за последним визитом Эрдогана в Ашхабад?* // Московский центр Карнеги. Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/57249>; (дата обращения: 30.10.2021).

Турция: Туркменскому активисту грозит депортация // *Human Rights Watch*; последние изменения – 12.11.2020. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2020/10/12/turkey-turkmen-activist-faces-deportation>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменская активистка говорит: «Не бойтесь», ей грозит депортация из Турции и опасность наказания // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 28.10.2021.

Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmen-taganova-turkey-turkmenistan-/31481371.html>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменские власти раскритиковали «угрозы» родственникам изгнанных диссидентов // *Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода»*; последние изменения – 13.05.2021. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/turkmenistan-threatening-relatives-of-exiled-dissidents/31252951.html>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменистан обдумывает введение выездных виз// *Новости Туркменистана*; последние изменения – 11.09.2021. Режим доступа: <https://en.turkmen.news/news/turkmenistan-mulls-imposition-of-exit-visas/>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменский лидер назначил своего сына заместителем премьер-министра // *Reuters*; последние изменения – 12.02.2021. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/turkmenistan-president-son-idINKBN2AC0VI>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменистан: 18 человек, подвергнутые пыткам, приговорены в результате несправедливого судебного разбирательства// *Human Rights Watch*; последние изменения – 09.06.2017. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2017/06/09/turkmenistan-18-men-tortured-sentenced-unfair-trial>; (дата обращения: 30.10.2021).

Туркменистан: Время для перемен? // *Eurasianet*, последние изменения – 21.10.2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-time-for-a-change/>; (дата обращения: 30.10.2021).

Зафер Йилмаз и Брайан Тернер. Углубление авторитаризма в Турции и падение избирательной демократии // *Британский журнал ближневосточных исследований*. – Том 46. – Вып 5. – 2019. – С. 691-698.

Изучение движущих факторов более активного взаимодействия между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией

Парадорн Рангсимапорн

Аннотация

В условиях расширения экономического влияния Китая в Центральной Азии одной из проблем, стоящих перед странами региона, является необходимость диверсификации их внешних отношений и экономических партнеров, чтобы избежать чрезмерной зависимости от одной страны. Страны Юго-Восточной Азии и их региональная организация – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – все чаще рассматриваются в качестве одного из таких потенциальных партнеров. В данной аналитической записке рассматриваются факторы, способствующие расширению взаимодействия между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией. Во-первых, укрепление отношений со странами Юго-Восточной Азии соответствует многовекторной внешней политике государств Центральной Азии и их стремлению диверсифицировать экономических партнеров. Во-вторых, перемещение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на восток в сторону Азии после западных санкций в отношении России придало дополнительный импульс укреплению отношений между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией. В-третьих, ключевая роль Центральной Азии в качестве наземного моста в китайской программе «Один пояс – один путь» (BRI) привлекла внимание стран Юго-Восточной Азии, поскольку они стремятся получить доступ к рынкам Центральной Азии и Европы. В-четвертых, растущая озабоченность Центральной Азии в отношении Китая побудила некоторые страны предложить укрепление отношений с Юго-Восточной Азией как один из возможных противовесов. Рекомендации о том, как еще больше укрепить и поддерживать данное взаимодействие, представлены в конце данной статьи.

Введение

Отношения между странами Центральной Азии и Юго-Восточной Азии были недостаточно изученной областью исследований.¹ В Азии, помимо Китая, основное внимание уделялось отношениям Центральной Азии с Японией, Южной Кореей, Индией и Ираном.² Однако в связи с растущей глобальной значимостью и потенциальной взаимосвязанностью обоих регионов их отношения заслуживают более пристального изучения, в частности, стоит изучить, как Юго-Восточная Азия может помочь Центральной Азии диверсифицировать своих экономических партнеров и избежать чрезмерной зависимости от Китая, который неуклонно расширяет свое присутствие в Центральной Азии.³ Десять стран Юго-Восточной Азии, являющихся членами АСЕАН, имеют совокупное население почти 650 миллионов человек, ВВП в размере 2 986 миллиардов долларов США и устойчивый рост ВВП около 5 процентов в год.⁴ АСЕАН также переходит в региональное сообщество и играет ведущую роль в азиатско-тихоокеанском регионализме. Центральная Азия долгое время была стратегически важным регионом для великих держав с глобальными последствиями из-за ее центрального расположения в Евразии и обладания огромными энергетическими и природными ресурсами. С общей численностью населения около

¹ Несколько работ были посвящены двусторонним отношениям или отношениям конкретной страны с Центральной Азией или АСЕАН. Например: Рахат Т. Ахмет, Чу Чи Кианг и Чанг Пэн Ки. Формирование дипломатических отношений между Казахстаном и Малайзией // Журнал социальных и гуманитарных наук. – № 2. – 2015. – С. 162-177; Парадорн Рангсимапорн. Отношения между Казахстаном и Таиландом: прошлые связи и перспективы на будущее // Журнал государственного управления и государственной службы. – Нур-Султан. – Вып. 72. – № 1. – 2020. – С. 32-37; Старк, Ян. 'Снежный барс' встречается с 'азиатским тигром': формирование отношений Малайзии с Центральной Азией // Круглый стол. – 95. – № 385. – 2006. – С. 455-471; Парадорн Рангсимапорн. Казахстан и АСЕАН: неисследованный вектор во внешней политике Казахстана // *Asian Affairs* – 51 – № 1. – 2020. – С. 126-145.

² Например: Дадабаев, Тимур. *Япония в Центральной Азии: стратегии, инициативы и соседние державы* // Бейсингсток: Пэлгрейв. – Макмиллан, 2016; Фумагалли, Маттео. Растущие межазиатские отношения: связи, соперничество и вызовы в отношениях между Южной Кореей и Центральной Азией // *Журнал евразийских исследований*. – № 7. – 2016. С. 39-48; Кавальски, Эмилиян. *Индия и Центральная Азия: Мифотворчество и международные отношения растущей державы* // Лондон: И. Б. Таврис, 2010; Месбахи, Мохиаддин. Иран и Центральная Азия: парадигма и политика // *Опрос Центральной Азии* – 23, № 2. – 2004 - С. 109-139.

³ О расширении присутствия Китая см.: Умаров, Темур. Китай принимает угрожающие размеры в Центральной Азии // 30 марта 2020 г. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81402>.

⁴ АСЕАН: Отдельные основные показатели (по состоянию на июнь 2019 года) // Портал статистических данных АСЕАН. Секретариат АСЕАН. – Режим доступа: <https://data.aseanstats.org/>.

72,5 миллиона человек и совокупным ВВП около 286 миллиардов долларов США Центральная Азия также представляет собой относительно большой неиспользованный рынок для стран Юго-Восточной Азии.⁵ Аналогичным образом, страны Центральной Азии рассматривают Юго-Восточную Азию как потенциальный крупный рынок сбыта своих товаров и альтернативного инвестора и экономического партнера. Тем не менее, экономические связи были самым слабым звеном. В то время как торговля между Центральной Азией и АСЕАН неуклонно растет с 2015 года (554 миллиона долларов США), достигнув 1,1 миллиарда долларов США в 2018 году, она по-прежнему составляет лишь около 0,05 процента от общего объема торговли АСЕАН с остальным миром в 2018 году (2 174,5 миллиарда долларов США).⁶ Основными препятствиями были физические расстояния, транспортные и логистические проблемы, а также отсутствие взаимной воли к взаимодействию друг с другом. Но в последние годы наблюдается все больший импульс к расширению взаимодействия между ними.

Диверсификация экономических партнеров и «вектор Юго-Восточной Азии»

Некоторые государства Центральной Азии признали растущее значение Юго-Восточной Азии и определили необходимость укрепления отношений с регионом в рамках своей многовекторной политики. Государства Центральной Азии были привержены проведению некоторого варианта многовекторной внешней политики, особенно в области энергетической политики и безопасности, путем диверсификации своих партнеров, чтобы обеспечить некоторый стратегический баланс и рычаги влияния в отношении великих держав.⁷ В новой концепции внешней политики Казахстана в качестве приоритетов упоминается укрепление отношений со странами Юго-Восточной Азии и АСЕАН.⁸ Концепция внешней политики

⁵ Данные Всемирного банка по пяти странам Центральной Азии (2018) // Всемирный банк. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=KZ-KG-UZ-TJ-TM>.

⁶ Торговля АСЕАН с пятью государствами Центральной Азии // Портал статистических данных АСЕАН. Секретариат АСЕАН. Режим доступа: <https://data.aseanstats.org/>.

⁷ Кули, Александр. *Великие игры, местные правила: конкурс «Новая великая держава» в Центральной Азии* // Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2012. – С. 68.

⁸ Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы // Администрация Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: http://www.akorda.kz/en/legal_acts/decrees/on-the-concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-kazakhstan-for-2020-2030.

Таджикистана также подчеркивает необходимость укрепления отношений со странами Юго-Восточной Азии для «проникновения на развивающиеся рынки капитала, технологий, сырья и промышленной продукции», упоминая Индонезию, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Вьетнам.⁹ Концепция внешней политики Туркменистана на 2017–2023 годы предусматривает укрепление отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, в то время как в Кыргызстане в целом отмечается развитие сотрудничества со странами ближнего и дальнего зарубежья.¹⁰ Узбекистан разрабатывает новую концепцию внешней политики, поэтому Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана на 2017–2021 годы определяет его внешнеполитические приоритеты и задачи. Одной из таких задач является расширение сотрудничества со странами-партнерами в Юго-Восточной Азии, а именно – с Индонезией, Малайзией, Сингапуром и Вьетнамом.¹¹

Поэтому страны Юго-Восточной Азии рассматриваются в качестве потенциальных альтернативных торговых и инвестиционных партнеров, а также новых источников технологий и знаний. Министерства иностранных дел Казахстана и Узбекистана в последнее время переориентировались на экономическую дипломатию, стремясь привлечь больше иностранных инвестиций и новых рынков. Казахстан особо выделил расширение экономического сотрудничества с Вьетнамом в области сельскохозяйственной продукции и животноводства, изучение опыта Сингапура и Индонезии в области диверсификации и модернизации экономики, а также использование опыта Малайзии в области халяльных продуктов питания.¹² Президент Узбекистана Мирзиев подчеркнул важность

⁹ Концепция внешней политики Республики Таджикистан, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 № 332, – // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. Режим доступа: <https://www.tajikemb.kg/files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan.pdf>.

¹⁰ Президент Гурбангулы Бердымухамедов: Внешняя политика Туркменистана направлена на создание благоприятных условий для внутреннего развития и продвижения национальных интересов на мировой арене // Министерство иностранных дел Туркменистана, 18 февраля 2017. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/11>; Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Министерство юстиции Кыргызской Республики. Приложение к Указу Президента Кыргызской Республики № 37 от 11 марта 2019 года. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/43004>.

¹¹ Внешняя политика // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан, – Режим доступа: <https://mfa.uz/en/cooperation/>.

¹² Тилеуберди, Мухтар. Экономическая дипломатия Казахстана: на прочной основе и с четкими целями в сознании // *Astana Times*. – 26 ноября 2019; Гилберт, Джон. Казахстан стремится использовать опыт Малайзии // *New Straits Times*. – 10 сентября 2019.

поиска новых экономических партнеров в своем выступлении перед узбекским дипломатическим корпусом в январе 2018 года.¹³ Узбекистан подчеркнул растущую роль Малайзии, Сингапура и Индонезии в качестве экономических партнеров.¹⁴ Первый государственный визит Президента Туркменистана в Сингапур в августе 2019 года также был посвящен расширению экономических связей и привлечению иностранных инвестиций в топливно-энергетический сектор, химическую и текстильную промышленность, транспорт и связь.¹⁵

Передвижение ЕАЭС в сторону Востока

Значение стран Юго-Восточной Азии и АСЕАН в качестве альтернативных экономических партнеров возросло после западных санкций, введенных в отношении России после присоединения Крыма в 2014 году. Санкции серьезно повлияли на экономику России и других членов ЕАЭС, включая Казахстан и Кыргызстан, которые обращались в Азию за альтернативными экономическими возможностями для смягчения последствий санкций.¹⁶ В данном отношении Россия признала важность налаживания отношений ЕС-АСЕАН и стремилась к этому.¹⁷ На саммите ЕАЭС 2016 года в Астане тогдашний президент Казахстана Назарбаев также предложил продолжить сотрудничество с АСЕАН.¹⁸ АСЕАН и ее члены также проявляют растущий интерес к привлекательному рынку ЕАЭС с населением почти 184 миллиона человек и совокупным

¹³ Мирзиев, Шавкат. Эффективная внешняя политика – важнейшее условие успешной реализации курса реформ и преобразований // *Правда Востока*. – 13 января 2018. – Режим доступа: <http://press.natlib.uz/ru/edition/download?id=4558>.

¹⁴ Джураева, Гулрух. К историографии исследования роли АСЕАН в мировой политике (обзор литературы) // *Международные отношения*. – Ташкент. – № 1, 2016. – С. 57-58.

¹⁵ Президент Туркменистана завершает государственный визит в Сингапур // *The Times of Central Asia*, 28 августа 2019. – Режим доступа: <https://www.timesca.com/index.php/news/21539-turkmenistan-president-completes-visit-to-singapore>.

¹⁶ Например, Шагина, Мария. Ведущий Восток: импортозамещение России и ее опора а Азии // *Рабочий отчет CEES*. – № 3. – Апрель, 2020. – Режим доступа: <https://www.cees.uzh.ch/dam/jcr:ab647675-d360-4e05-bf96-1bce74dcb725/CEES%20Working%20Paper%203.pdf>.

¹⁷ Королев, Александр С. и Калачихин, Григорий М. Евразийское измерение: есть ли будущее у формата ЕАЭС-АСЕАН? // *Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики*. – Москва: *Рабочие отчеты*. – 2019. С. 3-4.

¹⁸ Амребаев, Айдар. Евразийский экономический союз и АСЕАН: почему важно взаимодействие // *Комментарий RSIS*. – № 233. – 21 сентября 2016.

ВВП примерно в 1,9 триллиона долларов США.¹⁹ АСЕАН изучает потенциал для заключения соглашения о свободной торговле (ССТ) между АСЕАН и ЕС. В ноябре 2018 года был подписан Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК), исполнительным и регулирующим органом ЕАЭС и Секретариатом АСЕАН. Вьетнам и Сингапур уже подписали Соглашение о свободной торговле с ЕАЭС в 2015 и 2019 годах соответственно. Индонезия, Камбоджа и Таиланд подписали Меморандум о сотрудничестве с ЕЭК с надеждой на заключение ССТ позже. Товарооборот между ЕАЭС и АСЕАН растет, достигнув в 2017 году 35,7 миллиарда долларов США, что на 40 процентов больше, чем в 2016 году, в основном за счет ССТ Вьетнама с ЕАЭС.²⁰

Китайская программа «Один пояс – один путь» (BRI)

Роль Центральной Азии в качестве наземного моста в BRI Китая привлекла внимание стран Юго-Восточной Азии, которые начали изучать способы связи с Центральной Азией в рамках единого экономического коридора.²¹ Казахстан привлек наибольшее внимание благодаря своему центральному расположению и инфраструктурной программе «Нұрлы жол» («Ясный путь»), которая тесно связана с BRI и помогает позиционировать Казахстан как транзитный и торговый мост между Европой и Азией.²² Привлекательность Казахстана также обусловлена его транспортно-логистическим узлом Хоргос на границе с Китаем, который соединен железной дорогой с его логистическим терминалом в китайском порту Ляньюньган, который затем может перевозить товары морским путем в Юго-Восточную Азию. Перевозка грузов между Европой и Юго-Восточной Азией по данному маршруту как минимум в два раза быстрее, чем через Индийский океан, что экономит как

¹⁹ Сайт ЕАЭС / О ЕАЭС. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/?lang=en#about>.

²⁰ Бэй И, Сею. АСЕАН, Евразийская экономическая комиссия подписали соглашение о содействии дальнейшему сотрудничеству // *The Straits Times*. 14 ноября 2018. – Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/singapore/asean-eurasian-economic-commission-sign-agreement-to-promote-further-collaboration>.

²¹ Контесси, Никола П. Центральная Азия в Азии: построение графиков растущих межрегиональных связей // *Журнал евразийских исследований*. – № 7. – 2016 - С. 3.

²² Оразгалиева, Малика. 48-я годовщина АСЕАН, отмечаемая в Астане // *Astana Times*. – 10 августа, 2015.

время, так и деньги.²³ Это является особым преимуществом для транспортировки продуктов питания и других скоропортящихся товаров, которые являются одним из основных экспортных товаров стран Юго-Восточной Азии. В дополнение к данному маршруту с марта 2019 года Вьетнам начал использовать железнодорожный маршрут через Китай и Казахстан для транспортировки своих товаров в Европу. Начиная с Ханоя и заканчивая Дуйсбургом (Германия) путешествие заняло 22 дня.²⁴ Другие страны Юго-Восточной Азии также начали изучать возможность использования маршрута Ляньюньган-Хоргос. Посольство Таиланда в Казахстане в августе 2019 года запустило проект по изучению данной возможности для преодоления логистических и транспортных препятствий, с которыми в настоящее время сталкиваются тайские экспортеры в Центральную Азию.²⁵ Филиппины также заинтересованы в использовании BRI для получения доступа к рынку Центральной Азии и за ее пределами в Европе, особенно для экспорта тропических фруктов.²⁶

Таким образом, страны Юго-Восточной Азии могут извлечь выгоду из более быстрого и потенциально более дешевого маршрута транспортировки своих товаров в Европу, а также получить доступ к рынку Центральной Азии. Страны Центральной Азии, особенно Казахстан, благодаря своей центральной роли, выиграют от увеличения доходов от транзита и привлекут частных поставщиков логистических услуг для создания рынка транспортных услуг, таких как аренда подвижного состава, логистические решения и грузоперевозки. Транзитные операции принесли бы на сегодняшний день наибольший доход на тонну/км для железнодорожной компании «Казахстан Темир Жолы». Кроме того, Казахстан выиграет от более широкого и дешевого доступа на новые экспортные рынки.²⁷

²³ Сулеймен, Усен. Центральная Азия и АСЕАН: конвергенция через «Один пояс – один путь» // *Дипломатический вестник Казахстана*. – № 2. – 2018. – С. 22-25.

²⁴ Запущен железнодорожный маршрут Вьетнам-Китай-Казахстан-Европа // *Казинформ*. – 6 марта 2019. – Режим доступа: https://www.inform.kz/en/vietnam-china-kazakhstan-europe-rail-route-launched_a3505064.

²⁵ Кердпланант, Канокван. Казахстан – путь на европейский рынок // *Крунгтеп Туракип*. – 12 сентября, 2019. – Режим доступа: <https://www.bangkokbiznews.com/news/detail/846977>.

²⁶ Де Кастро, Ренато Крус. Объяснение политики умиротворения администрации Дутерте в отношении Китая: сила страха // *Asian Affairs: Американский обзор*. – 45. – № 3-4. – 2018. С. 169 и 183.

²⁷ Казахстан и Новый Шелковый путь // *PwC Казахстан*. – Сентябрь 2017. – Режим доступа: <https://www.pwc.kz/en/publications/new-2017/silk-way-publication-eng.pdf>. – С. 8-9.

Однако, хотя BRI Китая предоставляет возможности для расширения экономического взаимодействия между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией, он также может создавать препятствия, поскольку все возможные транспортные маршруты проходят через Китай, тем самым подвергая их причудам Китая. Например, тайские экспортеры и казахстанские импортеры, которые использовали маршрут через Хоргос на казахстанско-китайской границе, часто сталкивались с проблемами нарушения в оформлении документов в Китае, что приводило к задержкам в их поставках, а это сказывалось на тайском экспорте, который часто представляет собой скоропортящиеся товары, такие как фрукты и овощи.²⁸ Поэтому страны Центральной Азии и Юго-Восточной Азии заинтересованы в поиске альтернативных маршрутов для соединения своих регионов, таких как предлагаемый маршрут Север-Юг через Индию, который может быть расширен для соединения Центральной Азии с Юго-Восточной Азией в обход Китая. Как заметил один узбекский эксперт, сеть наземных автомобильных и железных дорог из Юго-Восточной Азии в Индию, которую Нью-Дели пытается развивать в качестве альтернативы BRI, может быть расширена через территорию Пакистана и Афганистана и далее в Центральную Азию.²⁹

Обеспокоенность в отношении Китая

Экономическая экспансия Китая, в том числе через BRI, вызывает озабоченность у некоторых стран Центральной Азии, побуждая некоторых рассматривать расширение взаимодействия с Юго-Восточной Азией и АСЕАН в качестве возможного противовеса. Подобные опасения были особенно заметны в Казахстане и Кыргызстане, где было несколько антикитайских протестов: там опасаются притока китайских мигрантов, которые могут лишиться работы и земли, предполагаемого отсутствия прозрачности в китайских деловых отношениях и инвестициях, а также отношения Китая к своим мусульманским меньшинствам в Синьцзяне, в основном уйгурам, но также казахам и кыргызам. Однако восприятие

²⁸ Кердпланант, Казахстан.

²⁹ Якубов, Ильдар. Индия и Центральная Азия: тернистый путь сотрудничества // *Статья КАБАР* – 6 февраля 2020. – Режим доступа: <https://cabar.asia/en/india-and-central-asia-the-thorny-path-of-cooperation/>.

Китай элитой, как правило, более благоприятно, чем у широкой общественности, из-за выгод от китайских инвестиций и бизнеса. Их правительства также с большей неохотой поднимают спорные вопросы, в том числе по Синьцзяну, со своими китайскими коллегам. ³⁰ Это отражает политическую дилемму для правительств Центральной Азии, поскольку они хотели бы поддерживать положительные отношения с Китаем, но также избегать отношения к своим странам как к «вассальным государствам» в глазах своей общественности. ³¹ Более того, BRI Китая еще предстоит изменить взгляды Центральной Азии на Китай в более положительную сторону. ³² Китайские инвестиции также вызвали обеспокоенность в связи с риском того, что государства Центральной Азии окажутся в «долговой яме». Кыргызстан и Таджикистан находятся в наибольшей опасности, поскольку 45 процентов внешних заимствований Бишкека (около 1,7 миллиарда долларов США) приходится на Китай, и 52 процента внешнего долга Душанбе (1,2 миллиарда долларов США) приходится на Китай. ³³ С точки зрения Китая, однако, считается, что сами местные органы власти несут ответственность за суждение о кредитах, поскольку они должны лучше, чем Китай, понимать свою собственную внутреннюю экономику и возможности. ³⁴

По словам одного казахстанского эксперта, опасения в отношении Китая побудили страны ЕАЭС обратить внимание на страны АСЕАН, чтобы сбалансировать растущее экономическое влияние Пекина. Он предложил Центральной Азии и АСЕАН сотрудничать в разработке ССТ в качестве одной из альтернатив китайскому доминированию. ³⁵ Казахские эксперты также отметили, что

³⁰ Ле Корре, Филипп. Казахи опасаются объятий Китая, так как BRI набирает обороты // 28 февраля 2019. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/kazakhstan-of-chinese-embrace-as-bri-gathers-steam-pub-78545>; Умаров. Китай принимает угрожающие размеры в Центральной Азии. См. также интервью автора с казахстанскими экспертами в Алматы 16 сентября 2019 года и Нур-Султане 1 ноября 2019 года.

³¹ Кангас, Роджер. Понимание России и Китая в Центральной Азии // *Оборонное досье AFPC*. – 8 июля 2020. – Режим доступа: <https://www.afpc.org/publications/articles/understanding-russia-and-china-in-central-asia>.

³² Вакульчук, Роман и Оверленд, Индра. Инициатива Китая «Один Пояс – один Путь» через призму Центральной Азии // Фанни М. Чунг и Ин-и Хонг (ред.). *Региональное сотрудничество в рамках инициативы «Один Пояс – Один Путь». Перспективы экономического и финансового сотрудничества*. – Лондон: Рутледж, 2019. – С. 127.

³³ Умаров. Китай принимает угрожающие размеры в Центральной Азии.

³⁴ Яу Цз Ян, Нива. Осмысление инициативы «Один Пояс – один Путь» // *Краткое изложение политики Академии ОБСЕ*. – № 52. – Февраль 2019. – С. 6.

³⁵ Амребаев. Евразийский экономический союз и АСЕАН.

страны Юго-Восточной Азии, хотя и не столь хорошо известны, как правило, имеют более положительный имидж в Центральной Азии и будут более приветствоваться.³⁶ Другой казахстанский эксперт высказал мнение, что Казахстан может извлечь выгоду из «соперничества» между Китаем и странами Юго-Восточной Азии в их соперничестве за рынок Казахстана. В данном отношении «АСЕАН могла бы послужить полезным инструментом» для более активного участия в экономике Казахстана.³⁷ Таким образом, страны Юго-Восточной Азии имеют возможность играть большую экономическую роль в Центральной Азии, чтобы помочь им избежать чрезмерной зависимости от Китая. Например, цель Мирзиеева – создать промышленную базу, ориентированную на экспорт, путем привлечения технологий из азиатских стран³⁸, что открывает перед странами Юго-Восточной Азии возможность помочь Узбекистану в его менее развитых технологических потребностях и развивать свои отрасли в таких областях, как текстиль, сельское хозяйство, халяльные продукты питания и туризм. Кроме того, высокая зависимость Туркменистана от экспорта газа в Китай выявила уязвимость к колебаниям спроса в Китае из-за кризиса пандемии COVID-19.³⁹ Поэтому он попытался диверсифицировать свой экспортный рынок, продвигая проект трубопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ). Президент Туркменистана поднял вопрос о возможности поставок газа ТАПИ на рынок Юго-Восточной Азии во время своей встречи с сингапурскими бизнес-лидерами, хотя не было ясно, как это будет действовать на самом деле.⁴⁰

³⁶ Интервью автора с экспертами в Алматы, 16 сентября 2019, и Нур-Султане, 1 ноября 2019.

³⁷ Уразаева, Фатима Пайзуллаевна. Роль АСЕАН во внешней политике Республики Казахстан: итоги и перспективы сотрудничества // Вестник КазНУ. *Международные отношения и международное право*. – Серия 56. – № 6. – 2011. – С. 77.

³⁸ Дадабаев, Тимур. Китайский экономический поворот в Центральной Азии и его последствия для возрождения Узбекистана после Каримова // *Азиатский опрос*. – 58. № 4. – 2018. – С. 751-752.

³⁹ Хесс, Максимилиан. Опасения форс-мажорных обстоятельств в Центральной Азии: влияние вспышки COVID-19 на потребности Китая в поставках природного газа // Анализ FPRI. – 16 марта, 2020. – Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>.

⁴⁰ Президент Гурбангулы Бердымухамедов встретился с представителями крупного бизнеса Сингапура // *Туркменистан сегодня*. – 27 августа, 2019. – Режим доступа: <http://tdh.gov.tm/news/en/articles.aspx&article19316&cat11>.

Заключение

Существует четыре движущих фактора, способствующих расширению взаимодействия между Центральной Азией и Юго-Восточной Азией. Во-первых, цель государств Центральной Азии – диверсифицировать свои внешние отношения и экономических партнеров, в результате чего страны Юго-Восточной Азии и АСЕАН определены в качестве одного из таковых партнеров. Во-вторых, ЕАЭС продвигается на восток в сторону новых партнеров в Азии, в том числе в Юго-Восточной Азии, после санкций в отношении России. В-третьих, BRI Китая через Центральную Азию привлек интерес стран Юго-Восточной Азии к использованию данного более быстрого и потенциально более дешевого маршрута для транспортировки своих товаров в Европу и Центральную Азию. Государства Центральной Азии также могли бы использовать BRI для экспорта своих товаров на рынок Юго-Восточной Азии. В-четвертых, растущая обеспокоенность Центральной Азии в отношении Китая побудила некоторых рассматривать страны Юго-Восточной Азии в качестве одного из возможных противовесов китайскому влиянию. Таким образом, «вектор Юго-Восточной Азии» может решить проблему, стоящую перед государствами Центральной Азии, связанную с необходимостью диверсификации их иностранных партнеров, чтобы избежать чрезмерной зависимости от одной державы и обеспечить больший баланс в их внешних отношениях, особенно в отношении Китая.

Рекомендации

- Поскольку «вектор Юго-Восточной Азии» может помочь государствам Центральной Азии в решении проблемы, связанной с расширением экономического влияния Китая и необходимостью диверсификации их экономических партнеров, следует поддерживать и активизировать импульс к расширению взаимодействия между Юго-Восточной Азией и Центральной Азией. Это может быть сделано путем институционализации их взаимодействия путем создания механизма диалога C5+1 между пятью государствами Центральной Азии и АСЕАН, который охватывает почти все страны Юго-Восточной Азии. Государства

Центральной Азии уже ведут такой диалог с Японией, США, Южной Кореей и Индией. АСЕАН также имеет аналогичные форматы со своими партнерами по диалогу, поэтому обе стороны хорошо знакомы с таким механизмом.⁴¹ Данный формат также был предложен президентом того времени Назарбаевым, экспертами по Центральной Азии, а также Генеральным секретарем АСЕАН того времени Онг Кенг Енгом.⁴² Все могло бы начаться на уровне старших должностных лиц для работы над повесткой дня и проверки ее осуществимости и, возможно, перехода на уровень министров иностранных дел. В данных рамках также можно было бы создать деловой совет для содействия развитию экономических связей.

- Обе стороны должны усилить свое экономическое взаимодействие за счет расширения связей между двумя компонентами BRI Китая (суша, которая включает Центральную Азию, и море, которое включает Юго-Восточную Азию), а также между BRI и Генеральным планом по связи АСЕАН к 2025 году.⁴³ Они также должны искать альтернативные маршруты связи, во избежание «ставки всего на китайскую карту». Например, следует продолжить изучение предлагаемого Индией транспортного коридора Север-Юг, который потенциально может соединить Центральную Азию с Юго-Восточной Азией, не проходя через Китай.

⁴¹ Фактически, первый формат диалога C5+1, созданный Японией в 2004 году, был смоделирован по образцу формата АСЕАН+3 (Япония, Корея и Китай) и повторно применен в Центральной Азии. См.: Дадабаев Япония в Центральной Азии. – С. 15 и 146.

⁴² Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на открытии министерской встречи 63-й сессии ЭСКАТО. – 21 мая, 2007. – Режим доступа: <https://uchet.kz/news/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-otkrytii-ministerskoy-vstrechi-63-y-s/>; интервью автора с Аскармом Нуршей, Алматы, 17 сентября 2019 г.; Аманжолов Ж. М. и Е. Б. Ахметов. Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности и перспективам его развития в контексте позиции Казахстана по интеграции// *Вестник КазНУ. Международные отношения и международное право.* – Серия 70. – № 2. – 2015. – С. 8; Уразаева, Роль АСЕАН в обеспечении безопасности. – С. 76.

⁴³ Совместное заявление АСЕАН и Китая о синергизме Генерального плана по связи с АСЕАН (МРАС) 2025 года и инициативы «Один пояс – один путь» (BRI)», принятое в Бангкоке 3 ноября, 2019. – Режим доступа: <https://asean.org/asean-china-joint-statement-synergising-master-plan-asean-connectivity-mpac-2025-belt-road-initiative-bri/>.

Источники

Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы // Администрация Президента Республики Казахстан, – Режим доступа: http://www.akorda.kz/en/legal_acts/decrees/on-the-concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-kazakhstan-for-2020-2030.

Ахмет, Рахат Т., Чу Чи Кианг и Чанг Пэн Ки. Формирование дипломатических отношений между Казахстаном и Малайзией // *Журнал социальных и гуманитарных наук*. – № 2. – 2015 – С. 162-177.

Аманжолов Ж. М. и Е. Б. Ахметов. Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности и перспективам его развития в контексте позиции Казахстана по интеграции // *Вестник КазНУ. Международные отношения и международное право*. – Серия 70. – № 2. – 2015. – С. 5-11.

Амребаев, Айдар. Евразийский экономический союз и АСЕАН: почему важно взаимодействие // *Комментарий RSIS*. – № 233. – 21 сентября 2016.

Совместное заявление АСЕАН и Китая о синергизме Генерального плана по связи с АСЕАН (MPAC) 2025 года и инициативы «Один пояс – один путь» (BRI), принятое в Бангкоке 3 ноября, 2019. – Режим доступа: <https://asean.org/asean-china-joint-statement-synergising-master-plan-asean-connectivity-mpac-2025-belt-road-initiative-bri/>.

АСЕАН: Отдельные основные показатели (по состоянию на июнь 2019 года) // Портал статистических данных АСЕАН. Секретариат АСЕАН. – Режим доступа: <https://data.aseanstats.org> Торговля АСЕАН с пятью государствами Центральной Азии». Секретариат АСЕАН. – Режим доступа: <https://data.aseanstats.org/>.

Контесси, Никола П. Центральная Азия в Азии: построение графиков растущих межрегиональных связей // *Журнал евразийских исследований*. – № 7. – 2016. – С. 3-13.

Кули, Александр. *Великие игры, местные правила: конкурс «Новая великая держава» в Центральной Азии* // Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2012.

Дадабаев, Тимур. Китайский экономический поворот в Центральной Азии и его последствия для возрождения Узбекистана после Каримова // *Азиатский опрос*. – 58. – № 4. – 2018. С. 747-769.
Япония в Центральной Азии: стратегии, инициативы и соседние державы. – Бейсингсток: Пэлгрейв Макмиллан, 2016.

де Кастро, Ренато Крус. Объяснение политики умиротворения администрации Дутерте в отношении Китая: сила страха // *Asian Affairs: Американский обзор*. – 45. – № 3-4. – 2018. – С. 165-191.

Гулрух Джураева. К историографии исследования роли АСЕАН в мировой политике (обзор литературы) // *Международные отношения*. – Ташкент. – № 1. – 2016. – С. 55-600 ЕАЭС. – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/?lang=en#about>.

Фумагалли, Маттео. Растущие межазиатские отношения: связи, соперничество и вызовы в отношениях между Южной Кореей и Центральной Азией // *Журнал евразийских исследований*. – № 7. – 2016. – С. 39-48

Гилберт, Джон. Казахстан стремится использовать опыт Малайзии // *New Straits Times*. – 10 сентября 2019.

Хесс, Максимилиан. Опасения форс-мажорных обстоятельств в Центральной Азии: влияние вспышки COVID-19 на потребности Китая в поставках природного газа // Анализ FPRI, 16 марта 2020. – Режим доступа: <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>.

Кангас, Роджер. Понимание России и Китая в Центральной Азии // *Оборонное досье AFPC*. – 8 июля 2020. – Режим доступа: <https://www.afpc.org/publications/articles/understanding-russia-and-china-in-central-asia>.

Кавальски, Эмилиан. *Индия и Центральная Азия: Мифотворчество и международные отношения растущей державы*. – Лондон: И. Б. Таврис. – 2010.

Казахстан и Новый Шелковый путь // *PwC Казахстан*. – Сентябрь 2017. – Режим доступа: <https://www.pwc.kz/en/publications/new-2017/silk-way-publication-eng.pdf>.

Кердпланант, Канокван. Казахстан – путь на европейский рынок // *Крунгтеп Тураким*. – 12 сентября, 2019. – Режим доступа: <https://www.bangkokbiznews.com/news/detail/846977>.

Королев, Александр С. и Григорий М. Калачихин. Евразийское измерение: есть ли будущее у формата ЕАЭС-АСЕАН? // *Национальный исследовательский университет. Высшая школа экономики*. – Москва, *Рабочие отчеты*. – 2019.

Ле Корре, Филипп. Казахи опасаются объятий Китая, так как BRI набирает обороты // 28 февраля 2019. – Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/02/28/kazakhs-wary-of-chinese-embrace-as-bri-gathers-steam-pub-78545>.

Месбахи, Мохиаддин. Иран и Центральная Азия: парадигма и политика // *Опрос Центральной Азии*. – 23. – № 2. – 2004. – С. 109-139.

Концепция внешней политики Республики Таджикистан, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 № 332. // Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. – Режим доступа: <https://www.tajikemb.kg/files/2016/concept-of-the-foreign-policy-of-the-republic-of-tajikistan.pdf>.

Внешняя политика // Министерство иностранных дел Республики Узбекистан. Режим доступа: <https://mfa.uz/en/cooperation/>.

Президент Гурбангулы Бердымухамедов: Внешняя политика Туркменистана направлена на создание благоприятных условий для внутреннего развития и продвижения национальных интересов на мировой арене // Министерство иностранных дел Туркменистана. – 18 февраля 2017. – Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tm/en/articles/118>.

Концепция внешней политики Кыргызской Республики. Приложение к Указу Президента Кыргызской Республики № 37 от 11 марта 2019 // Министерство юстиции Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045>.

Шавкат Мирзиеев. Эффективная внешняя политика – важнейшее условие успешной реализации курса реформ и преобразований // *Правда Востока*. – 13 января 2018. – Режим доступа: <http://press.natlib.uz/ru/edition/download?id=4558>.

Малика Оразгалиева. 48-я годовщина АСЕАН, отмечаемая в Астане // *Astana Times*. – 10 августа, 2015.

Президент Гурбангулы Бердымухамедов встретился с представителями крупного бизнеса Сингапура // *Туркменистан сегодня*. – 27 августа, 2019. – Режим доступа: <http://tdh.gov.tm/news/en/articles.aspx&article19316&cat11>.

Рангсимапорн, Парадорн. Казахстан и АСЕАН: неисследованный вектор во внешней политике Казахстана // *Asian Affairs*. – 51. – № 1. – 2020. С. – 126-145.

Отношения между Казахстаном и Таиландом: прошлые связи и перспективы на будущее // *Журнал государственного управления и государственной службы*. – Нур-Султан. – 72. – № 1. – 2020. – С. 32-37.

Шагина, Мария. Ведущий Восток: импортозамещение России и ее опора в Азии // *Рабочий отчет CEES* № 3, апрель 2020. – Режим доступа: <https://www.cees.uzh.ch/dam/jcr:ab647675-d360-4e05-bf96-1bce74dcb725/CEES%20Working%20Paper%203.pdf>.

Старк, Ян. 'Снежный барс' встречается с 'Азиатским тигром': формирование отношений Малайзии с Центральной Азией // *Круглый стол* 95. – № 385. – 2006. – С. 455-471.

Сулеймен, Усен. Центральная Азия и АСЕАН: конвергенция через «Один пояс – один путь» // *Дипломатический вестник Казахстана*. – № 2. – 2018. – С. 21-26.

Тилеуберди, Мухтар. Экономическая дипломатия Казахстана: на прочной основе и с четкими целями в сознании // *Astana Times*. – 26 ноября, 2019.

Президент Туркменистана завершает государственный визит в Сингапур // *The Times of Central Asia*. – 28 августа 2019. – Режим доступа: <https://www.timesca.com/index.php/news/21539-turkmenistan-president-completes-state-visit-to-singapore>.

Умаров, Темур. Китай принимает угрожающие размеры в Центральной Азии. – 30 марта 2020. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81402>.

Уразаева, Фатима Пайзуллаевна. Роль АСЕАН во внешней политике Республики Казахстан: итоги и перспективы сотрудничества // *Вестник КазНУ. Международные отношения и международное право*. – Серия 56 – № 6. – 2011. С. 74-79.

Вакульчук, Роман и Индра Оверленд. Инициатива Китая «Один Пояс – один Путь» через призму Центральной Азии / Фанни М. Чунг и Ин-и Хонг (ред.). *Региональное сотрудничество в рамках инициативы «Один Пояс – один Путь». Перспективы экономического и финансового сотрудничества*. – Лондон: Рутледж, 2019. – С. 115-133.

Запущен железнодорожный маршрут Вьетнам-Китай-Казахстан-Европа // *Казинформ*. – 6 марта 2019. – Режим доступа: https://www.inform.kz/en/vietnam-china-kazakhstan-europe-rail-route-launched_a3505064.

Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на открытии министерской встречи 63-й сессии ЭСКАТО. – 21 мая, 2007. – Режим доступа: <https://uchet.kz/news/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-otkrytii-ministerskoy-vstrechi-63-y-s>/Данные Всемирного банка по пяти странам Центральной Азии (2018) // Всемирный банк. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=KZ-KG-UZ-TJ-TM>.

Якубов, Ильдар. Индия и Центральная Азия: тернистый путь сотрудничества // *Статья КАБАР*. – 6 февраля 2020. – Режим доступа: <https://cabar.asia/en/india-and-central-asia-the-thorny-path-of-cooperation/>.

Ян, Нива Яу Цз. Осмысление инициативы «Один Пояс – один Путь». // *Аналитическая статья, Академия ОБСЕ*. – № 52 (февраль 2019). – С. 1-8.

И, Сею Бэй. АСЕАН, Евразийская экономическая комиссия подписали соглашение о содействии дальнейшему сотрудничеству // *The Straits Times*. 14 ноября 2018. – Режим доступа: <https://www.straitstimes.com/singapore/asean-eurasian-economic-commission-sign-agreement-to-promote-further-collaboration>.

В одиночку или вместе? Отношения ОБСЕ-ЕС в Центральной Азии

Себастьян Майер

Аннотация

В данной аналитической статье рассматриваются действия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Европейского союза (ЕС) в Центральной Азии и дается оценка их организационных отношений. У этих двух организаций есть общие политические цели, в значительной степени совпадающие по членству и пересекающиеся задачи в этом регионе, включая управление границами, верховенство закона и расширение прав и возможностей гражданского общества. Обе организации сталкиваются с растущим несоблюдением требований со стороны большинства принимающих государств, которые становятся более самоуверенными, особенно в сферах продвижения демократии и прав человека. Кроме того, конкурирующие провайдеры авторитарного управления – прежде всего Китай и Россия – не заявляют о либеральных демократических стандартах, создавая дополнительный барьер для реформ. Отмечены существенные различия этих двух организаций в институциональной структуре. Был сделан вывод о том, что ЕС намного сильнее и сплоченнее, чем ОБСЕ. Хотя верно то, что первые посягали на сферу деятельности ОБСЕ в регионе, в конечном итоге приводя к функциональному дублированию и конкуренции, они также часто приходили на помощь в том, с чем ОБСЕ было трудно справиться в одиночку, учитывая ее слабости.

Введение

В Центральной Азии различные международные институты (организации, конвенции, режимы) помогают выработать общие действия против таких проблем, как терроризм, незаконное пересечение границы, межгрупповая напряженность, нарушения

прав человека и нехватка воды. Примеры включают Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Межгосударственную координационную водную комиссию (МКВК). Несмотря на многочисленные заявления о намерениях с высокими целями, объявленные с большим пафосом, чтобы взволновать доноров и местную общественность, выполнение совместных соглашений часто остается неудовлетворительным. Рой Эллисон назвал такие инициативы безрезультатными или «псевдорегионализмом»¹ с небольшими результатами.

Помимо обычного подозреваемого «отсутствия политической воли», это неудовлетворительное состояние дел также зависит от институциональной структуры. Сильные институты, такие как надежные организации, оснащенные значительными ресурсами (деньгами, персоналом, опытом...) и бюрократической свободой, могут частично реализовывать себя сами или обеспечивать значительные стимулы для принимающих государств к выполнению требований. В меньшей степени это относится к организациям, располагающим меньшими ресурсами, – не говоря уже о конвенциях или режимах, не проявляющих свободы воли. Поскольку практически все организации в Центральной Азии сотрудничают друг с другом, возникает вопрос: о характере их отношений с точки зрения дублирования, разделения труда, конкуренции или взаимной поддержки.

В этой аналитической статье рассматриваются региональные обязательства Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Европейского союза (ЕС). Эта диада имеет решающее значение, учитывая их пересекающиеся задачи в Центральной Азии, общность политических целей и в значительной степени частично совпадающее членство. Фактически все члены ЕС являются государствами-участниками ОБСЕ. Чем занимаются эти организации и как они взаимодействуют, – эти вопросы набирают обороты после того, как вторая Стратегия ЕС по Центральной Азии от июня 2019 года призвала к более тесному сотрудничеству с ОБСЕ, «в том числе на местном уровне»². Это происходит в то

¹ Эллисон, Рой. Блокада и стимулы: авторитаризм и региональное сотрудничество // Специальный выпуск Power Mosaic Central Asia: Traditions, Restrictions, Aspirations., Восточная Европа 57. – № 8-9. – 2007 – С. 263.

² Европейская комиссия, совместное сообщение в Европейский парламент и Совет. ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более прочного партнерства, 2019.

время, когда обе организации сталкиваются с плохим соблюдением стандартов в Центральной Азии, в особенности стандартов демократии и прав человека, заметным исключением является рост приверженности им в Узбекистане с 2016 года. В настоящем документе описываются ключевые функции каждой организации в Центральной Азии, исследуются их взаимоотношения и делается ряд выводов для политики.

ОБСЕ и ЕС в Центральной Азии

Пал Дунай назвал Центральную Азию «лучшим клиентом» ОБСЕ.³ После гражданской войны в Таджикистане 1992–97 годов организация занималась постконфликтной реабилитацией и способствовала возвращению беженцев.⁴ В июне 2010 года после этнического насилия на юге Кыргызстана она инициировала трёхсторонний процесс для облегчения межэтнического диалога.⁵ Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств (ВКНМ) несколько раз посещал регион. Полицейские проекты стремятся к большему доверию и межобщинной терпимости. Многие программы ОБСЕ в регионе направлены на наращивание потенциала и, следовательно, основаны на долгосрочном подходе. Также были реализованы мониторинг выборов и проекты по усилению СМИ. ОБСЕ взаимодействует с государственными агентствами, а также с организациями гражданского общества. Были разработаны меры, связанные с приграничным контролем,⁶ и стратегии борьбы с терроризмом, иностранными боевиками-террористами и торговлей людьми.⁷

³ Дунай, Пал. ОБСЕ в Центральной Азии // Обзор Центральной Азии 36. Вып. 3. - 2017. - С. 300-312.

⁴ Хамрохон, Зарифи. Таджикистан и система региональной безопасности ОБСЕ. - Душанбе: Ирфон. - 2013. С. 213.

⁵ Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, посредничество и содействие диалогу в ОБСЕ / Справочное руководство. - 2014. Режим доступа: <http://www.osce.org/secretariat/126646>, 20.

⁶ Роман Макуха, Пенни Сатчес Брохс и Джонатан Трамбл. Границы и пограничные районы: работа по линиям, разделяющим нас в Центральной Азии в IFSH (ред.). // Ежегодник ОБСЕ. - 2013. - Баден-Баден: Номос, 2014 - С. 85.

⁷ Для всестороннего обзора ОБСЕ в Центральной Азии см.: Шлегель, Стив. *Международные организации и предотвращение краха государства: дилемма операций ОБСЕ в Кыргызстане и Таджикистане, 1998-2017 гг.* - Баден-Баден: Номос, 2019; и Дунай, Пал. *ОБСЕ: Обзор Центральной Азии.*

Первоначально ЕС оказывал помощь в области энергетики, ядерной безопасности, транспорта и производства продуктов питания.⁸ Со временем были введены дополнительные схемы, такие как Европейский инструмент за демократию и права человека (ЕИДПЧ).⁹ Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) государств Центральной Азии с ЕС охватывают такие области, как торговля, инвестиции и экономическое сотрудничество, но также включают институциональные политические диалоги.¹⁰ В 2002 году в Стратегическом документе Комиссии упоминается «распространение афганской войны»,¹¹ что усугубило интересы безопасности ЕС в регионе.¹² Как следствие, была учреждена Программа ЕС по управлению границами для Центральной Азии (БОМКА).¹³ В июне 2019 года Совет принял вторую стратегию ЕС по Центральной Азии (первая – с 2007 года). Региональное сотрудничество между государствами Центральной Азии должно быть усилено, при этом ЕС должен быть «естественным сторонником их усилий по региональному сотрудничеству».¹⁴

Развивающиеся функции обеих организаций в регионе стали пересекаться, в частности, в областях предотвращения конфликтов, управления границами, верховенства закона, свободы СМИ, расширения прав и возможностей гражданского общества и прав человека в целом. С начала 1990-х годов ОБСЕ приобрела значительный опыт в области безопасности в Центральной Азии через свои полевые миссии, в то время как ЕС поздно пришел в этом отношении – хотя и с полными карманами: со временем он стал крупнейшим донором в регионе. Чтобы использовать свой расширяющийся мандат, Брюссель приложил усилия, чтобы впитать

⁸ Харангозо, Даниэль. Новые партнеры, старые дилеммы: ЕС и Центральная Азия // Региональные и двусторонние отношения Европейского Союза, 139; см. также: Европейская комиссия. Годовой отчет ТАСИС за 1994 г. - Издание 1995 г. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/10591971.pdf>.

⁹ Боссайт, Фабьен. Помощь ЕС и Китая развитию Центральной Азии: низкое или оспариваемое воздействие // Журнал «Евразийская география и экономика» 59. Вып. 5-6. - 2019. - С. 5.

¹⁰ С Туркменистаном СПС подписано, но еще не вступило в силу.

¹¹ Цитата из Джулиана Плоттки: «Один размер не подходит: существует ли региональный подход к Центральной Азии?» // *L'Europe en Formation* 1. - Вып. 375. - 2015. - С. 128.

¹² Боссайт. Развитие ЕС и Китая. - С. 6. См. также: Эпкенханс, сноски 31, 212.

¹³ Харангозо. Новые партнеры. - С. 140.

¹⁴ Для всестороннего обзора ЕС в Центральной Азии см.: Спайзер, Ольга Алинда. Влияние Европейского Союза в Центральной Азии: геополитические вызовы и ответы. - Lanham et al: Lexington. - 2018.

необходимый, но не существующий опыт, особенно от ОБСЕ, с профилем задач, аналогичным тому, что предполагал ЕС.¹⁵ Функциональное дублирование со временем привело к жалобам в Вене на посягательство ЕС на сферу деятельности ОБСЕ.¹⁶

Несмотря на общность целей, дублирование функций и членство, эти две организации заметно различаются с точки зрения институциональной структуры. В то время как ЕС с его безопасностью и стабилизацией действует за пределами территории государства-члена, ОБСЕ воплощает в себе систему совместной безопасности, направленную на решение внутренних проблем безопасности. Таким образом, последним труднее принимать решения, поскольку они влияют на сами государства-участники. Это еще больше усугубляется императивом строгого консенсуса: решения ОБСЕ об открытии миссии и продлении ее мандата (через короткие промежутки времени) должны быть одобрены всеми 57 государствами-участниками, включая принимающее государство, в Постоянном совете.¹⁷ Кроме того, доступные финансовые ресурсы сильно различаются. Многолетние индикативные программы ЕС для Центральной Азии на текущий период 2014–2020 гг. (включая региональный компонент и двустороннюю помощь) обеспечивают около 143 млн. евро в год.¹⁸ Эта сумма больше не будет увеличена в рамках следующих многолетних ориентировочных программ, начиная с 2021 года. В отличие от этого, ОБСЕ израсходовала всего 20 млн. евро в год из своего сводного бюджета для Центральной Азии в период с 2014 по 2019 год.¹⁹ Единый бюджет обычно сокращается в реальном выражении, учитывая политику нулевого номинального роста, введенную несколькими государствами-участниками, желающими держать государственную службу ОБСЕ на коротком поводке. В целом, сотрудники ЕС по внешним связям со значительными административными ресурсами и кучей денег

-
- ¹⁵ Хам, Питер ван. Отношения ЕС–ОБСЕ: партнеры или соперники в сфере безопасности? // Европейский союз и международные организации (под ред. Кнуд Эрик Йоргенсен). - Абингдон: Рутледж. - 2009. - С. 140.
- ¹⁶ Элисон Дж. К. Бейлс, Жан-Ив Хейн и Эдзислав Лачовски. Размышления об отношениях между ОБСЕ и ЕС, в: IFSH (ред.) // Ежегодник ОБСЕ, 2007. - Баден-Баден: Номос. - 2008. С. 67–68.
- ¹⁷ Используя свое вето против продления мандатов полевых миссий, в 2009 году Россия вынудила ОБСЕ закрыть свою миссию по наблюдению за границей в Грузии, а в 2016 году правительство Азербайджана выступило за закрытие офиса ОБСЕ в Баку.
- ¹⁸ Харангозо Даниэль. Новые партнеры, старые дилеммы: ЕС и Центральная Азия // Региональные и двусторонние отношения Европейского Союза. - С. 141–142.
- ¹⁹ Годовые отчеты ОБСЕ за 2014 г. – С. 104 и 2019 г. – С. 97.

резко контрастируют с администрацией ОБСЕ, которую следует считать одной из самых слабых международных бюрократических систем в мире.²⁰

Взаимодействие ОБСЕ и ЕС и сопротивление принимающей страны

Со временем сотрудничество между ОБСЕ и ЕС расширилось, в том числе в Центральной Азии. С начала 1990-х сотрудники обеих организаций установили контакты на местах. В 1999 году ОБСЕ приняла «Платформу безопасности, основанной на сотрудничестве», а в 2002 году – Ежегодную конференцию по пересмотру вопросов безопасности (ЕКОБ) для развития отношений и проведения консультаций с другими организациями. В начале 2000-х годов ЕС выпустил несколько документов, призывающих к более тесному сотрудничеству с ОБСЕ, особенно в предотвращении конфликтов, где его знаний все еще было недостаточно.²¹ В 2006 году участие ЕС в ОБСЕ было официально оформлено.²² Делегация ЕС при международных организациях в Вене обычно координирует позицию всех членов ЕС в ОБСЕ. ЕС участвует во всех судебных разбирательствах, если они не выходят за его рамки. При достижении консенсуса среди членов ЕС делегация может даже выступать от имени всех. ЕС в целом имеет значительную свободу действий для координации своей политики в рамках ОБСЕ.²³ В декабре 2018 года была проведена первая ежегодная встреча высокого уровня ОБСЕ и ЕС, призванная улучшить институциональное взаимодействие и сотрудничество. С финансовой точки зрения, в 2015 году страны-члены ЕС внесли более двух третей сводного бюджета

²⁰ Книл Кристоф, Штеффен Экхард и Стефан Грохс. Административные стили в Европейской комиссии и Секретариате ОБСЕ: поразительные сходства, несмотря на разные организационные установки // Журнал европейской общественной политики 23. – Вып. 7. – 2016. – С. 2, 6.

²¹ Примерами являются «Программа ЕС по предотвращению насильственных конфликтов» от июня 2001 г. и заключения Совета о «Сотрудничестве ЕС-ОБСЕ в предотвращении конфликтов, урегулировании кризисов и постконфликтном восстановлении» от 2003 г.

²² В рамках «Правил процедуры», принятых в ноябре 2006 г. министрами ОБСЕ. См.: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Правила процедуры организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Совет министров. – 2006. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/rules_of_procedure_en.pdf.

²³ Нильс ван Виллиген и Иоахим Купс. Отношения ЕС с НАТО и ОБСЕ // *The SAGE*. Руководство по европейской внешней политике, под ред.: Кнуд Эрик Йоргенсен, Осне Калланд Арстад, Эдит Дрискенс, Кэти Верлин Лаатикайнен и Бен Тонра. – Лондон: Sage. – 2015. С. 742.

ОБСЕ.²⁴ Комиссия ЕС также стала крупным поставщиком внебюджетного финансирования для работы ОБСЕ на местах.

В принимающих странах главы полевых миссий ОБСЕ координируют свои действия с Делегациями ЕС. ОБСЕ также заключает меморандумы о взаимопонимании и соглашения о совместном несении расходов, чтобы определить масштабы двустороннего сотрудничества и связанные с этим обязательства.²⁵ В середине 2004 года обе организации начали ряд совместных программ в Центральной Азии с упором на права человека.²⁶ Члены ЕС особенно активно финансировали деятельность Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ).²⁷ В настоящее время они также сотрудничают в рамках проекта, направленного на обеспечение безопасности южного пограничного региона Таджикистана с Афганистаном.²⁸ Помимо сотрудничества, ЕС участвует в финансировании ряда внебюджетных проектов, реализуемых ОБСЕ. Например, Брюссель поддерживает БДИПЧ в развитии национальных избирательных и правозащитных институтов.

Как органы управления в Центральной Азии, обе организации сталкиваются с серьезными трудностями – прежде всего ОБСЕ. Что касается борьбы с коррупцией, то правительства в основном действуют только на словах, а не проводят существенные реформы.²⁹ Таджикистан и Кыргызстан, как правило, прилагают большие усилия для создания фасадов, чтобы привлечь ресурсы доноров.³⁰ В частности, в последние годы более стабильные и уверенные в себе принимающие государства оказывали все большее давление на полевые миссии ОБСЕ, направленные на ограничение ее мандатов

²⁴ Лоуренс Буассон де Шазурн и Анджей Гадковски. Внешние связи ОБСЕ // Правовые рамки ОБСЕ, под ред. Матейя Штайнбрюк Платис, Кэролайн Мозер и Энн Петерс. - Кембридж: Cambridge University Press. - 2019. - С. 207.

²⁵ Там же. С. 202-207.

²⁶ Ван Хэм, Питер. ЕС-ОБСЕ. С. 144.

²⁷ Ван Хэм, Питер. ЕС, НАТО, ОБСЕ: взаимодействие, сотрудничество и конфронтация // Европейская безопасность в переходный период, под ред. Гюнтер Хаузер и Фрэнк Керник. - Aldershot: Ashgate. - 2006. - С. 29.

²⁸ Ежегодная конференция ОБСЕ по обзору безопасности, Рабочее заседание IV. Заявление ЕС: Сделать разницу на местах: роль ОБСЕ в раннем предупреждении, предотвращении конфликтов, управлении кризисами, разрешении конфликтов и постконфликтном восстановлении. Режим доступа: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/asrc_working_session_iv_eu_statement_on_making_a_difference_on_the_ground.pdf, 3.

²⁹ Интервью с сотрудниками ОБСЕ в Центральной Азии. Июль 2020 г.

³⁰ Переписка с Палом Дунаем. - Июль 2020 г.

в области прав человека, демократизации и расширения прав и возможностей гражданского общества.³¹ В области реформы сектора безопасности, учитывая ее недостаточное финансирование и сильное сопротивление принимающих государств, усилия ОБСЕ рассматриваются как «довольно слабые».³²

В 2000-х годах было всеобщее недовольство предполагаемой предвзятостью ОБСЕ в отношении этих сфер деятельности.³³ К середине десятилетия министерства иностранных дел Центральной Азии потребовали контролировать все контакты Центра ОБСЕ с политическими деятелями и обуславливать значительную часть деятельности ОБСЕ их согласием. Как следствие, в июле 2006 года Центр ОБСЕ в Ташкенте был преобразован в офис по координации проектов с ограниченными полномочиями по продвижению реформ.³⁴ Правительство Таджикистана также ограничило сферу деятельности организации на местах. Казахстан также настаивал на изменении мандата своей миссии ОБСЕ. В результате с 2015 года последние больше не могут участвовать в мониторинге судебных процессов.³⁵ Совсем недавно, в сентябре 2016 года, правительство Кыргызстана потребовало перевести Центр ОБСЕ в Бишкеке в программный офис с меньшими полномочиями, что вступило в

³¹ Каролина Ключевска и Шаирбек Джураев. ЕС и Центральная Азия: нюансы «"поддерживаемого" партнерства» в управлении угрозами безопасности на восточных флангах ЕС // Новые вызовы безопасности, под ред. Рик Фаун. - Чам: Palgrave Macmillan. - 2020. - С. 226.

³² Джос Бунстра, Эрика Марат и Вера Аксёнова. Реформа сектора безопасности в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане: какова роль Европы? // Рабочий документ EUCAM 14. - EUCAM, 2013. - С. 15.

³³ Критика была особенно выражена в отношении Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) в Варшаве, которое отвечает за продвижение демократии, в том числе за мониторинг выборов, и имеет сравнительно большую бюрократическую свободу действий по отношению к государствам-участникам.

³⁴ Эпкенханс, Тим. Дилемма ОБСЕ в Центральной Азии, в IFSH (ред.) // Ежегодник ОБСЕ 2006. - Баден-Баден: Номос. - 2007. - С. 220; Толипов, Фарход. ОБСЕ в Центральной Азии: жертва геополитики или пропагандист демократии? Взгляд из Узбекистана // Аналитические статьи по Центральной Азии. Академия ОБСЕ в Бишкеке. Режим доступа: http://osce-academy.net/upload/file/Policy_Brief_26.pdf, - С. 8-9.

³⁵ Интервью с сотрудниками ОБСЕ в Центральной Азии. - Июль 2020 года. Наблюдение за судебными процессами - это усиленный в Копенгагенском документе СБСЕ 1990 года механизм, согласно которому институт может наблюдать и собирать информацию о судебных слушаниях и процедурах для оценки их соответствия стандартам справедливого судебного разбирательства.

силу в январе 2017 года.³⁶ Хотя у ЕС больше рычагов влияния, он также потерял поддержку в последние годы.³⁷ Соппротивление принимающего государства подогревается конкурирующими поставщиками государственного управления, в частности Россией и Китаем, которые оказывают существенную поддержку, игнорируя при этом либерально-демократические обязательства.³⁸ Примечательным исключением является Узбекистан с 2016 года. С приходом к власти нового президента Шавката Мирзиёева Ташкент стал значительно более приверженным делу реализации приоритетов и принципов ОБСЕ.³⁹

В целом недостаточное соблюдение требований ставит вопрос о том, как две организации должны формировать свои мандаты и взаимодействовать друг с другом для улучшения результатов реформ. Учитывая свою структурную слабость, ОБСЕ в значительной степени не удалось вовлечь лидеров Центральной Азии в критический диалог.⁴⁰ Варкоч сетует на «неэффективность ОБСЕ в предоставлении материальных и политических стимулов».⁴¹ В то время как ЕС также изображался как слабый сторонник норм в регионе,⁴² по сравнению с ОБСЕ он действительно обладает большей свободой действий, учитывая меньшие ограничения для принятия решений, большие ресурсы и ряд значительных стимулов. Действительно, Центральная Азия подпадает под категорию «трансформации за пределами расширения», то есть в ней отсутствует перспектива членства в качестве пряника для соблюдения норм.

³⁶ Баялиева-Джайлобаева, Канькей. Что делать с понижением статуса ОБСЕ в Кыргызстане // Новая Восточная Европа. - 30 ноября 2016 г. Режим доступа: <https://neweasterneurope.eu/2016/11/30/what-to-make-of-osce-s-status-downgrade-in-kyrgyzstan/>.

³⁷ Ключевская и Джураев. ЕС и Центральная Азия. С. 233.

³⁸ Там же. – С. 233.

³⁹ Переписка с Палом Дунаем. - Июль 2020 г.

⁴⁰ Школьников Владимир. Не хватает общей картины? Ретроспектива стратегического мышления ОБСЕ по Центральной Азии. // Helsinki Monitor 20. № 4. - 2009.

⁴¹ Варкоч, Александр. ОБСЕ как агент социализации? Международная норма «динамика и политические изменения в Центральной Азии» // Евразийские исследования 59. - Вып. 5. - 2007.

⁴² Например: Игорь Савченко, Андрей Осаволюк, Катерина Савченко. Продвижение прав человека ЕС в Центральной Азии: между драконом и медведем // Центр европейских исследований им. Вилфрида Мартенса. Режим доступа: https://martenscentre.eu/sites/default/files/publication-files/ces_policy_brief_-_between_the_dragon_and_the_bear_web-final2.pdf; Александр Варкоч и Ричард Янгс. Пределы поддержки демократии ЕС: Центральная Азия и Совет сотрудничества стран Персидского залива // Расширенное соседство Европейского Союза: проблемы и возможности для сотрудничества, выходящие за рамки Европейской политики соседства, ред. Зиглинде Гстель и Эрван Ланнон. - Лондон: Routledge. - 2011 - С. 192–195.

Тем не менее, потенциальные стимулы еще предстоит использовать, например, ослабление визовых ограничений для отдельных стран. Кроме того, будучи крупнейшим торговым партнером региона, ЕС – в отличие от ОБСЕ – имеет значительное влияние, ограничивая существующий торговый доступ Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана на рынок ЕС.⁴³ А с Казахстаном в марте 2020 года вступило в силу Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве (ЕРСА), которое включает такие темы, как сотрудничество в области прав человека, демократизация, верховенство закона и усиление роли гражданского общества. То, что Казахстан является крупнейшим инвестором и кредитором, дает ЕС также рычаги воздействия. Хотя ежегодные диалоги по правам человека и безопасности, начатые в 2012 году между ЕС и правительствами всех стран Центральной Азии, возможно, действительно дали лучшие результаты,⁴⁴ они могут быть усилены при условии, что имеющиеся у ЕС пряники станут более строгими в зависимости от прогресса в этих диалогах и в других местах. Тем не менее, пример Туркменистана, который меньше всего получает помощь от ЕС в Центральной Азии, но все еще наиболее устойчив к реформам, показывает, что условия трудно применять эффективно, особенно когда принимающая сторона наделена богатыми природными ресурсами или если внешние авторитарные субъекты обладают достаточными ресурсами. В дело вмешиваются такие ресурсы, как Китай. В качестве положительного момента Узбекистан демонстрирует, что новые поколения лидеров могут вызвать значительные внутренние изменения и сделать принимающие государства более отзывчивыми к донорским схемам реформ.

Заключение

Отношения между ОБСЕ и ЕС в Центральной Азии крайне неравноправны в пользу последнего, который намного прочнее и более сплоченный, чем первый. ЕС посягнул на сферу деятельности ОБСЕ в регионе, что в конечном итоге привело к чрезмерному

⁴³ Через обобщенную схему предпочтений.

⁴⁴ Джос Бунстра и Тина Церцвадзе. Осуществление и обзор Стратегии “Европейский Союз–Центральная Азия”: Рекомендации для действий ЕС // Европейский Парламент. Департамент политики. Генеральный директорат по внешней политике. Режим доступа: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA\(2016\)535019_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/535019/EXPO_IDA(2016)535019_EN.pdf), 4-6.

функциональному дублированию. Однако отношения нельзя строить только на основе конкуренции и институционального разрастания. Учитывая критическое недофинансирование и нехватку персонала ОБСЕ, ЕС и отдельные члены – представляющие половину государств-участников – часто приходили на помощь путем дублирования, субподряда и внебюджетного финансирования, к чему пять принимающих стран и другие государства-участники относятся скептически, что, в частности, касается демократизации и прав человека. Неслучайно ЕС подтверждает это в своей Стратегии по Центральной Азии на 2019 год, призывая к сотрудничеству для продвижения «принципов и обязательств ОБСЕ» и «поддержки ее полевых миссий».

Однако, учитывая вышеупомянутые сильные стороны ЕС, было бы ошибкой делать вывод о том, что ОБСЕ избыточна. Её структура в качестве системы совместной безопасности, к которой принадлежат государства Центральной Азии, создает степень собственности, которую ЕС как внешний субъект не в состоянии создать. Это понимание согласуется с одним из ключевых выводов исследования о преобразованиях, согласно которому внешние субъекты не могут устойчиво осуществить преобразование вопреки воле правительств принимающих стран. Последних необходимо убедить в том, что соблюдение норм и ценностей, на которые не претендуют авторитарные внешние действующие лица, дает значительные социально-экономические преимущества, а не принуждение к поведению, которое вряд ли будет продолжительным. На этом фоне обе организации должны четко заявить в пяти столицах, что опора на авторитарных поставщиков управления сопряжена со значительными расходами. В частности, случай Китая демонстрирует, что региональные беспорядки значительно возросли из-за непрозрачных схем помощи, резко контрастирующих с «бесприкрышной» риторикой Пекина, недостаточной устойчивостью, иногда чрезмерным уровнем долга или согласием на религиозные репрессии в отношении этнических казахов и киргизов в Китае.

Рекомендации

- Хотя члены ЕС в целом более единообразны, чем государства-участники ОБСЕ в целом, первые должны еще больше повысить согласованность своей политики в Брюсселе и Вене.
- При совместной работе региональные усилия ОБСЕ/ЕС должны быть ориентированы на более широкое стратегическое видение, особенно с использованием ежегодных встреч на высоком уровне между двумя организациями, начавшихся в 2018 году.
- Исходя из своих дополнительных ценностей, ОБСЕ и ЕС должны делать выбор из своего объединенного меню стратегий, включающих убеждение, материальные стимулы и взвешенное давление, и соответствующим образом формировать свои межорганизационные отношения.
- В диалогах с принимающими государствами следует четко разъяснять, что соблюдение либерально-демократических норм дает значительные социально-экономические преимущества, тогда как плотное взаимодействие с поставщиками авторитарического управления часто сопряжено с серьезными недостатками.

Проблема изменения климата

- 118** **Ли́ра Сагынбекова**
Влияние климатических изменений
и экологических проблем на динамику
миграции в сельских районах Кыргызстана
- 129** **Зане Шиме**
Роль окружающей среды и климата
в изменении всеобъемлющей безопасности
- 144** **Кинга Сзалкай**
Перезапуск водных отношений
в Центральной Азии: перспективы
поворота внешней политики Узбекистана

Влияние климатических изменений и экологических проблем на динамику миграции в сельских районах Кыргызстана

Ли́ра Сагынбе́кова

Аннотация

Экологические бедствия и трудности, вызванные климатом, серьезно сказываются на средствах к существованию людей, особенно из беднейших слоев населения, которым не хватает адаптивных ресурсов и возможностей для соответствующего реагирования. Несмотря на постоянно растущую важность взаимосвязи между изменением климата, окружающей средой и миграцией, данная тема остается, в значительной степени, недостаточно изученной в Кыргызстане. Вызванные климатом (засуха, аномальные осадки, ранние заморозки), быстро возникающие (сели, наводнения, оползни) и медленно возникающие (деградация земель, эрозия почвы и т.д.) экологические бедствия оказывают прямое и косвенное воздействие на миграцию, ведь все они становятся ведущими факторами сельской эмиграции. Из-за ограниченных возможностей работы и отсутствия способности адаптироваться к изменениям окружающей среды в сельской местности многие предпочитают мигрировать во внутренние городские центры или за границу.

Основываясь на качественных исследованиях, проведенных в двух селах Баткенской и Нарынской областей Кыргызстана, мы обнаружили, что отсутствие механизмов страхования, высокие ставки банковских и неофициальных кредитов и недостаточная социальная поддержка со стороны правительства затрудняют реакцию многих беднейшим представителей населения на экологический шок, когда он происходит. Миграционная стратегия помогает сельским домохозяйствам реагировать и отвечать на потрясения, а для некоторых это является единственным возможным вариантом. Для данных домохозяйств денежные переводы играют решающую

роль, помогая покрывать жизненно важные расходы на домашнее хозяйство. Таким образом, миграция служит стратегией преодоления экологических, социальных и экономических трудностей и стратегией адаптации, в целом приводящей к более стабильным средствам к существованию и долгосрочным инвестициям.

Введение

Из-за физических особенностей местности Кыргызстана 66% его населения проживает в сельской местности,¹ большая часть которого зарабатывают на жизнь сельским хозяйством и животноводством. Однако данные виды средств к существованию сильно зависят от климатических и других условий окружающей среды, что делает сельских жителей особенно уязвимыми к изменению климата и экологическим шокам.² Кроме того, учитывая тот факт, что 90% территории Кыргызстана занимают горы, различные виды природных и антропогенных опасностей, таких как оползни, селевые потоки, наводнения и деградация земель, оказывают значительное влияние на жизнеобеспечение его населения. Например, по данным Министерства по чрезвычайным ситуациям Кыргызской Республики, в период с 2010 по 2017 год в Кыргызстане от таких бедствий пострадали 24 215 человек, 13 709 из которых были перемещены в результате данных происшествий.³ К тому же, Кыргызстан занимает третье место по степени уязвимости для последствий изменения климата в регионе Восточной Европы и Центральной Азии.⁴ Последствия изменения климата, такие как засуха и экстремальные погодные условия, стали насущными проблемами, особенно для сельских домохозяйств. Недоста-

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Демографический Ежегодник Кыргызской Республики. 2015-2019. – Бишкек, 2020.

² Сагынбекова, Лира. Окружающая среда, средства к существованию в сельской местности и трудовая миграция: Тематическое исследование в Центральном Кыргызстане // Исследования и разработки в горных районах 37. - №. 4. - 2017 - С. 456-463.

Эбби Клэр, Лира Сагынбекова, Грегор Сингер, Крис Бене и Акыл Рахманберди. Могут ли субъективные показатели устойчивости предсказать будущую продовольственную безопасность? Свидетельства трех общин в сельской местности Кыргызстана // Центр экономики и политики в области изменения климата. Рабочий отчет 342. – Ноябрь 2018.

³ Миграция: Факты и цифры // Международная организация по миграции: Диалог ООН-УЦА. – 1 марта, 2019.

⁴ Марианна Фэй, Рэйчел И. Блок и Джейн Эбингер. *Адаптация к изменению климата в Восточной Европе и Центральной Азии* // Отчеты по Европе и Центральной Азии. – Всемирный Банк, 2010.

точный доход от сельскохозяйственной деятельности, отсутствие возможностей адаптации к экологическим стрессорам и ограниченные возможности получения средств к существованию – всё это является ведущими факторами миграции. Как внешняя, так и внутренняя миграция сегодня играют решающую роль в обеспечении средств к существованию многих сельских домохозяйств. Следует отметить, что экономика Кыргызстана остается второй по величине зависимой от денежных переводов в мире, составляя 33,2 процента ВВП страны.⁵

Методология

Данное исследование основано на кабинетном анализе, обсуждениях в фокус-группах и углубленных интервью, проведенных в двух сельских общинах Нарынской и Баткенской областей Кыргызстана. В общей сложности было проведено 12 обсуждений в фокус-группах с участием только мужчин и только женщин, в каждой из которых участвовало по 8-12 человек. Кроме того, было проведено 28 углубленных интервью с ключевыми информаторами и членами семей. Основная цель обсуждений в фокус-группах и углубленных интервью состояла в том, чтобы определить местные проблемы, связанные с окружающей средой и изменением климата, и то, как они влияют на динамику миграции в сельских районах. Данное исследование было проведено в рамках проекта «Пути к устойчивости экономики в полусасушливых странах» (PRISE)⁶.

Проблемы, вызванные изменением климата, и экологические проблемы как ведущие факторы миграции

Три четверти населения Кыргызстана расположено в предгорьях горных склонов или вдоль речных бассейнов, где ряд природных и антропогенных опасностей и проблем, вызванных изменением климата, оказывают значительное влияние на средства к

⁵ Полученные частные переводы (в валюте доллары США) // Всемирный Банк, Кыргызская Республика, по оценкам на 17 апреля, 2020. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=KG>.

⁶ Более подробную информацию о проекте PRISE можно найти по адресу www.prise.odi.org.

существованию.⁷ Из-за интенсивного таяния ледников и осадков весной многие регионы Кыргызстана подвержены наводнениям и селевым потокам.⁸ Например, 95% населенных пунктов в Кыргызстане пострадали от селей и наводнений.⁹ Между тем, оползни затрагивают 7,5% территории страны¹⁰ и разрушают сельскохозяйственные угодья и социально-экономическую инфраструктуру, что иногда может привести к фатальным последствиям. Кроме того, в период с 2000 по 2014 год в Кыргызстане было официально зарегистрировано более 3 500 чрезвычайных ситуаций, связанных с окружающей средой и климатом.¹¹

Опросы в Баткенской и Нарынской областях показали, что климатические и экологические проблемы, такие как засухи, нехватка оросительной воды, ранние заморозки, аномальные осадки, длительные зимы, селевые потоки, заболачивание и засоление земель, оказывают сильное влияние на сельскохозяйственную деятельность и животноводство. Такие экологические потрясения часто приводят к гибели урожая и потере доходов. Ситуация усугубляется рядом социально-экономических проблем, таких как низкие цены на сельскохозяйственную продукцию, неплатежи по кредитам, потеря оплачиваемых или связанных с этим рабочих мест, низкие социальные пособия и другие факторы.

Селевые потоки наступают весной и разрушают посевы, дороги и оросительные каналы. Между тем, они, как и наводнения, разрушают мосты, вызывая проблемы с доступом, которые могут изолировать некоторые деревни или пастбища. Аномальные осадки влияют на качество посевов, особенно абрикосов в Баткене и кор-

⁷ Антуан Шандонне, Зуура Мамадалиева, Лидия Оролбаева, Лира Сагынбекова, Уран Турсуналиев и Дамира Уметбаева. *Окружающая среда, изменение климата и миграция в Кыргызской Республике* // MOM, 2016; Суджата Манандхар, Стефанос Ксенариос, Дитрих Шмидт-Фогт, Кристиан Хергартен и Марк Фоггин. *Климатическая уязвимость и адаптационный потенциал горных сообществ в Центральной Азии*. – УЦА, 2018.

⁸ Эмиль Насритдинов, Мехригуль Аблезова, Айгуль Абдубаевова и Джипара Аубакирова. *Экологическая миграция: на примере Кыргызстана* // Региональный центр по миграции и беженцам / Центр социальных исследований / Американский университет в Центральной Азии, 2010.

⁹ Антуан Шандонне, Зуура Мамадалиева, Лидия Оролбаева, Лира Сагынбекова, Уран Турсуналиев и Дамира Уметбаева. *Окружающая среда, изменение климата и миграция в Кыргызской Республике* // MOM, 2016.

¹⁰ См. выше.

¹¹ *Мониторинг, прогнозирование опасных процессов и явлений на территории Кыргызской Республики* / Министерство по чрезвычайным ситуациям Кыргызской Республики. – Бишкек, 2015.

мовых культур в Нарыне. Из-за обильных осадков кормовые травы могут гнить, оставляя скот голодным, что может повлиять на продовольственную безопасность домашних хозяйств и прибыль, когда скот не продается. Между тем, долгая и тяжелая зима может оказать аналогичное воздействие. Суровые климатические условия в высокогорных районах Нарынской области, где зима может длиться до шести месяцев, могут повлиять на здоровье населения, которое жалуется, в частности, на высокое кровяное давление, заболевания стоп и костей. Из-за данных условий и недоедания население страдает от плохого состояния здоровья и, как правило, мигрирует в города или более низкие долины, особенно в Чуйскую долину и Бишкек, столицу страны.

Засухи и нехватка оросительной воды сильно влияют на сельскохозяйственные угодья, приводя к гибели урожая, тем самым лишая фермеров дохода. Например, один участник обсуждения в фокус-группе в Нарыне отметил: «Требуется более трех лет, чтобы оправиться от плохого года [т. е. засухи или такого удара для семьи, как смерть и похороны]». Другие респонденты отметили, что, когда они переживают засуху или сильные осадки, пшеница не созревает, а урожаи картофеля низкие, а когда выпадает ранний снег, продукты из пшеницы замерзают под снегом.

Респонденты в Нарыне отметили, что земля, доступная в аренду, сухая и каменистая, а услуги по выращиванию стоят дорого. Один респондент упомянул следующее: «Вы платите за аренду, за воду, и в конце концов вы не видите никаких преимуществ». Низкая продуктивность земель также происходит из-за деградации земель. Например, люди каждый год выращивают одни и те же культуры, такие как картофель, и не проводят чередование. Поэтому люди едут в города, чтобы найти работу. Экологические проблемы и ограниченные возможности получения средств к существованию затрудняют жизнь в сельских районах. В свою очередь, это побуждает многих сельских жителей прибегать к миграции.

Миграция как стратегия адаптации

Более 700 000 граждан Кыргызстана работают за рубежом, большинство из которых в России (640 000), Казахстане (30 000), Турции (30 000) и Южной Кореи (15 000).¹² В то же время официальная статистика по внутренней миграции не в полной мере отражает реальную ситуацию, поскольку временная трудовая миграция часто остается неучтенной. К тому же, большинство экспатов, принявших участие в исследовании «Изменение окружающей среды и вынужденная миграция», подчеркнули, что среди территорий высокого риска уровень оттока населения выше в городах хозяйственного упадка или постиндустриальных малых городах и в сельских районах Кыргызстана.¹³ Большинство внутренних мигрантов сосредоточено в областных центрах и в Бишкеке.

Для решения данных вышеупомянутых экологических проблем и проблем с обеспечением средств к существованию члены домашних хозяйств мигрируют во внутренние городские центры или за границу. Часто количество трудовых мигрантов значительно увеличивается в плохие годы и сезоны гибели урожая. Период с февраля по май считается неурожайным сезоном, в течение которого многие сельские жители испытывают трудности. Начиная с марта и далее, трудоспособные мужчины часто мигрируют из сельской местности в города или за границу в поисках работы, многие из которых находят работу в строительстве.

Когда сельские домохозяйства переживают гибель урожая из-за засухи или других экологических проблем, некоторые из них не только лишаются своих доходов, но и подвергаются риску невозможности возврата кредитов. Во время подобных потрясений члены домашних хозяйств часто прибегают к трудовой миграции как к единственному возможному варианту. Кроме того, высокие процентные ставки по банковским кредитам и неофициальным займам, отсутствие механизмов страхования сельского хозяйства и животноводства, а также недостаточная социальная поддержка

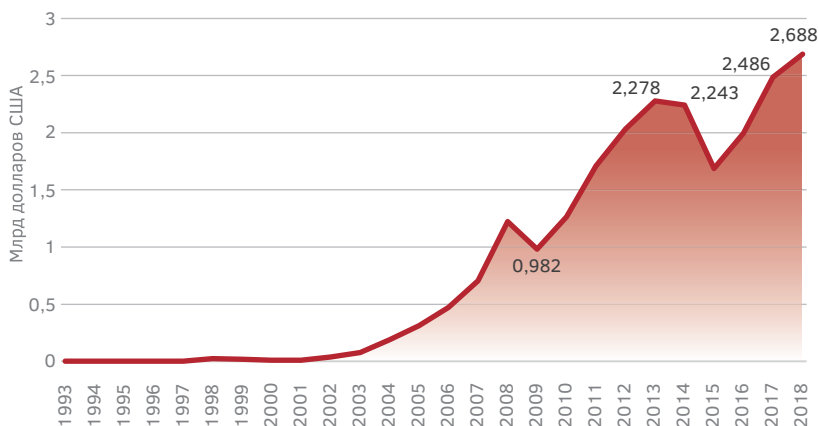
¹² Отчет Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики о проделанной работе за I квартал 2019 по оценкам на 17 апреля, 2020 // Государственная миграционная служба Кыргызской Республики. Режим доступа: <http://ssm.gov.kg/>.

¹³ Эмиль Насритдинов, Мехригуль Аблезова, Айгуль Абдубаева и Джипара Аубакирова. Экологическая миграция: на примере Кыргызстана // Региональный центр по миграции и беженцам / Центр социальных исследований / Американский университет в Центральной Азии, 2010.

со стороны правительства – всё это затрудняет реагирование на потрясения и факторы стресса. Например, когда домохозяйства в Баткене переживают плохой сезон абрикосов, трудовая миграция рассматривается как важная стратегия преодоления трудностей. Результаты опросов показывают, что домашние хозяйства не только отправляют членов своих семей в города Кыргызстана или за границу, но и что были случаи, когда всё домашнее хозяйство мигрирует в город, потому что его члены больше не могут поддерживать свои средства к существованию в селах. Следует также отметить, что из-за оттока людей трудоспособного возраста из сельских районов наблюдается нехватка рабочей силы, особенно в период выращивания и сбора урожая.

Денежные переводы от международных трудовых мигрантов играют значительную роль в поддержке оставшихся сельских семей. Например, объем денежных средств, отправленных в Кыргызстан, в 2018 году достиг 2,7 миллиарда долларов США (Диаграмма 1).¹⁴

Диаграмма 1. Частные денежные переводы, полученные Кыргызстаном. Всемирный Банк (2020)

¹⁴ Полученные частные переводы (в валюте доллары США): Кыргызская Республика, по оценкам на 17 апреля, 2020 // Всемирный Банк. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=KG>.

Денежные переводы, отправляемые родственникам, используются для различных целей. Чаще всего деньги идут на повседневные расходы, покупку домашнего скота и автомобилей, ремонт домов, обработку земли, подготовку детей к школе, погашение кредитов или на общественные мероприятия, такие как свадьбы. Некоторые домохозяйства используют миграцию в качестве стратегии адаптации, инвестируя денежные переводы в предприятия, теплицы, приобретая новые знания и навыки, и другие долгосрочные перспективы. В то время как денежные переводы направляются в основном для поддержки семей, оставшихся без попечения родителей, особенно в период выращивания растений и посевных сезонов, инвестиции в повышение устойчивости сельскохозяйственных культур, а также в тепличное хозяйство и сельскохозяйственную технику могут оказать положительное влияние на развитие сельских общин.

Заключение

Проблемы, вызванные изменением климата, и экологические проблемы оказывают прямое и косвенное воздействие на динамику миграции в сельских районах. В плохие годы, когда сельские домохозяйства испытывают серьезные потрясения в области окружающей среды и средств к существованию (например, засухи, оползни, аномальные осадки, гибель урожая, низкие цены на домашний скот и сельскохозяйственную продукцию, долги и т.д.), трудовая миграция служит стратегией преодоления и иногда является единственным доступным вариантом. В результате в это время число мигрантов значительно увеличивается. Кроме того, отсутствие механизмов страхования скота и сельскохозяйственной продукции, высокие процентные ставки по банковским и неофициальным кредитам, а также недостаточная поддержка сельских предпринимателей являются дополнительными факторами, стимулирующими трудовую миграцию.

Миграционная стратегия помогает домашним хозяйствам диверсифицировать свои источники дохода и защитить экономику страны от местных потрясений и факторов стресса. Таким образом, денежные переводы, отправляемые мигрантами домой, играют решающую роль во времена потрясений, особенно для оказания помощи в покрытии жизненно важных расходов домашних хозяйств.

Рекомендации

- Лучшее понимание взаимосвязи между изменением климата, окружающей средой и миграцией имеет первостепенное значение для научного сообщества и сообщества развития в Кыргызстане. Разработка исследовательских проектов по данной взаимосвязи поможет повысить осведомленность и знания о последствиях изменения климата и экологических катастроф.
- Проблемы, вызванные изменением климата, и экологические проблемы сельского населения должны быть тщательно рассмотрены лицами, принимающими решения, и директивными органами на региональном и национальном уровнях и соответствующим образом решены с участием соответствующих государственных учреждений.
- В целях уменьшения воздействия изменения климата на доходы сельских домашних хозяйств следует внедрять более устойчивые культуры и использовать альтернативные возможности получения средств к существованию, которые менее или вообще не подвержены климатическим и экологическим изменениям.
- Государственным органам следует работать над наращиванием потенциала и укреплением технического потенциала в области мониторинга окружающей среды и предупреждения и предотвращения рисков.
- Следует разработать механизмы страхования и беспроцентные кредиты, чтобы помочь уязвимым группам сельского населения преодолеть климатические и экологические потрясения.
- Денежные переводы играют важную роль в поддержке оставшихся семей. В сельских районах должны быть созданы и развиты условия и механизмы для долгосрочного инвестирования денежных переводов и сбережений мигрантов. Это может способствовать повышению устойчивости средств к существованию, развитию отдаленных аграрных регионов и сокращению оттока людей из сельских районов.

Источники

Шандонне, Антуан, Зуура Мамадалиева, Лидия Оролбаева, Лира Сагынбекова, Уран Турсуналиев и Дамира Уметбаева. *Окружающая среда, изменение климата и миграция в Кыргызской Республике* // МОМ, 2016.

Клэр, Эбби, Лира Сагынбекова, Грегор Сингер, Крис Бене и Акыл Рахманберди. Могут ли субъективные показатели устойчивости предсказать будущую продовольственную безопасность? Свидетельства трех общин в сельской местности Кыргызстана // Центр экономики и политики в области изменения климата. Рабочий отчет 342. – Ноябрь 2018.

Фэй, Марианна, Рэйчел И. Блок и Джейн Эбингер. *Адаптация к изменению климата в Восточной Европе и Центральной Азии* // Отчеты по Европе и Центральной Азии. // Всемирный Банк, 2010.

Миграция: Факты и цифры // Международная организация по миграции. Диалог ООН-УЦА, 1 марта, 2019.

Манандхар, Суджата, Стефанос Ксенариос, Дитрих Шмидт-Фогт, Кристиан Хергартен и Марк Фоггин. *Климатическая уязвимость и адаптационный потенциал горных сообществ в Центральной Азии*. – УЦА, 2018.

Мониторинг, прогнозирование опасных процессов и явлений на территории Кыргызской Республики // Министерство по чрезвычайным ситуациям Кыргызской Республики. – Бишкек: MES, 2015.

Насритдинов, Эмиль, Мехригиуль Аблезова, Айгуль Абдубаетова и Джипара Аубакирова. *Экологическая миграция: на примере Кыргызстана*. Региональный центр по миграции и беженцам/ Центр социальных исследований / Американский университет в Центральной Азии, 2010.

Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2015-2019 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2020.

Сагынбекова, Лира. Окружающая среда, средства к существованию в сельской местности и трудовая миграция: Тематическое исследование в Центральном Кыргызстане // *Исследования и разработки в горных районах* 37. – №. 4. – 2017. – С. 456-463.

Отчет Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики о проделанной работе за I квартал 2019 по оценкам на 17 апреля, 2020 // Государственная миграционная служба Кыргызской Республики. Режим доступа: <http://ssm.gov.kg/>.

Полученные частные переводы (в валюте доллары США): Кыргызская Республика по оценкам на 17 апреля, 2020 // Всемирный Банк. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.CD.DT?locations=KG>.

Роль окружающей среды и климата в изменении всеобъемлющей безопасности

Зане Шиме

Аннотация

Исследования формируют значительную часть понимания работы и влияния ОБСЕ. Признавая эту решающую роль производства знаний, комплексный межрегионализм представляет собой предлагаемую основу для будущего анализа роли, которую ОБСЕ, ее экономическое и экологическое измерение и Инициатива «Окружающая среда и безопасность» играют во всеобъемлющем (совместном) управлении безопасностью в Европе. Изменение климата как общий множитель риска и проблема, которая была предметом мер, принятых несколькими международными и европейскими организациями, позволяет по-новому взглянуть на более ранние достижения ОБСЕ, например, достигнутые с помощью мер по укреплению доверия к окружающей среде. На фоне развивающегося понимания риска в Европе прошлые успехи могут быть реализованы индивидуально по нескольким направлениям экономического и экологического измерения. Недавно начавшееся Десятилетие действий – это возможность укрепить дух, лежащий в основе Хельсинкского Заключительного акта, в соответствии с самыми последними соображениями о всеобъемлющей безопасности. Повышенное внимание к взаимодополняемости, предоставляемой другими ключевыми европейскими форумами, заслуживает дальнейшего внимания, чтобы выявить уникальную добавленную стоимость со стороны ОБСЕ и устойчивость достигнутых ею результатов.

Введение

Экономическое и экологическое измерение (ЭЭИ) и Инициатива «Окружающая среда и безопасность» (ИОСБ) Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) должны быть достойным образом оценены как важная основа, которая помогает снизить различную напряженность и риски безопасности в Европе. Аргумент основан на более раннем признании наблюдаемой связи между конфликтами внутри государств и их экологическими обстоятельствами (ИОСБ 2013, 7-8). Совсем недавно изменение климата было признано «множителем угроз», поскольку оно усугубляет уже существующие риски и угрозы» (Бремберг 2018, 2). В этом кратком изложении объясняется, почему так важно исследовать роль ЭЭИ и ИОСБ ОБСЕ через комплексную межрегиональную призму во время картирования и оценки современных условий европейской безопасности.

Данная аналитическая статья основывается на повестке дня Албанского председательства 2020 года, которое стремилось сохранять бдительность в отношении эволюции вызовов и факторов риска:

«Многие из наших современных вызовов безопасности сохранятся в обозримом будущем. Другие будут развиваться, и появятся новые. Это требует от государств-участников размышлений о том, как использовать и адаптировать инструменты ОБСЕ к нашему изменяющемуся контексту, продолжая при этом защищать и продвигать права и свободы». (Председательство Албании в ОБСЕ в 2020 г., стр. 7)

Аналогичным образом Албанское Председательство способствовало диалогу со средиземноморскими и азиатскими партнерами, а также обмену с Европейским союзом (ЕС) и Организацией Объединенных Наций (ООН), в том числе (Председательство Албании в ОБСЕ 2020, 9). Таким образом, предлагаемый акцент на сложном межрегиональном взаимодействии, подробно описанный в последующих разделах краткого обзора, отражает стремление политиков содействовать многосторонним консультациям по эволюции вопросов безопасности.

К сложному межрегионализму

Одна из причин, по которой так важно учитывать экологические вопросы и изменение климата в общих дебатах по традиционным вопросам безопасности в Европе, заключается в том, что «сама суть ОБСЕ заключается в ее межпространственной концепции отношений безопасности» (Манк 2015, 3). Несмотря на мнение ученых о том, что ЭЭИ «незаслуженно обходили вниманием, неправильно понимали или игнорировали» (Фаун и Луттерйохан 2019, 262), оно привлекает внимание, поскольку имеет особое отношение к современным реалиям, с которыми сталкивается ОБСЕ (Сеть аналитических центров и академических институтов ОБСЕ 2017, 15). Другой причиной актуальности окружающей среды, ее деградации и климата в традиционном контексте безопасности является признание ОБСЕ того факта, что «граница между невоенными» мерами укрепления доверия и военным доверием, а также мерами укрепления безопасности «подвижна, и ее лучше всего использовать взаимосоиливающим образом там, где это уместно» (Центр предотвращения конфликтов Секретариата ОБСЕ 2013, 11; Рейт 2021, 2-3).

Большинство исследований, посвященных взаимодействию между определенными регионами Европы, международными организациями и ОБСЕ в целом и ИОСБ, в частности, информативны и убедительны в отношении ценности ОБСЕ для содействия мирным отношениям в Европе. Тем не менее, может возникнуть сомнение в том, что некоторые из результатов этих исследований полностью учитывают контекстуальные факторы, которые возникают вместе с консультациями и деятельностью других общеевропейских форумов (часто развивающихся одновременно). Хотя «[некоторые] силовые механизмы, такие как распространение норм, где ОБСЕ наиболее сильна, [...] трудно измерить» (Фризендорф 2021, 14), ОБСЕ не единственная организация, участвующая в этих негласных процессах. Это еще больше затрудняет четкое различие между резонансом ОБСЕ и влиянием других организаций, упомянутых в последующих разделах.

Такой несколько разрозненный акцент исключительно на ОБСЕ может быть в ущерб пониманию всей сложности европейского

управления и взаимодополняемости, порождаемой несколькими общеевропейскими форматами, такими как Совет Европы и ЕС. ОБСЕ признала позитивный синергизм, полученный в результате согласованных информационно-пропагандистских мероприятий, которые были реализованы в сотрудничестве с Европейской экономической комиссией ООН и Советом Европы (Центр предотвращения конфликтов Секретариата ОБСЕ, Операционная служба 2013, 75). Организация Североатлантического договора (НАТО) и несколько международных организаций, связанных с ООН, являются партнерами ОБСЕ по тесному сотрудничеству. В будущем рекомендуется более тесное сотрудничество (Зеллнер 2020, 9). Когда способность НАТО проецировать стабильность подвергается критическому анализу, ОБСЕ оказывается среди альтернативных многосторонних форумов, предлагаемых для дальнейшего рассмотрения (Ларсен и Колер 2020, 39–40). ИОСБ является многообещающей структурой для изучения взаимосвязи между окружающей средой и безопасностью, ее эволюции в направлении включения изменения климата в качестве фактора, увеличивающего риск, и разработки всеобъемлющих мер по укреплению доверия для усиления европейской безопасности и стабильности. Однако есть сомнения, помогают ли рассмотренные тематические исследования объяснить общую особую роль ОБСЕ.

Данное приглашение в научные круги существует для того, чтобы более тщательно изучить все горизонтальные сложности европейского управления, а не только определенные черты вертикальных слоев. Исследования межрегионализма возникли примерно в середине 1990-х годов, и «мягкое равновесие» стало одной из наиболее известных исследуемых тем (Рюланд 2010, 1273–1274). На этой основе строится сложный межрегиональный подход. Это относится к «меняющимся взаимосвязям двусторонних, региональных, межрегиональных и трансрегиональных отношений, которые развиваются между ЕС и регионами по всему миру» (Содербаум 2016, 184). Этот термин отражает «многомерную модель межрегионализма, в которой сосуществование многоуровневой дипломатии и институциональных структур со смешанными мотивами и стратегиями со стороны участвующих субъектов образует ключевой элемент» (Хардакр и Смит 2009, 171). Сложный межрегиональный подход послужил толчком к более детальному изучению отличительных черт активности, осуществляемой ЕС и

АСЕАН (Мюллер, 2016), включая меры реагирования на вспышку COVID-19 (Клим 2021). Точки расхождения также остаются в поле зрения (Тан 2020, 50).

В данной аналитической статье утверждается, что исследование других европейских организаций полезно для улучшения общего понимания разнообразия факторов и контекстных особенностей, которые влияют на инициативы, реализуемые организациями. ОБСЕ не должна быть исключением. Однако, учитывая, что сложный межрегиональный подход является результатом изучения отношений ЕС с другими регионами, включение этого угла зрения в анализ, связанный с ОБСЕ, потребует выработки отдельного подхода. Научное мышление по АСЕАН является примером того, как это уже было реализовано. Без достаточного внимания конкретным характеристикам ОБСЕ комплексное межрегиональное исследование могло бы с таким же успехом пойти по пути формирования ОБСЕ с целью стать больше похожей на ЕС, чтобы быть более удобным собеседником для ЕС.

Сложный межрегионализм включает в себя плотность и толщину многовекторных взаимодействий, формирующих и оставляющих определенный отпечаток на различной регионалистской динамике. Это позволяет полностью признать множество факторов влияния, воздействующих на определенные географические районы, через одновременно реализуемые регионалистские проекты, которые намного более многогранны, чем комбинация нескольких мер по укреплению доверия, проводимых на разных уровнях и в разных секторах (Герберт 2014, 2). Такой взгляд на регионалистское развитие согласуется с более ранним научным мышлением о необходимости рассматривать усилия ОБСЕ по укреплению доверия в контексте форматов, в которых взаимодействуют ее государства-участники (Сеть аналитических центров и академических институтов ОБСЕ 2017, 19).

Более ранние исследования показали ценные обмены, которые стимулируют работу ОБСЕ, такие как совместные консультации по инициативам, реализуемым субъектами региона Балтийского моря, и усилиям по построению региона в горах Юго-Восточной Европы (Вольфельд 2001; Джорджевич 2014). Такой выбор эмпирического акцента на отдельные географические области неувиди-

телен, учитывая ранее признание необходимости «бассейнового или экосистемного подхода» (ИОСБ 2013, 7). Кроме того, он перекликается с размышлениями ООН о «проблемах без паспортов», другими словами, о вызовах, выходящих за пределы границ (ООН 1998; Аннан 2009; Плиберсек 2015). Этот термин доказал свою непреходящую актуальность благодаря повторяющимся ссылкам, высказанным на различных собраниях, посвященных многостороннему сотрудничеству.

Для такого поворота в анализе деятельности ОБСЕ есть многообещающие основания. Это демонстрирует более ранний анализ с акцентом на управление горными районами: «Масштаб в качестве социальной конструкции [...] был описан как «вложенная иерархия ограниченных пространств разного размера, таких как местное, региональное, национальное и глобальное» [...], связанных вертикальной или горизонтальной сменой власти [...]» (Джорджевич 2014, 5). Этот пример вселяет уверенность в том, что ОБСЕ является многообещающей организацией для исследования других особенностей регионализма, вызванного ее инициативами, направленными на решение различных экологических и климатических проблем.

И те, и другие обсуждаемые географические условия, проанализированные в предыдущих исследованиях, демонстрируют способность интеллектуальных кругов ОБСЕ «преодолеть традиционную одержимость национальным государством как доминирующей политической единицей в глобальной системе» и принять сложность и многоуровневость структуры управления, в которой роль государства претерпевает глубокую трансформацию (Содербаум и Ван Лангенхове 2005, 254). Это важнейшая предпосылка для правильного принятия комплексной межрегиональной призмы в будущем исследовании ОБСЕ.

Часто более ранние исследования, посвященные ОБСЕ, содержат отдельные эпизоды или комментарии об успешном взаимодействии ОБСЕ с другими организациями, работа которых способствует достижению общих целей ОБСЕ. Кроме того, предлагаемая комплексная межрегиональная призма становится заметной в современной обстановке, когда «многие другие, лучше финансируемые институты вытесняют ОБСЕ» (Фаун и Люттерйохан 2019, 264), например, ЕС называют «поглотителем других организаций»

(Барстон 2019, 121). Одним из таких примеров является Европейская политика соседства с ее инструментами поддержки (Фаун и Люттерйохан 2019, 278-281). Кроме того, «внешние действия ЕС в области климатической безопасности принимают разные формы, но особенно актуальны два направления, а именно – климатическая дипломатия и климатическое финансирование. Для ЕС климатическая дипломатия означает действия, «предпринимаемые Советом по иностранным делам ЕС, Европейской службой внешних действий и Европейской комиссией для формирования международного сотрудничества в области изменения климата» (Бремберг 2018, 5). Это, а также тот факт, что список других инструментов ЕС, таких как Рамочные программы ЕС по исследованиям и инновациям, которые финансируют проекты, связанные с окружающей средой и климатом, предлагают варианты взаимодействия с организациями, не входящими в ЕС, означает, что надлежащий взгляд на ЕС потребует большего, чем анализ Европейской политики соседства.

Важность рассмотрения деятельности ОБСЕ в более широком многостороннем контексте еще более усиливается ранее сделанной оценкой ученых, согласно которой «политическое влияние ОБСЕ может, таким образом, показаться ограниченным в краткосрочной и среднесрочной перспективе, по крайней мере, в сравнении с ЕС и НАТО, но как региональная платформа, ее потенциал, по-видимому, больше связан с ее способностью влиять на долгосрочные изменения в восприятии и практике» (Бремберг 2018, 10). Больше анализа, помимо признания взаимовыгодной взаимодополняемости, поможет принимать более обоснованные решения (Бремберг 2018, 13). Такое предложение следует рассматривать с полным осознанием того, что помимо многосторонней управляемой динамики сложный межрегиональный подход приветствует анализ более широкого многовекторного взаимодействия, такого как связи, структурированные по линиям двустороннего сотрудничества.

Экологические соображения и безопасность

«Первоначальной целью ИОСБ было выявление и оценка рисков безопасности, связанных с окружающей средой, в Юго-Восточной Европе и Центральной Азии» (Бремберг 2018, 8). Актуальность экологических проблем в традиционном контексте безопасности не нова. Одним из лучших примеров такой взаимосвязи явля-

ется тот факт, что НАТО стала наблюдателем ИОСБ через год после создания инициативы и вносит свой вклад в нее через свою инициативу «Наука во имя мира и безопасности», уделяя особое внимание уязвимым регионам (ИОСБ 2013, 7). ИОСБ доказала свою восприимчивость к более широкому спектру проблем, высказываемых ООН. Это был бы наглядный пример, который, кажется, переключается с применяемыми ОБСЕ мерами: «Вопрос все меньше и меньше в том, является ли изменение климата угрозой безопасности или «множителем угроз», но вопрос в том, как мы можем оценивать и управлять рисками, связанными с изменением климата и его последствиями для безопасности международного сообщества». («Программа ООН по окружающей среде по изменению климата и международной безопасности» 2011 г., с. 606). Следовательно, риски безопасности, связанные с климатом, были учтены (Бремберг 2018, 8). Возможно, данный «климатический поворот» может стать окном возможности, чтобы поразмышлять о новой роли ЭЭИ в решении современных проблем, таким образом сохраняя исторический дух Хельсинкского Заключительного акта в контексте меняющихся соображений.

«Инициатива ИОСБ создала Сеть по окружающей среде и безопасности, добровольный альянс потенциальных и будущих партнеров, межправительственных и неправительственных организаций, банков развития, средств массовой информации, научных кругов, фондов и доноров, которые будут работать вместе для достижения общей цели: устранение трансграничных и взаимосвязанных рисков для окружающей среды и безопасности» (ИОСБ 2013, 46). Кроме того, его знаковые Орхусские центры поддерживают практическое выполнение Орхусской конвенции, тем самым поддерживая и «права каждого человека на здоровую окружающую среду» (ОБСЕ 2012, 5). Среди тематических направлений Орхусских центров – водное хозяйство. Это хороший пример того, как вопросы окружающей среды включаются в усилия по укреплению доверия (Сеть аналитических центров и академических институтов ОБСЕ 2017, 19). Если смотреть со сложной межрегиональной точки зрения, эти направления ИОСБ следует рассматривать как многообещающие источники эмпирической информации для более контекстной оценки ЭЭИ. Его будущие модели должны рассматриваться как отдельный образец в более широком наборе экологических и связанных с климатом инициатив, которые реализуются

несколькими многосторонними участниками и инициативами, основанными на двустороннем подходе.

И наконец, что не менее важно, ИОСБ является хорошим примером того, как ОБСЕ остается в согласии с глобальными моделями координации. Он скорректировал ИОСБ с повышенного интереса Рио+20 к зеленой экономике (ОБСЕ 2012, 22-23; «Программа ООН по окружающей среде по изменению климата и международной безопасности» 2011, 65) к текущим схемам, структурирующим понимание мира и окружающей среды, установленным Целями устойчивого развития (ЦУР) (ИОСБ 2016). Однако следует иметь в виду, что ОБСЕ далеко не единственный общеевропейский форум, поддерживающий ЦУР. ЕС известен своим уникальным подходом к ЦУР (Шиме 2017, 2020). О таких «просачивающихся» схемах политических действий следует помнить при разработке рекомендаций в отношении будущих действий ОБСЕ.

Заключение

Вызовы безопасности в Европе больше нельзя объяснить узким акцентом на традиционных соображениях безопасности. Изменение климата – это фактор, увеличивающий риск, и несколько организаций в Европе настроены противодействовать этому. Комплексный межрегиональный подход помогает лучше осознать «толстые» слои управления, сопутствующие им инициативы и множество контекстуальных факторов, которые следует принимать во внимание при обдумывании новых мер по укреплению доверия к окружающей среде или предстоящей оценке этих мер, особенно их последствий для аспектов, подлежащих рассмотрению в области традиционных соображений безопасности.

Комплексный межрегиональный подход является многообещающей основой для дальнейшей разработки того, как следует развивать прошлые успехи в условиях меняющегося понимания риска и соображений безопасности на ключевых европейских форумах. Эволюция ИОСБ в соответствии с мышлением ООН и политическими рамками, разработанными ООН, доказывает, что ОБСЕ является очень восприимчивой организацией. ОБСЕ учитывает эволюцию интеллектуальных течений, управляющих верхними слоями управ-

ления. Таким образом, у организации есть все необходимое, чтобы оставаться «мировым новатором в области комплексной безопасности» (Фаун и Люттерйохан 2019, 262). Не должно быть никаких сомнений в том, что в начале Десятилетия действий тесное согласование ИОСБ с ЦУР будет полезным инструментом в общем процессе размышлений о том, что должно быть наилучшим путем для адаптации мер по укреплению доверия к окружающей среде таким образом, чтобы дополнить нишевый опыт, разработанный, в частности, ЕС и НАТО.

Однако для достижения этого интеллектуального скачка было бы полезно внести научный вклад с более тщательным анализом одновременных усилий региональных исследователей, а также экологических и связанных с климатом инициатив, реализованных другими европейскими организациями и форумами, охватывающими определенные части континента. ОБСЕ далеко не единственный многосторонний форум в Европе, который стремится добиться справедливого прогресса в течение Десятилетия действий.

Рекомендации

- Исследования обеспечивают значительную часть понимания работы и влияния ОБСЕ. Следовательно, этот важнейший компонент смыслообразования следует постоянно переоценивать и обновлять в соответствии с последними выявленными сложностями.
- В ходе будущего картирования и оценки условий европейской безопасности и применяемых мер реагирования стоит изучить ЭЭИ и ИОСБ через комплексную межрегиональную призму, чтобы лучше понять особую ценность, которую эти компоненты ОБСЕ привносят в общую перспективу европейского управления.
- Более подробный анализ горизонтальной взаимодополняемости ключевых многосторонних форумов, ориентированных на Европу, поможет выявить, как различные усилия, связанные как с ЦУР, так и с определенными проблемами, связанными с окружающей средой и климатом, отражают уникальную добавленную стоимость, предоставляемую ОБСЕ и устойчивость результатов, получаемых с его помощью.

Источники

Программа председательства Албании в ОБСЕ на 2020 год. – Вена: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2020 // Председательство Албании в ОБСЕ. Режим доступа: <https://www.osce.org/chairmanship/443530>.

Аннан, Кофи А. Проблемы без паспортов // Внешняя политика. – 9 ноября 2009. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2009/11/09/problems-without-passports/#>.

Барстон, Рональд П. Современная дипломатия. – 5-е изд. – Абингдон: Рутледж, 2019.

Бремберг, Никлас. Европейские региональные организации и риски безопасности, связанные с климатом: ЕС, ОБСЕ и НАТО // SIPRI Insights о мире и безопасности 2018/1. – Стокгольм: SIPRI, 2018. Режим доступа: <https://www.sipri.org/publications/2018/sipri-insights-peace-and-security/european-regional-organizations-and-climate-related-security-risks-eu-osce-and-nato>.

Джорджевич, Душан. Международные соглашения и региональное строительство в горах Юго-Восточной Европы // Горные исследования и разработки 34. – Вып. 1. – 2014. – С. 4–12 / JSTOR. Режим доступа: <https://doi.org/10.1659/mrd-journal-d-12-00009.1>.

Преобразование рисков в сотрудничество: инициатива «Окружающая среда и безопасность» на 2003–2013 годы // ИОСБ Женева: Координационный отдел секретариата ИОСБ. – 2013. Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/8/109428.pdf>.

ИОСБ - Инициатива по окружающей среде и безопасности: преобразование рисков в сотрудничество // ИОСБ. Женева: Координационный отдел секретариата ИОСБ. – 2016. Режим доступа: <https://www.osce.org/secretariat/245211>.

Фаун, Рик и Нина Люттерйоханн. Меры укрепления доверия в евразийских конфликтах: новые роли экономического и экологического измерения ОБСЕ в ослаблении напряженности между Востоком и

Западом // Глобальное общество 33: Рутледж. – Вып. 2. – 2019. – С. 262–84. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13600826.2019.1566214>.

Фризендорф, Корнелиус. ОБСЕ в Центральной Азии: обсуждение деятельности, связанной с полицией // ОБСЕ Insights 2020: Корона, война, кризис лидерства, под ред. Института исследований мира и политики безопасности Гамбургского университета. – Гамбург: Номос, 2021. – С. 1–16. Режим доступа: <https://doi.org/10.5771/9783748922339-01>.

Хардакр, Алан и Майкл Смит. ЕС и дипломатия сложного межрегионализма // Гаагский дипломатический журнал 4. – 2009. – С. 167–88. Брилл. Режим доступа: <https://doi.org/10.1163/187119109X440898>.

Герберт, Сиан. Уроки мер укрепления доверия // Отчет об исследовании службы поддержки. – Бирмингем: GSDRC. Университет Бирмингема, 2014. Режим доступа: <https://gsdrc.org/publications/lessons-from-confidence-building-measures/>.

Клим, Фредерик. АСЕАН и ЕС в условиях COVID-19: преодоление самореализующегося пророчества реализма // Журнал Азии и Европы. – 2021. Springer. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00604-8>.

Ларсен, Джеффри А. и Кевин Келер. Обеспечение стабильности на юге: «новая» миссия НАТО? // Проектирование устойчивости через Средиземное море, под ред. Эухенио Кусумано и Стефана Хофмайера. – Чам: Пэлгрейв Макмиллан, 2020. – С. 37–62.

Мюллер, Лукас М. За пределами актерского мастерства: структура и деятельность в межрегиональном пространстве ЕС-АСЕАН // Европейский журнал исследований Восточной Азии 15. – 2016. – С. 257–88. Брилл. Режим доступа: <https://doi.org/10.1163/15700615-01502005>.

Мунк, Леони. Председательство Германии в ОБСЕ в 2016 году: необходимость «участия» // Рабочий документ по политике без-

опасности 10/2015. – Берлин: Федеральная академия политики безопасности, 2015. Режим доступа: <https://issat.dcaf.ch/Learn/Resource-Library/Policy-and-Research-Papers/Germany-s-OSCE-Chairmanship-2016-The-need-for-contact>.

Орхусские центры - краткое введение // ОБСЕ. Вена: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Инициатива «Окружающая среда и безопасность», 2012 г. Режим доступа: <https://www.osce.org/secretariat/89067>.

Укрепление доверия ОБСЕ в экономическом и экологическом измерении: текущие возможности и ограничения // Вена: Сеть аналитических центров и академических институтов ОБСЕ, 2017. Режим доступа: https://osce-network.net/fileadmin/user_upload/publications/OSCE_Confidence_Building_in_ЭЭИ_final.pdf.

Руководство ОБСЕ по мерам укрепления доверия невоенного характера (МД) // Центр предотвращения конфликтов Секретариата ОБСЕ. Операционная служба. – Вена: Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2013. Режим доступа: <https://www.osce.org/secretariat/91082>.

Плиберсек, Таня. «Проблемы без паспортов»: Австралийский прогноз, 19 октября 2015 г. // Австралийский институт международных отношений. Режим доступа: <http://www.internationalaffairs.org.au/australianoutlook/shadow-minister-for-foreign-affairs-the-hon-tanya-plibersek-mp-address-to-the-aiia/>.

Райт, Майкл. Преодоление цикла конфликта - инструментарий ОБСЕ для эволюции // ОБСЕ Insights 2020: Корона, война, кризис лидерства, под ре. Института исследований мира и политики безопасности Гамбургского университета, 1–15. – Гамбург: Номос, 2021. Режим доступа: <https://doi.org/10.5771/9783748922339-03>.

Рюланд, Юрген. Балансирующие компании, многосторонние коммунальные предприятия или разработчики региональной идентичности? Международные отношения и изучение межрегионализма // Журнал европейской общественной политики 17. – Вып. 8. –

2010. – С. 1271–83. Рутледж. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/13501763.2010.513586>.

Шиме, Зане. Многоуровневое управление инновациями и умной специализацией // Baltic TRAM, 2017. Режим доступа: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/-/multi-level-governance-of-innovation-and-smart-specialisation?inheritRedirect=true&redirect=%2Fs3-in-baltic-sea-region>.

Шиме, Зане. Балтика 2030: Глобализированные цели устойчивого развития // Глобальные цели 2020: Международный симпозиум по исследованию ЦУР. – Утрехт, 2020. Режим доступа: https://globalgoalsproject.eu/globalgoals2020/wp-content/uploads/2020/06/GlobalGoals2020_Sime.pdf.

Седербаум, Фредрик. Переосмысление регионализма. – Лондон: Палграв, 2016.

Седербаум, Фредрик и Лук Ван Лангенхов. Введение: ЕС как глобальный игрок и роль межрегионализма // Журнал европейской интеграции 27. – Вып. 3. – 2005. – С. 249–62. Рутледж. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/07036330500190073>.

Тан, см. Сэн. Куда идут люди в сообществе АСЕАН? Перспективы строительства региональных сообществ выше и ниже государства // Регионы и сплоченность 10. – Вып. 3. – 2020. – С. 43–57. Berghahn Journals. Режим доступа: <https://doi.org/10.3167/reco.2020.100306>.

Программа ООН по окружающей среде по изменению климата и международной безопасности. Обзор развития населения 37. – Вып. 3. – 2011. – С. 601–6. JSTOR. Режим доступа: www.jstor.org/stable/23036068.

«Экологические угрозы - это квинтэссенция “проблем без паспортов”», - заявил Генеральный секретарь министрам окружающей среды европейских стран // SG / SM / 6609, 23 июня 1998 г. – Орхус: Организация Объединенных Наций. Режим доступа: <https://www.un.org/press/en/1998/19980623.sgsm6609.html>.

Вольфельд, Моника. Субрегиональное сотрудничество и ОБСЕ // Исследования Юго-Восточной Европы и Черного моря 1. – Вып. 2. – 2001 - С. 86–93. Рутледж. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/14683850108454639>.

Целльнер, Вольфганг. Более эффективное использование ОБСЕ: идеи и рекомендации. – Гамбург: Институт исследований мира и политики безопасности Гамбургского университета, 2020 г. Режим доступа: <https://ifsh.de/en/news-detail/new-report-using-the-osce-more-effectively-ideas-and-recommendations>.

Перезапуск водных отношений в Центральной Азии: перспективы поворота во внешней политике Узбекистана

Кинга Сзалкай¹

Аннотация

«Если они смогут завершить встречу с улыбками и рукопожатиями, а не хмурыми взглядами и обвинениями, это уже будет означать прогресс»,² – написал Брюс Панниер перед Центральноазиатским саммитом 2018 года, прорывом в ранее враждебных водных отношениях региона, и он был прав. Недавние события, связанные с водными ресурсами в Центральной Азии, важны потому, что они происходят после почти десятилетия без инициатив регионального сотрудничества. Однако, выходя за рамки восстановления дипломатического диалога и последовавших многообещающих, но довольно общих заявлений, касающихся водных ресурсов, странам Центральной Азии необходимо взять на себя обязательства по практической реализации предлагаемых совместных рамок. Продолжение регионального диалога по трансграничным водным ресурсам является ключевым элементом в этом, равно как и предотвращение повторной эскалации в ухудшающихся условиях нехватки воды. Тем не менее, расширение практики сотрудничества в регионе, ранее охваченном сильной напряженностью, не обходится без трудностей. Однако использование технических знаний, расширение обмена информацией и реализация проектов по развитию инфраструктуры могут способствовать повышению

¹ При поддержке УНКП-20-4 (ЎНКР-20-4) Новая национальная программа повышения квалификации Министерства инноваций и технологий из источника Национального фонда исследований, разработок и инноваций.

² Панниер, Брюс. Почему данный Центральноазиатский саммит может быть другим // RFE/RL. - 2014. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishlow-ovozi-central-asian-summit-astana/29099148.html>.

сотрудничества до уровня, на котором также может стать возможным пересмотр водного режима Центральной Азии.³

Введение

Центральная Азия уже более двух десятилетий считается одним из наиболее конфликтных регионов мира с точки зрения водных отношений. Однако в последние годы страны региона коллективно отошли от враждебной риторики и эскалации напряженности. Данный значительный поворот в основном можно объяснить усилиями президента Узбекистана Шавката Мирзиёева, который вступил в должность в 2016 году. Поскольку Узбекистан занимает особое положение в середине бассейна Аральского моря, имеет уникально сильную водную взаимозависимость со странами, расположенными выше по течению, и поскольку его враждебное отношение к водным отношениям долгое время было препятствием на пути регионального двустороннего и многостороннего водного сотрудничества, политический поворот Мирзиёева имеет потенциал для перевоплощения в настоящий перелом в региональных водных отношениях.

Реформы Мирзиёева могут способствовать региональному водному сотрудничеству в Центральной Азии в двух основных аспектах: 1) создание благоприятной региональной атмосферы путем расширения дипломатического диалога и общего внутрирегионального сотрудничества; 2) дать пример другим странам Центральной Азии с внутренними водными реформами и развитием инфраструктуры. Зарождающиеся инициативы, связанные с водными ресурсами, являются многообещающими, и за последние несколько лет произошло несколько значимых событий в региональной истории водных отношений. В то же время в Узбекистане проводится комплексная экономическая реформа, которая, как предполагается, окажет значительное влияние на эффективность внутренней водной и энергетической инфраструктуры. Однако, как бы мы ни приветствовали настоящие события, реальным ключом к

³ См.: Бенджамин Поль и соавт. Переосмысление водных ресурсов в Центральной Азии: Издержки бездействия и преимущества сотрудничества в области водных ресурсов. – Берлин: Adelphi и CAREC, 2017. Режим доступа: <https://www.adelphi.de/en/publication/rethinking-water-central-asia>.

долгосрочной экономической и социальной стабильности региона является быстрая и продуманная практическая реализация предлагаемых инициатив.

Справочная информация

Центральная Азия является одним из наиболее дефицитных регионов мира в отношении воды, но этот дефицит не измеряется в абсолютных величинах. Теоретически регион обладает богатыми водными ресурсами, и в настоящее время только Узбекистан сталкивается с нехваткой воды как таковой.⁴ Климат Центральной Азии, как правило, засушливый, и природные водные ресурсы региона крайне неравномерно распределены между странами верхнего течения, расположенными в высокогорьях (Кыргызстан, Таджикистан), и странами нижнего течения, в основном распространяющимися на степные районы и полупустыни (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан), но основным источником водного недостатка является экономическая деятельность человека и проблемы распределения.

В то время как страны нижнего течения используют водные ресурсы для целей сельского хозяйства, что наиболее важно, для орошения, страны верхнего течения заинтересованы в производстве гидроэнергии для удовлетворения своих энергетических потребностей и расширения экспорта электроэнергии. Сельскохозяйственное использование воды сосредоточено вокруг вегетационного периода, когда вода, хранящаяся в резервуарах, высвобождается в большом количестве для целей орошения. Потребление энергии, как правило, велико в холодные месяцы, что также требует увеличения выпуска воды из водохранилищ. Таким образом, данные две цели противоречат друг другу с точки зрения моделей водопользования.⁵ Энергетика является важнейшим эле-

⁴ Согласно показателю Фалькенмарка или «индексу нехватки воды», страна испытывает водный недостаток, если количество возобновляемой воды, доступной в ее районе, падает ниже 1 700 м³ на человека в год. В случае Узбекистана в 2017 году данный показатель составлял 1 531 м³/жителя/год, хотя до 2012 года в Узбекистане данный показатель превышал пороговый показатель в 1 700 м³/жителя/год. (AQUASTAT; Карен Френкен. Ирригация в Центральной Азии в цифрах // Водные отчеты ФАО 39. – Рим: ФАО. ООН, 2013); Режим доступа: <http://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/345588/>.

⁵ Недостаток воды в Центральной Азии // Международная кризисная группа. Отчет по Европе и Центральной Азии №233. – 2014. Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/233-water-pressures-central-asia>, 3.

ментом водных отношений Центральной Азии, поскольку страны, расположенные выше по течению, не имеют значительных источников энергии, кроме гидроэнергии, и их экономическое развитие и внутренняя стабильность во многом зависят от обеспечения достаточных и стабильных поставок энергии. С другой стороны, страны, расположенные ниже по течению, располагают богатыми запасами ископаемого топлива,⁶ которое в советское время служило прочной основой для обмена водой и энергией.⁷

После распада Советского Союза новые независимые страны установили продвинутый режим совместного управления своими трансграничными водными ресурсами, основанный на Алматинском соглашении 1992 года и Нукусской декларации 1995 года, он институционализирован в формах Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), Межгосударственного совета по кризису в бассейне Аральского моря (ICAS) и Международного фонда спасения Арала (МФСА) (последние две организации объединились под названием МФСА в 1999 году). Однако к концу 1990-х годов данный режим утратил как свою практическую и символическую значимость, так и свой авторитет. Последние многосторонние соглашения по использованию водных и энергетических ресурсов в регионе были утверждены примерно в 2000 году, но с уменьшением политической приверженности сторон они в основном превратились в пустые и довольно неэффективные рамки.⁸

Следуя атмосфере сотрудничества 1990-х годов, после 2000 года вода стала предметом столкновения государственных интересов в соперничестве за использование водных ресурсов. Ранее установленные квоты на распределение и бартерные соглашения исчезли, и в целом развивающаяся региональная напряженность, обусловленная процессами государственного и национального строительства, а также экономической конкуренцией, стала до-

⁶ Достоверные запасы сырой нефти: сравнение стран. – 2018. // Центральное разведывательное управление. Всемирный справочник. Режим доступа: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/crude-oil-proved-reserves/country-comparison>.

⁷ Миклин, Филип. Кризис управления водными ресурсами в советской Центральной Азии. – Каламазу: Университет Западного Мичигана, 1989.

⁸ Вундерер, Джулия. Водный режим Центральной Азии как инструмент предотвращения кризисов // Перед лицом глобальных экологических изменений: Концепции экологической, человеческой, энергетической, продовольственной, медицинской и водной безопасности, под ред. Ганс Пюнтер Броч, и соав. – Берлин: Springer-Verlag, 2009.

минировать и в водных отношениях. Поскольку страны, расположенные ниже по течению, отказались от поставок относительно дешевых источников энергии для стран, расположенных выше по течению, последние в ответ начали использовать свои гидроэнергетические мощности в одностороннем порядке, что изменило структуру водопользования, повлияв на количество воды, поступающей в страны, расположенные ниже по течению.⁹ Страны, расположенные выше по течению, также приступили к строительству крупных систем плотин, что было воспринято как значительная угроза для стран, расположенных ниже по течению, опасаящихся увеличения сезонного дефицита, наводнений и стратегической уязвимости, также связанных с их экономическими потребностями и перспективами развития.

Региональные последствия совместного внешнеполитического поворота Узбекистана

Самый холодный момент в отношениях Центральной Азии по водным ресурсам произошел в 2012 году, когда действующий президент Узбекистана того времени, Ислам Каримов, заявил, что «всё это может ухудшиться до такой степени, что результатом может стать не только серьезная конфронтация, но даже войны»¹⁰. Каримов, как лидер страны, расположенной ниже по течению, в значительной степени опирающейся на орошаемое земледелие, был самым яростным противником планов развития гидроэнергетики в верхнем течении, постоянно выдвигая против них возражения и пытаясь использовать все доступные средства, от враждебной риторики до железнодорожных блокад, чтобы предотвратить их продолжение.¹¹ Позиция Узбекистана стала наиболее существенным препятствием для регионального диалога по вопросам управления водными ресурсами. Последующее отсутствие связи и координа-

⁹ Недостаток воды в Центральной Азии // Международная кризисная группа. – С. 3.

¹⁰ Нуршаева, Раушан. Узбекский лидер предупреждает о водных спорах в Центральной Азии // Reuters, 2012. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/centralasia-water-idUSL6E8K793I20120907>.

¹¹ Юсуф Махмедов, Мамурджон Мадмусоев, Сухроб Таваров. *Водные и энергетические споры между Таджикистаном и Узбекистаном и их негативное влияние на региональное сотрудничество* // NUPI – RUSHD NGO, Таджикистан, 2012. Режим доступа: <https://nupi.brage.unit.no/nupi-xmlui/bitstream/handle/11250/2663666/Makhmedov%20FINAL%20cover.pdf>.

ции в сочетании с другими источниками напряженности привело к возникновению атмосферы недоверия и враждебности – не только в водном секторе, но и в общих дипломатических отношениях.

Однако в 2016 году президентом Узбекистана стал Шавкат Мирзиёев, и изменения, которые он внес во внешнюю политику страны, привели к неожиданным изменениям в водных отношениях. В первые годы своего президентства Мирзиёев инициировал многочисленные встречи на высоком уровне со своими коллегами в регионе, подписал несколько совместных заявлений и соглашений как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях и предложил различные совместные инициативы в области развития. Поскольку отношения между Узбекистаном и его соседями были довольно холодными при президентстве Каримова, визиты Мирзиёева в Душанбе, Бишкек и Ашхабад и последующее восстановление дипломатического диалога имеют большое символическое значение. Ряд заявлений, соглашений и предлагаемых совместных инициатив свидетельствуют о приверженности Мирзиёева созданию благоприятной атмосферы для развития внутри-регионального сотрудничества и экономических связей, основанных на доверии, общении и совместно скоординированных проектах. Его сосредоточенные дипломатические усилия включали значительные шаги в отношении водных вопросов, полностью изменившие враждебный тон водных отношений в Центральной Азии.¹²

Мирзиёев использовал свое выступление на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций в 2017 году, чтобы прояснить свою точку зрения по водным вопросам, заявив: «Мы полностью разделяем позицию Генерального секретаря ООН о том, что “проблемы воды, мира и безопасности неразрывно связаны” (...) нет альтернативы решению водной проблемы, кроме как в равной степени учитывать интересы стран и народов региона».¹³ Он следовал данному подходу при решении наиболее чувствительных вопросов, связанных с водными ресурсами в Центральной Азии, а именно, при продолжении двух давно обсужденных проектов

¹² Путц, Кэтрин. Узбекистан меняет тон Рогуна // *Дипломат*, 2017. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/07/uzbekistans-changing-rogun-tone/>.

¹³ Выступление Его Превосходительства г-на Шавката Мирзиёева, Президента Республики Узбекистан на ГА ООН-72. 19 сентября 2017, Режим доступа: https://www.un.int/uzbekistan/statements_speeches/address-he-mr-shavkat-mirziyoyev-president-republic-uzbekistan-unga-72.

гидроэлектростанций в верхнем течении, систем плотин Рогун (Таджикистан) и Камбар-Ата I (Кыргызстан). В 2017 году Узбекистан неожиданно выразил свою поддержку этим проектам при условии, что будут приняты во внимание соответствующие Конвенции ООН и интересы Узбекистана. Данный шаг был воспринят в регионе с большим удивлением, особенно когда Мирзиёев заявил, что Узбекистан готов принять участие в строительных работах по обоим проектам.¹⁴ Дипломатическая оттепель, похоже, имеет свои ощутимые результаты и за пределами знаковых проектов Рогуна и Камбар-аты. Например, в январе 2020 года Узбекистан и Таджикистан начали переговоры о совместном строительстве двух гидроэлектростанций в Таджикистане.¹⁵

В марте 2018 года в Астане состоялся саммит с участием президентов Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, а также делегации Туркменистана во главе с председателем парламента. Это была первая по-настоящему региональная президентская встреча с 2009 года и шестая с момента распада Советского Союза. В августе лидеры стран Центральной Азии провели еще один саммит в рамках Международного фонда спасения Арала (МФСА), на котором также присутствовал Президент Туркменистана. Спустя почти десятилетие главные лица, принимающие решения в регионе, имели возможность лично обсудить свое видение регионального управления водными ресурсами, публично взяв на себя обязательство принимать мирные и совместные решения. Учитывая уровень предыдущей напряженности и быстроту смены тона водной дипломатии, этим встречам на высоком уровне придается особое и важное значение: они указывают и подчеркивают политическую волю государств Центральной Азии к возобновлению политического диалога по водному сотрудничеству, что является неизбежным предварительным условием для любых практических разработок.

¹⁴ Узбекистан отказывается от возражений против гигантского таджикского гидропроекта // *Reuters*, 2018. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/tajikistan-uzbekistan-hydro-idUSL5N1QR4CD>; Умида Хашимова. Узбекистан и Кыргызстан берут на себя решение своих водных споров // *Ежедневный мониторинг Евразии* 14. – №. 131. – 2017. Режим доступа: <https://jamestown.org/program/uzbekistan-kyrgyzstan-undertake-resolving-water-disputes>.

¹⁵ Узбекистан и Таджикистан обсуждают строительство двух ГЭС за \$552 млн // *Gazeta.uz*, 2020. Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/28/energy/>.

Не существует общего решения трансграничных водных проблем без совместного решения энергетических проблем, и открытость Мирзиёева во внешней политике также хорошо служит данной цели. После нормализации региональных отношений также обсуждались планы по переосмыслению некогда единой энергосистемы Центральной Азии, в основном на двусторонних встречах.¹⁶ Приверженность Мирзиёева водным вопросам также отражена в его систематических и структурных инициативах по внутренним реформам. Его сельскохозяйственные реформы не только направлены на диверсификацию зависимости Узбекистана от водо-интенсивного производства хлопка, но также включают шаги по устранению социальных зависимостей, связанных с «белым золотом», которые также способствуют неэффективности сельскохозяйственной практики и часто осуждаются защитниками прав человека. Предпринимаются попытки повысить эффективность использования воды при орошении, а также составляется государственная программа развития региона Приаралья.¹⁷

Проблемы, препятствующие недавним достижениям в области сотрудничества

Хотя недавний поворот к сотрудничеству в водных отношениях Центральной Азии, похоже, продвигается убедительными темпами, меняющиеся условия нехватки воды могут изменить эту тенденцию. Учитывая, что нехватка воды в регионе в основном вызвана человеческим фактором, демографические тенденции предсказывают растущую нагрузку на водные ресурсы. В Центральной Азии наблюдается очень быстрый рост населения. В 2000 году численность населения региона составляла 56 миллионов человек, в то время, как только восемнадцать лет спустя она достигла 72 миллионов. По оценкам IIASA, к 2100 году численность жителей Центральной Азии может увеличиться до 95 миллионов.¹⁸ Это оз-

¹⁶ Панныер, Брюс. Это начало регионального сотрудничества в Центральной Азии? // *RFE/RL* (2017). Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-uzbekistan-mirziyaev-neighbors-cooperation/28506666.html>.

¹⁷ Алимджанов, Бахтиер. Водный сектор Узбекистана: экологические и управленческие проблемы // *Центральноазиатское бюро аналитической отчетности (2020)*. Режим доступа: <https://cabar.asia/en/uzbekistan-s-water-sector-environmental-and-managerial-issues>.

¹⁸ Стронски, Пол и Занка, Рассел. Грядущие социальные изменения в Центральной Азии // *Carnegie*, 2019. Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/10/18/societal-change-afoot-in-central-asia-pub-80086>.

начает не только значительное увеличение потребления воды, но и рост сельскохозяйственного и промышленного производства. Как следствие, ожидается, что и без того сложные проблемы регионального распределения водных ресурсов и использования энергии станут еще более сложными.

Между тем, ожидается, что ускоряющиеся темпы изменения климата в Центральной Азии также увеличат нехватку воды уже в краткосрочной перспективе. Согласно прогнозам Всемирного банка, в ближайшие десятилетия средняя температура может повыситься на 6°C. Это ухудшает ситуацию с ледниками, питающими реки региона, и, по прогнозам, одна треть из них может растаять до 2050 года.¹⁹ Перемены климата также меняют время максимального стока ключевых рек, которые, как ожидается, сместятся к весне, в то время как в летний вегетационный период те же реки будут нести на 25% меньше воды.²⁰ Повышение температуры, тем временем, увеличит спрос на орошение на 30% при одновременном снижении урожайности такими же экстремальными темпами.²¹ Как следствие, ожидается, что ситуация в сельском хозяйстве быстро ухудшится. Учитывая, что 30% рабочей силы Центральной Азии активно работает в данном секторе, это может иметь разрушительные последствия.²² Более того, экстремальные погодные условия, которые могут привести к стихийным бедствиям, таким как засуха, наводнения или лавины, уже случаются чаще, чем раньше, что ложится дополнительным бременем на и без того напряженную экономику региона.²³ В подобных ухудшающихся обстоятельствах подходы «как обычно» не являются устойчивыми и нынешние достижения дипломатических инициатив Мирзиёева вскоре могут затмиться негативными последствиями демографических тенден-

¹⁹ Прогнозирование устойчивости: Центральная Азия укрепляет климатические и погодные службы, (2018)/ Всемирный банк. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2018/03/23/forecasting-for-resilience-central-asia-strengthens-climate-and-weather-services>.

²⁰ *Убавьте жару: Противостояние новой климатической норме: Климатический вызов для Центральной Азии* // Вашингтон, ДС: Группа Всемирного банка, 2015. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/294131467991967756/The-climate-challenge-for-Central-Asia>.

²¹ *Убавьте жару ...* / Всемирный банк / «Вещание...» онлайн-трансляция

²² Всемирный банк, «Вещание...» онлайн-трансляция

²³ Джейкоб Гранит и соавторы. *Региональный отчет о разведке водных ресурсов – Центральная Азия: Базовый отчет*. Отчет по заказу ПРООН – Фонд управления водными ресурсами SIWI. – Стокгольм: SIWI, 2010. Режим доступа: <https://www.watervgovernance.org/resources/regional-water-intelligence-report-central-asia/>, 26–27.

ций и изменения климата для нехватки воды. С другой стороны, тот факт, что внутрирегиональные отношения в Центральной Азии в настоящее время находятся в стадии развития, не означает, что источники напряженности полностью устранены. В описанных выше условиях растущего дефицита воды прежняя напряженность может вновь обостриться, поставив под угрозу недавние достижения дипломатии.

Заключение

Чтобы реализовать потенциал влияния совместного внешнеполитического курса Узбекистана на восстановление региональных водных отношений, странам Центральной Азии необходимо выйти за рамки многообещающих, но довольно общих совместных форумов и заявлений своих лидеров, касающихся водных ресурсов. Правительствам региона необходимо совместно взять на себя обязательство по устранению экономических последствий демографических проблем и изменения климата, используя расширенное региональное сотрудничество для предотвращения эскалации долгосрочных экономических и социальных дестабилизирующих процессов, связанных с водными ресурсами.

Реальными ключами к долгосрочной стабильности региона являются: 1) быстрая и продуманная реализация недавно предложенных инициатив в форме непосредственных обязательств на техническом уровне и 2) продолжение дипломатического диалога на самом высоком политическом уровне; вовлечение широкого круга заинтересованных сторон с целью поиска наиболее эффективных решений на обоих уровнях и с учетом возможности полного структурного изменения региональных водных отношений с переговорами о заполнении пустых институциональных рамок водного режима Центральной Азии.

Рекомендации

- *Продолжение дипломатических усилий и принятие твердых обязательств.* Дипломатические встречи на высоком уровне являются символической гарантией сотрудничества, демонстрируя политическую волю к решению водных проблем на региональном уровне. Диалог между лидерами государств открывает пространство для выражения интересов, обсуждения существующих трудностей в региональных отношениях, обсуждения рисков, возможностей и потенциалов, а также обсуждения перспектив сотрудничества как на межгосударственном, так и на региональном уровнях. Однако правительствам стран Центральной Азии также необходимо взять на себя твердые обязательства по практической реализации предлагаемых ими совместных инициатив.
- *Управление растущим дефицитом воды, предотвращение повторного увеличения.* В ухудшающихся условиях изменения климата напряженность, скорее всего, вновь может возникнуть. Крайне важно внимательно отслеживать тенденции, которые указывают на такие перспективы, и оперативно реагировать на них, предпочтительно совместными усилиями, для повышения эффективности систем управления водными ресурсами и энергетики, а также для смягчения последствий изменения климата с помощью устойчивых и экономически выгодных решений.
- *Опираясь на технические знания, обмениваясь информацией, укрепляя доверие.* В процессе реализации предлагаемых инициатив решающее значение имеет создание или расширение совместных систем обмена информацией, мониторинга и раннего предупреждения. Повышение прозрачности также способствует укреплению доверия и уверенности. В рамках технического сотрудничества могут также обсуждаться правила распределения водных ресурсов и совместные инфраструктурные проекты, адаптированные к текущим потребностям.
- *Внутренние реформы, связанные с водными ресурсами, и развитие инфраструктуры.* Чтобы превратить результаты соответствующих реформ в Узбекистане в «лучшие практики» для

региона, необходимо прозрачно отслеживать и документировать реализацию подобных реформ, а также распространять результаты и выводы процессов среди соответствующих научных учреждений, академических сообществ и форумов по выработке политики в регионе. Помимо обмена передовым опытом, целесообразно более тесное сотрудничество, даже в форме многосторонних региональных планов развития и соответствующих инициатив по совместному осуществлению.

- *Переосмысление регионального водного режима.* Краеугольным камнем комплексного управления водными ресурсами региона является совместный режим, основанный на функционирующих и заслуживающих доверия региональных соглашениях и институтах. Начиная с недавнего поворота к сотрудничеству в государственных отношениях, следует тщательно изучить и обсудить возможности активизации существующих, но едва функционирующих соглашений и институтов в их пересмотренных формах, адаптированных к текущим потребностям и интересам государств-членов, с учетом мнений широкого круга соответствующих заинтересованных сторон.

Источники

Выступление Его Превосходительства г-на Шавката Мирзиёева, Президента Республики Узбекистан на ГА ООН-72. 19 сентября 2017. Режим доступа: https://www.un.int/uzbekistan/statements_speeches/address-he-mr-shavkat-mirziyoyev-president-republic-uzbekistan-unga-72.

Алимджанов, Бахтиер. Водный сектор Узбекистана: экологические и управленческие проблемы // *Центральноазиатское бюро аналитической отчетности*, 2020. Режим доступа: <https://cabar.asia/en/uzbekistan-s-water-sector-environmental-and-managerial-issues>.

Достоверные запасы сырой нефти: сравнение стран (2018) // Центральное разведывательное управление, Всемирный справочник. Режим доступа: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/field/crude-oil-proved-reserves/country-comparison>.

Френкен, Карен. *Ирригация в Центральной Азии в цифрах* // Водные отчеты ФАО 39. – Рим: ФАО ООН, 2013). Режим доступа: <http://www.fao.org/family-farming/detail/en/c/345588/>.

Узбекистан и Таджикистан обсуждают строительство двух ГЭС за \$552 млн // *Gazeta.uz* (2020). Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/01/28/energy/>.

Гранит, Джейкоб, Андерс Егерског, Ребекка Лефгрен, Энди Буллок, Джордж де Гойер, Стюарт Петтигрю и Андреас Линдстрем. *Региональный отчет о разведке водных ресурсов Центральная Азия: Базовый отчет* // Отчет о региональной разведке водных ресурсов № 15. Отчет, подготовленный по заказу Фонда управления водными ресурсами ПРООН-СИВИ. – Стокгольм: СИВИ, 2010. Режим доступа: <https://www.watergovernance.org/resources/regional-water-intelligence-report-central-asia/>.

Хашимова, Умида. Узбекистан и Кыргызстан берут на себя решение своих водных споров // *Ежедневный мониторинг Евразии* 14. – №. 131. – 2017. Режим доступа: <https://jamestown.org/program/uzbekistan-kyrgyzstan-undertake-resolving-water-disputes>.

Недостаток воды в Центральной Азии // *Отчет по Европе и Центральной Азии* № 233 (2014) // Международная кризисная группа. Режим доступа: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/central-asia/233-water-pressures-central-asia>.

Махмедов Юсуф, Мамурджон Мадмусоев, Сухроб Таваров. *Водные и энергетические споры между Таджикистаном и Узбекистаном и их негативное влияние на региональное сотрудничество* // NUPI – RUSHD NGO, Таджикистан (2012). Режим доступа: <https://nupi.brage.unit.no/nupi-xmlui/bitstream/handle/11250/2663666/Makhmedov%20FINAL%20cover.pdf>.

Филип Миклин. Кризис управления водными ресурсами в Советской Центральной Азии // Каламазу: Университет Западного Мичигана, 1989.

Нуршаева, Раушан. *Узбекский лидер предупреждает о водных спорах в Центральной Азии* // *Reuters*, 2012. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/centralasia-water-idUSL6E8K793I20120907>.

Панниер, Брюс. Это начало регионального сотрудничества в Центральной Азии? RFE/RL, 2017. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishloq-ovozi-uzbekistan-mirziyayev-neighbors-cooperation/28506666.html>.

Панниер, Брюс. Почему данный Центральноазиатский саммит может быть другим // RFE/RL, 2014. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/qishlow-ovozi-central-asian-summit-astana/29099148.html>.

Поль, Бенджамин, Анника Крамер, Уильям Хилл, Сабина Блюшштейн, Искандар Абдуллаев, Джусипбек Казбеков, Таис Резникова, Екатерина Стрикелева, Эдуард Интервис и Стефан Герлиц. *Переосмысление водных ресурсов в Центральной Азии: Издержки бездействия и преимущества сотрудничества в области водных ресурсов*. – Берлин: Адельфи и ЦАРЭС, 2017. Режим доступа: <https://www.adelphi.de/en/publication/rethinking-water-central-asia>.

Путц, Кэтрин. Узбекистан меняет тон Рогуна // *Дипломат*, 2017. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/07/uzbekistans-changing-rogun-tone/>.

Узбекистан отказывается от возражений против гигантского таджикского гидропроекта // *Reuters*, 2018. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/tajikistan-uzbekistan-hydro-idUSL5N1QR4CD>.

Пол Стронски и Рассел Занка. Грядущие социальные изменения в Центральной Азии // *Carnegie*, 2019. Режим доступа: <https://carnegieendowment.org/2019/10/18/societal-change-a-foot-in-central-asia-pub-80086>.

Прогнозирование устойчивости: Центральная Азия укрепляет климатические и погодные службы (2018). // Всемирный банк. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2018/03/23/forecasting-for-resilience-central-asia-strengthens-climate-and-weather-services>.

Убавьте жару: Противостояние новой климатической норме: Климатический вызов для Центральной Азии. – Вашингтон, ДС: Группа всемирного банка, 2015. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/294131467991967756/The-climate-challenge-for-Central-Asia>.

Вундерер, Джулия. Водный режим Центральной Азии как инструмент предотвращения кризисов // *Перед лицом глобальных экологических изменений: Концепции экологической, человеческой, энергетической, продовольственной, медицинской и водной безопасности*, под ред. Ганс Гюнтер Броч, и соавторы – Берлин: Springer-Verlag, 2009.

**Обучение, работа,
коммуникации**

- 161** **Эрик Варпаховскис**
Транснациональные высшие учебные заведения в Центральной Азии
- 177** **Дмитрий Ерохин**
Сравнительный анализ цифрового развития в странах Центральной Азии
- 196** **Нодира Холматова**
Непредсказуемость транснациональной миграции и пандемия COVID-19: Решение проблемы возвратной миграции женщин в Кыргызстане и Таджикистане
- 208** **Нина Михольчич**
COVID-19 и миграционная неопределенность в Кыргызстане: Уехать или остаться и зарабатывать?

Транснациональные высшие учебные заведения в Центральной Азии

Эрик Варпаховскис

Аннотация

Обретение Центральной Азией независимости потребовало адаптации систем высшего образования, первоначально предназначенных для подготовки государственных кадров, к новым реалиям свободного рынка и глобализации. Транснациональные высшие учебные заведения (ТНВУЗ) – учреждения, которые предоставляют услуги высшего образования и присуждают степени о высшем образовании либо в зарубежных учебных заведениях, либо с помощью зарубежных педагогических систем, – находятся в авангарде реформ. Возможно, в регионе наблюдается «бум» ТНВУЗ: по состоянию на 2021 год в пяти республиках Центральной Азии насчитывается по меньшей мере 67 ТНВУЗ. Однако под поверхностью этого факта скрываются многочисленные проблемы, поскольку ТНВУЗ борются за то, чтобы поддерживать свои возможности и предоставлять качественное образование, в то время как местные органы власти проводят противоречивые стратегии, которые усложняют ситуацию.

Введение

Конец коммунизма разрушил не только Советский Союз, но и советскую модель высшего образования (ВО). Центральноазиатские республики Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан были вынуждены перепроектировать свои национальные системы высшего образования, чтобы адаптироваться к новым экономическим и социальным реалиям.¹ На протяжении многих лет интернационализация стала ключевым вектором их усилий по реформированию. Болонский процесс осуществлялся урывками, и до недавнего создания Центральноазиатского про-

странства высшего образования (ЦАПВО) координация в масштабах всего региона отсутствовала.² Многие центральноазиатские высшие учебные заведения (ВУЗы) в настоящее время предлагают широкий спектр степеней советской эпохи и западного образца, а также программы студенческой мобильности и академическое сотрудничество с западными и азиатскими коллегами. Важно отметить, что также наблюдается рост числа транснациональных высших учебных заведений (ТНВУЗ), а именно учреждений, которые предоставляют услуги высшего образования и присуждают дипломы о высшем образовании либо в зарубежных учебных заведениях, либо через зарубежные педагогические системы.

ТНВУЗ – это сложное явление. Они могут одновременно быть успешной формой заместительного развития и инициатором реформ в системе высшего образования принимающей страны, но в то же время истощать тот же самый внутренний человеческий капитал, который они призваны развивать. Они также могут служить источниками иностранного влияния, реальными или предполагаемыми, доброкачественными или злокачественными.³ Они могут принести столь необходимые технологии и обучить необходимые таланты, не говоря уже о легитимности для принимающей страны, но они также могут разрушить внутренние ценности и идеологии, а также поставить в неловкое положение отечественные вузы, разоблачая низкое качество и даже коррупцию. В зависимости от характера и силы их связи с зарубежной страной, они также мо-

¹ Смоленцева, Анна, Хюисман, Йерун и Фрумин, Исак. Трансформация институционального ландшафта высшего образования в постсоветских странах: от советской модели к чему? // *25 лет преобразований систем высшего образования в постсоветских странах*. – Пэлгрейв Макмиллан: Чам, 2018. – С. 1-43.

² Сабзалиева, Эмма. Создание Центрально-азиатского пространства высшего образования / Профессиональный блог, последнее изменение: 26 июля 2021 года, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://emmasabzalieva.com/2021/07/06/creating-a-central-asian-higher-education-area/>; Сабзалиева, Эмма. Болонский процесс в Центральной Азии / Профессиональный блог, последнее изменение: 6 июня 2019 года, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://emmasabzalieva.com/2019/06/06/the-bologna-process-in-central-asia/>.

³ Андерсон, Бенедикт. *Воображаемые сообщества: Размышления о происхождении и распространении национализма*. Verso books, 2006; Войцук, Анна и Гурни, Антони. *Империи знаний в международных отношениях: Образование и наука как источники власти для государства*. – Routledge, 2018; Думчювиене, Дайва. Влияние политики в области образования на экономическое развитие страны // *Procedia: Социальные и поведенческие науки* – Вып. 191. – 2015. – С. 2427-2436; Абимбола, Сейе, Амазан, Роуз, Винзтин, Павле, Хоуи, Лиэнн, Камминг, Роберт, и Негин, Джоэл. Австралийские стипендии высшего образования как инструменты международного развития и дипломатии в Африке // *Австралийский журнал международных отношений* – Том70, вып. 2. – 2016. С. 105-120.

гут служить инструментами дипломатии.⁴ По всем этим причинам ТНВУЗы являются не только вектором кадровой реформы, но и вектором внутренней политики и международных отношений, что делает важным изучение их присутствия в регионе, а также стратегий правительств Центральной Азии по борьбе с ними.

Определение ТНВУЗ

Разработка правильного определения и таксономии ТНВУЗ чрезвычайно сложна.⁵ В данном исследовании используется широкое определение, согласно которому «транснациональный» (ТН) компонент относится к одному или обоим из двух факторов:

- *Институционный*: Если владение и/или управление разработаны и контролируются гражданами и/или организациями из другой страны.
- *Педагогические*: Если язык обучения, философия образования, учебные материалы и разработки, по крайней мере частично, являются иностранными по своей природе.

Что касается «высшего учебного заведения» (ВУЗа), то под ним понимаются организации, предоставляющие услуги в области высшего и послевузовского образования и присуждающие высшие учебные степени, будь то советской эпохи (т. е. «специалист», «кандидат наук», «доктор наук») или западного образца (т. е. «бакалавр», «магистр», «доктор наук»). В данном анализе не предпринималось активных попыток включить колледжи (про-

⁴ Атир Абдулла Мохаммед, Абдул Хафиз-Байг и Радж Гурураджан, Управление талантами как основной источник инноваций и социального развития в высшем образовании // *Инновации в высшем образовании: Примеры трансформации и продвижения практики*. - Лондон: IntechOpen, 2018 - С. 1-31; Расмус Г. Бертельсен. Частные зарубежные университеты, государство и мягкая сила: Американский университет Бейрута и Американский университет в Каире // *Анализ внешней политики*. - Том 8. - Вып. 3. - 2012. - С. 293-311.

⁵ Найт, Джейн. Транснациональное образование перестроено: к общей структуре и определениям ТНО // *Журнал исследований в области международного образования*. - Том 20. - Вып. 1. - 2016. - С. 34-47; Уилкинс, Стивен. Определения транснационального высшего образования // *Международное высшее образование*. - Вып. 95. - 2018. - С. 5-7.

фессиональные колледжи), хотя, возможно, такие учреждения пересекаются с высшим образованием.⁶

ТНВУЗы в Центральной Азии

В соответствии с приведенным выше определением и согласно официальным правительственным источникам, а также базам данных и другим данным, полученным с веб-сайтов университетов, источников новостей и академических статей, в настоящее время в Центральной Азии действует 67 ТНВУЗ. Они могут быть разбиты по странам:

Общее количество ТНВУЗов внутри страны

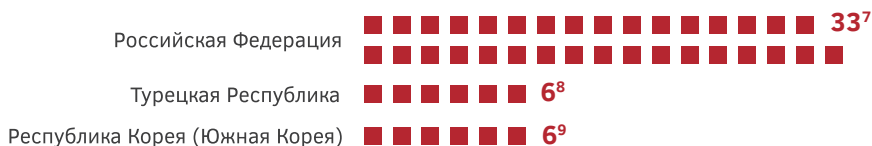

В Туркменистане ранее было два ТНВУЗа, которые на момент написания настоящей статьи либо были закрыты, либо, скорее всего, уже закрываются: филиал Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина и Международный туркмено-турецкий университет. Расчеты для Кыргызстана и Таджикистана включают Академию ОБСЕ в Кыргызстане и Университет Центральной Азии (УЦА) соответственно. УЦА имеет офисы и кампусы в Кыргызстане и Таджикистане (и намерен открыть кампус

⁶ В данной статье также не предпринимались активные попытки включить ВУЗы, которые были созданы правительствами стран Центральной Азии с «международным» именем и которые активно набирают сотрудников из-за пределов региона, например, Международный университет туризма Шелкового пути в Самарканде (Узбекистан), Международный туркменский университет гуманитарных наук и развития в Ашхабаде (Туркменистан) и Международный университет Кыргызстана (МУК) в Бишкеке. Их исключение связано с тем фактом, что институционально и педагогически они явно являются «коренными», или «домашними» по своей природе.

в Казахстане). Ни у кого из них нет зарубежной страны и/или родительского вуза. Академия ОБСЕ связана с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и поддерживается ею, в то время как УЦА связан с Сетью развития Ага Хана и спонсируется Ага Ханом, духовным лидером мусульманской общины Низари исмаилитов.

Аффилированная страна к общему числу ТНВУЗов в Центральной Азии

⁷ Казахстан (7): Казахстанско-Российский медицинский университет; Челябинский государственный университет; Казахстанский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов; Университет синергии; филиал Московского авиационного института «Восход»; Московский государственный университет экономики, статистики и информационных технологий. Кыргызстан (9): Кыргызско-Российский Славянский университет; Московский государственный социальный университет; Кыргызско-Российская академия образования; Международный Славянский институт; Российский государственный торгово-экономический университет (в настоящее время принадлежит Экономическому университету имени Плеханова); Международный университет инновационных технологий (включает Кыргызско-Российский институт автоматизации управления бизнесом); Российский государственный социальный университет; Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д. Ф. Устинова; Московский институт предпринимательства и права. Таджикистан (3): Российско-Таджикский Славянский университет; Московский государственный университет; Московский энергетический университет. Узбекистан (14): Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова; Московский государственный университет; Российский государственный университет нефти и газа; Национальный научно-технический университет «МИСиС»; Всероссийский государственный университет кинематографии (ВГИК); Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ (Московский инженерно-физический институт); Московский государственный институт международных отношений (МГИМО); Московский энергетический университет в Ташкенте; Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева; Российский государственный университет им. Косыгина; Астраханский государственный технический университет; Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма; Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Пирогова; Уральская государственная медицинская академия.

⁸ Казахстан (3): Университет Ахмета Есеви; Таразский инновационно-гуманитарный университет, Университет Сулеймана Демиреля. Кыргызстан (3): Международный университет имени Токтомаматова; Кыргызско-Турецкий университет «Манас»; Международный университет Ала-Тоо.

⁹ Узбекистан (6): Университет Инха; Университет Пучхон; Технический институт Йеоджу в Ташкенте; Корейский Международный университет в Фергане; Университет АКФА в Ташкенте; Университет Аджу в Ташкенте.

ождается, что к 2025 году в Казахстане будет размещено пять кампусов университетов мирового класса,²⁰ УЦА, как ожидается, откроет свой долгожданный третий кампус в Текели в 2022 году. Между тем, Узбекистан планирует разместить филиалы университетов из России, Китая, Малайзии, Венгрии, Турции и Южной Кореи.²¹ Кроме того, Узбекистан и Таджикистан выразили намерение открыть совместное высшее учебное заведение в Худжанде, Таджикистан.

Учитывая это, важно отметить, что контроль качества ТНВУЗов был серьезной проблемой в Центральной Азии. Примером может служить Московский институт предпринимательства и права (также известный под русской аббревиатурой МИПП). МИПП – частный вуз с головным офисом в Москве, который управляет филиалами в Кыргызстане.²² ВУЗ создан частной компанией,²³ значительная часть его программ, по-видимому, преподается в Кыргызстане

²⁰ Карина, Дана. К 2025 году в Казахстане откроются кампусы пяти ведущих зарубежных вузов // InBusiness.kz, последние изменения: 11 марта 2021; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/last/k-2025-godu-v-kazhastane-otkroyutsya-kampusy-5-vedushih-zarubezhnyh-vuzov>.

²¹ В Узбекистане открываются филиалы еще трех российских вузов: список // *Спутник*, последние изменения: 10 февраля 2020; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/20200210/V-Uzbekistane-otkroyutsya-filialy-eschetreh-rossiyskikh-vuzov--Minobrnauki-RF-13433214.html>; Китайский университет традиционной медицины откроет свой филиал в Узбекистане // *Kun.uz*, последние изменения: 25 августа 2020; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://kun.uz/en/news/2020/08/25/chinese-university-of-traditional-medicine-to-open-its-branch-in-uzbekistan>; Частный университет Малайзии намерен открыть филиал в Хорезме // *Kun.uz*, последние изменения: 5 октября 2019; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://kun.uz/en/news/2019/10/05/private-university-of-malaysia-intends-to-open-a-branch-in-khorezm>; Дебреценский университет открывает новый кампус в Узбекистане // *The Debreceen Sun*, последние изменения: 18 февраля 2021; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.debreceensun.hu/uni/2021/02/18/the-university-of-debreceen-is-opening-a-new-campus-in-uzbekistan/>; В Узбекистане откроется филиал Женского университета Киунг-ин // *Uz Daily*, последние изменения: 22 апреля 2019; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/en/post/49352>.

²² В Худжанде открывают новый таджикско-узбекский университет // *Спутник*, последние изменения: 5 февраля 2021; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20210205/tajiksko-uzbekskiy-universitet-1032766122.html>.

²³ Московский институт предпринимательства и права. «Документ о регистрации» /сайт ВУЗа, последние изменения: 11 апреля 2018; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://mipp.ru/pdf/Устав от 19.02.2018 г.pdf>.

²⁴ Московский институт предпринимательства и права. Таблица операций, филиалов и т.д., дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://mipp.ru/about/International-activities/international-department/index.html>; Государственная регистрация Образовательного учреждения «Ошский филиал автономной некоммерческой организации высшего образования "Московский институт предпринимательства и права"». /Корпоративный сайт, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://map.obrnadzor.gov.ru/application/university/view/4101>.

через «некоммерческий» филиал в Оше.²⁴ Как свидетельствует его шокирующе низкий академический рейтинг – 17 464 в мире и 538 в России,²⁵ – трудно представить, как головной офис или принимающая страна могут регулировать такую организацию, чтобы гарантировать, что студенты получают нечто, достойное денег за оплату обучения, или, что еще хуже, гарантировать, что МИПП не является «фабрикой дипломов», то есть мошенническим вузом, который предоставляет незаконные полномочия за плату.²⁶

Стратегии Центральной Азии в отношении ТНВУЗов

Государства Центральной Азии придерживаются двух широких стратегий в отношении ТНВУЗов: изоляционизм и активное гостеприимство. Изоляционизм наблюдается в Туркменистане и Таджикистане, в то время как активное гостеприимство наблюдается в Казахстане и Кыргызстане. Узбекистан когда-то придерживался изоляционизма, но сегодня активно приветствует ТНВУЗы до такой степени, что потенциально может стать центром ВО Центральной Азии.

Данные стратегии не являются монолитными. Например, Таджикистан допускает некоторые редкие исключения, в частности, для российских ВУЗов (с 1996 года) и УЦА (с 2017 года).²⁷ В то время как Кыргызстан хорошо известен, даже печально известен своей крайней распушенностью, Казахстан и Узбекистан, как правило, довольно строги, несмотря на гостеприимство.

Хотя изоляционизм может нанести ущерб системе высшего образования и человеческому капиталу страны, есть несколько при-

²⁵ Рейтинг веб-сайтов университетов. Домашняя страница. Корпоративный веб-сайт, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.webometrics.info/en/detalles/mipp.ru>.

²⁶ Объективно говоря, МИПП – далеко не единственное учреждение, которое можно обвинить в мошенничестве. См.: Триллин, Дэвид. Кыргызстан: Индийские студенты-медики попали на фабрику дипломов? // *EurasiaNet.org*, последние изменения: 6 декабря 2011; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-indian-medical-students-caught-in-diploma-mill>.

²⁷ Алан Дж. Дейунг, Зумрад Катаева и Дилрабо Джонбекова. Высшее образование в Таджикистане: институциональный ландшафт и ключевые изменения в политике // *25 лет преобразований систем высшего образования в постсоветских странах*. – Пэлгрейв Макмиллан: Чам, 2018. – С. 363-385.

чин, по которым правительство Центральной Азии может выбрать его. Они стремятся предотвратить, например, распространение религии и религиозную радикализацию молодежи, предотвратить разрушение национальных ценностей или государственных идеологий и/или «утечку мозгов», поскольку они способствуют эмиграции своих выпускников в зарубежные страны.²⁸ Проблема религиозной радикализации особенно актуальна для Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, поскольку данные страны граничат с Афганистаном, который находится в состоянии мятежа, развязанного исламскими радикалами.

Активно приветствуя создание ТНВУЗов, правительство Центральной Азии может стимулировать не только интернационализацию своей внутренней системы высшего образования, но и подготовку высококвалифицированных кадров для международных и национальных проектов, конкуренцию между отечественными ВУЗами (тем самым стимулируя повышение качества образования) и приобретение ранее недоступных технологий.²⁹ Повышение национального самосознания в сочетании с позитивными связями с общественностью за рубежом и, таким образом, привлечение прямых иностранных инвестиций также возможны.

Несмотря на положительные стороны, активное приветствие ТНВУЗов создает новые проблемы. Например, как правительство Центральной Азии может контролировать качество образования, не прибегая к цензуре? Это также открывает двери для влияния, даже геополитики. Иностранные заинтересованные стороны, которые стремятся открыть ТНВУЗы в Центральной Азии, естественно,

²⁸ Стивен Уилкинс и Катарина Юусола. Преимущества и недостатки транснационального высшего образования: мифы и реальность // *Обзор Австралийских университетов* – Вып. 2. – 2018 – С. 68-76; Уилкинс, Стивен. Этические проблемы в транснациональном высшем образовании: на примере международных филиалов кампусов // *Учеба в высших учебных заведениях*. – Том. 42. – Вып. 8. – 2017. С. 1385-1400; Найт, Джейн. Интернационализация приносит как важные преимущества, так и риски // *Международное высшее образование*. – Вып. 46. – 2007. – С. 8-10.

²⁹ Лейн, Джейсон Э. Импорт частного высшего образования: Международные филиалы кампусов // *Журнал сравнительного анализа политики: Исследования и практика*, 13. – Вып. 4. – 2011. – С. 367-381.

³⁰ Уилкинс, Стивен. Создание международных филиалов кампусов: основа для оценки возможностей и рисков // *Журнал политики и управления высшим образованием* – Том. 38. – Вып. 2. – 2016. – С. 167-182; Хили, Найджел М. Транснациональное образование: Передовая практика – соединяя точки // *Глобальный семинар UL*. – Вып. 13. – Апрель 2021.

хотят безопасных условий для своих усилий³⁰ - с точки зрения педагогической свободы, финансовой отдачи от инвестиций, предсказуемости процессов аккредитации и т.д. Правительства также могут вмешаться, как в случае с Туркменистаном, на который Турция оказала давление, чтобы закрыть несколько школ, созданных духовным движением Хизмет.³¹

Рекомендации

- Хотя простое удовлетворение требований поставщиков ТНВУЗов само по себе может быть проблематичным, правительствам стран Центральной Азии, тем не менее, следует тщательно взвесить свои потребности в разработке своих соответствующих систем высшего образования, активно приветствуя ТНВУЗы. Другими словами, рекомендуется избегать изоляционизма, но в то же время центральноазиатские правительства устанавливают режимы регулирования, которые не являются ни обременительными до степени вмешательства, ни слабыми до степени неуместности.
- ТНВУЗы, распространяющие религиозный радикализм и/или занимающиеся мошеннической деятельностью, представляют серьезную угрозу целостности систем высшего образования Центральной Азии. Следовательно, рекомендуется, чтобы региональные правительства вводили более строгие меры по обеспечению качества, чтобы гарантировать, что используются надлежащие учебные программы и выдаются законные полномочия ТНВУЗов (а также отечественному ВО); в то же время они должны быть чувствительны к скользкому пути цензуры. Несмотря на все их недостатки, рейтинги университетов могут служить ориентирами для оценки легитимности.³²

³¹ Туркменистан: 18 человек, подвергнутых пыткам, приговорены в результате несправедливого судебного разбирательства. - 9 июня 2017, дата обращения: 22 сентября 2021. // Human Rights Watch. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2017/06/09/turkmenistan-18-men-tortured-sentenced-unfair-trial>; Эшдаун, Н. *Туркменистан управляется с последователями Гюлена* // Eurasianet, 8 декабря 2016. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-cracking-down-gulen-followers/>; Фитцпатрик, Кэтрин А. Туркменистан: Турецкие школы закрыты из-за опасений распространения движения Нурчилар // *EurasiaNet.org*, последние изменения: 22 августа 2011; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-turkish-schools-closed-amid-concerns-of-spread-of-nurchilar-movement>.

³² Стек, Мишель (ред.). *Глобальные рейтинги университетов и политика знаний*. - Издательство Университета Торонто, 2021.

- Что касается конкретно Таджикистана, то, поскольку данная страна стремится развивать свой человеческий капитал и приобретать технологии и навыки, правительству рекомендуется содействовать открытию не только российских вузов, но и кампусов других университетов мирового класса из других стран. Это связано с тем, что ТНВУЗы могут использоваться в качестве посредников в создании сетей и примеров «передовой практики», тем самым улучшая не только внутреннюю систему высшего образования Таджикистана, но и интеграцию Таджикистана с более широким миром.
- Аналогичным образом, что касается Узбекистана, то в настоящее время данная страна находится в середине реформ высшего образования и, возможно, вскоре приблизится к переломному моменту. Чтобы предотвратить «утечку мозгов», правительству необходимо улучшить условия труда после окончания учебы. В то же время, благодаря накоплению множества ТНВУЗов мирового класса, Узбекистан имеет потенциал стать центром высшего образования в Центральной Азии. С данной целью правительству рекомендуется обеспечить, чтобы его ВУЗы предоставляли достаточное количество вакантных мест как для отечественных, так и для иностранных абитуриентов, а также предоставляли достаточные возможности для приема иностранных студентов и персонала.
- Учитывая все вышесказанное, принимающие страны Центральной Азии также не должны рассчитывать целиком на ТНВУЗы для проведения внутренней реформы высшего образования. Кадровый потенциал ТНВУЗов невелик, и большинство студентов поступают в местные вузы.³³ Правительствам следует провести реформы, которые позволят присутствующим в странах ТНВУЗам стимулировать конкурентоспособность отечественных вузов.

³³ Убайдуллаева, Дилноза. Филиалы франчайзинговых кампусов в Узбекистане: Интернационализация высшего образования как решение? // *Central Asia Affairs*. Том 7. - Вып 2. - 2020. - С. 152-174.

Источники

Абимбола, Сейе, Роуз Амазан, Павле Визинтин, Лиэнн Хоуи, Роберт Камминг и Джоэл Негин,. Австралийские стипендии высшего образования как инструменты международного развития и дипломатии в Африке // Австралийский журнал международных отношений. - Том 70. – Вып. 2. - 2016. - С. 105-120.

В Узбекистане откроется филиал Женского университета Киунг-ин // *Uz Daily*, последние изменения: 22 апреля 2019, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.uzdaily.uz/en/post/49352>.

Андерсон, Бенедикт. Воображаемые сообщества: Размышления о происхождении и распространении национализма. - Verso books, 2006.

Бертельсен, Расмус Г. Частные зарубежные университеты, государство и мягкая сила: Американский университет Бейрута и Американский университет в Каире // Анализ внешней политики. – Том 8. - Вып. 3. - 2012. - С. 293-311.

Китайский университет традиционной медицины откроет свой филиал в Узбекистане // *Kun.uz*, последние изменения: 25 августа 2020. дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://kun.uz/en/news/2020/08/25/chinese-university-of-traditional-medicine-to-open-its-branch-in-uzbekistan>.

Дейунг, Алан Дж., Зумрад Катаева и Дилрабо Джонбекова. Высшее образование в Таджикистане: институциональный ландшафт и ключевые изменения в политике // 25 лет преобразований систем высшего образования в постсоветских странах. - Пэлгрейв Макмиллан: Чам, 2018.

Думчювиене, Дайва. Влияние политики в области образования на экономическое развитие страны // *Procedia: Социальные и поведенческие науки*. – Вып. 191. - 2015. - С. 2427-2436.

Фитцпатрик, Кэтрин А. Туркменистан: Турецкие школы закрыты из-за опасений распространения движения Нурчилар //

EurasiaNet.org, последние изменения: 22 августа 2011; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://eurasianet.org/turkmenistan-turkish-schools-closed-amid-concerns-of-spread-of-nurchilar-movement>.

Хили, Найджел М. Транснациональное образование: Передовая практика – соединяя точки // Глобальный семинар UL. – Вып. 13. – Апрель 2021.

Туркменистан: 18 Человек, подвергнутых пыткам, приговорены в результате несправедливого судебного разбирательства // Human Rights Watch. 9 июня 2017, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2017/06/09/turkmenistan-18-men-tortured-sentenced-unfair-trial>.

Карина, Дана. К 2025 году в Казахстане откроются кампусы пяти ведущих зарубежных вузов [The campuses of five leading foreign universities will be opened in Kazakstan by 2025] // Business.kz, последние изменения: 11 марта 2021; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://inbusiness.kz/ru/last/k-2025-godu-v-kazahstane-otkroyutsya-kampusy-5-vedushih-zarubezhnyh-vuzov>.

Найт, Джейн. Интернационализация приносит как важные преимущества, так и риски // *Международное высшее образование*. – Вып. 46. – 2007. – С. 8-10.

Найт, Джейн. Транснациональное образование перестроено: к общей структуре и определениям ТНО // Журнал исследований в области международного образования. – Том 20. – Вып.1. – 2016. – С. 34-47.

Лейн, Джейсон Э. Импорт частного высшего образования: Международные филиалы кампусов // Журнал сравнительного анализа политики: Исследования и практика. – Том 13. – Вып. 4. – 2011. – С. 367-381.

Мохаммед, Атир Абдулла, Абдул Хафиз-Байг и Радж Гурураджан. Управление талантами как основной источник инноваций и социального развития в высшем образовании // Инновации в высшем образовании: Примеры трансформации и продвижения практики – Лондон: IntechOpen, 2018. – С. 1-31.

Московский институт предпринимательства и права. Документ о регистрации. Корпоративный веб-сайт, последнее изменение: 11 апреля 2018 года; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://mipp.ru/pdf/Устав от 19.02.2018г..pdf>.

Московский институт предпринимательства и права. Таблица операций, филиалов и т.д., дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://mipp.ru/about/International-activities/international-department/index.html>.

Частный университет Малайзии намерен открыть филиал в Хорезме // Kun.uz, последние изменения: 5 октября 2019; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://kun.uz/en/news/2019/10/05/private-university-of-malaysia-intends-to-open-a-branch-in-khorezm>.

Рейтинг веб-университетов. Домашняя страница. Корпоративный веб-сайт, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://www.webometrics.info/en/detalles/mipp.ru>.

Государственная регистрация Образовательного учреждения «Ошский филиал автономной некоммерческой организации высшего образования “Московский институт предпринимательства и права”». Корпоративный сайт, дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://map.obrnadzor.gov.ru/application/university/view/4101>.

Сабзалиева, Эмма. Создание Центральноазиатского пространства высшего образования / Профессиональный блог, последнее изменение: 26 июля 2021 года; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://emmasabzalieva.com/2021/07/06/creating-a-central-asian-higher-education-area/>.

Сабзалиева, Эмма. Болонский процесс в Центральной Азии / Профессиональный блог, последнее изменение: 6 июня 2019 года; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://emmasabzalieva.com/2019/06/06/the-bologna-process-in-central-asia/>.

Смоленцева, Анна, Йерун Хюисман и Исак Фрумин. Трансформация институционального ландшафта высшего образования в постсоветских странах: От советской модели к чему? // 25 лет преобразований систем высшего образования в постсоветских странах, 43. - Пэлгрейв Макмиллан: Чам, 2018. - С. 1.

Стек, Мишель (ред.). Глобальные рейтинги университетов и политика знаний. - Издательство Университета Торонто, 2021.

Дебреценский университет открывает новый кампус в Узбекистане // The Debrecen Sun, последнее изменение: 18 февраля 2021 года; дата обращения: 22 сентября 2021 года. Режим доступа: <https://www.debrecensun.hu/uni/2021/02/18/the-university-of-debrecen-is-opening-a-new-campus-in-uzbekistan/>.

Трель, Дэвид. Кыргызстан: Индийские студенты-медики попали на фабрику дипломов? // EurasiaNet.org, последнее изменение: 6 декабря 2011 года; дата обращения: 22 сентября 2021 года. Режим доступа: <https://eurasianet.org/kyrgyzstan-indian-medical-students-caught-in-diploma-mill>.

Убайдуллаева, Дилноза. Филиалы франчайзинговых кампусов в Узбекистане: Интернационализация высшего образования как решение? // Central Asia Affairs, – Том 7. – Вып. 2. - 2020. - С. 152-174.

В Худжанде откроют новый таджикско-узбекский университет [The new Tajik-Uzbek university will be opened in Khudzhand] // Спутник, последнее изменение: 5 февраля 2021; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20210205/tajiksko-uzbekskiy-universitet-1032766122.html>.

В Узбекистане откроются филиалы еще трех российских вузов [Three more branches of Russian universities will be opened in Uzbekistan] // Спутник, последнее изменение: 10 февраля 2020; дата обращения: 22 сентября 2021. Режим доступа: <https://uz.sputniknews.ru/20200210/V-Uzbekistane-otkroyutsya-filialy-esche-trekh-rossiyskikh-vuzov—Minobrnauki-RF-13433214.html>.

Уилкинс, Стивен. Определения транснационального высшего образования // Международное высшее образование. – Вып. 95. – 2018. – С. 5-7.

Уилкинс, Стивен. Этические проблемы в транснациональном высшем образовании: на примере международных филиалов кампусов // Исследования в области высшего образования. – Том 42. Вып. 8. – 2017. – С. 1385-1400.

Уилкинс, Стивен и Катарина Юосола. Преимущества и недостатки транснационального высшего образования: мифы и реальность // Обзор австралийских университетов. – Вып. 2. – 2018. – С. 68-76.

Уилкинс, Стивен. Два десятилетия развития международного филиала кампуса, 2000-2020: обзор // Международный журнал управления образованием, 2020.

Уилкинс, Стивен. Создание международных филиалов кампусов: основа для оценки возможностей и рисков // Журнал политики и управления высшим образованием, 38. – Вып. 2. – 2016. – С. 167-182.

Войцюк, Анна и Антони Гурни, Империи знаний в международных отношениях: Образование и наука как источники власти для государства. – Routledge, 2018.

Закрит Казахстанско-Российский университет в Астане [Kazakh-Russian university is closed] // Info-Tzes, последнее изменение: 3 июля 2014; дата обращения: 22 сентября 2021 Режим доступа: <https://nomad.su/?a=3-201407040012>.

Сравнительный анализ цифрового развития в странах Центральной Азии

Дмитрий Ерохин

Аннотация

В данной аналитической статье рассматривается текущий уровень цифрового и технологического развития в Центральной Азии и даются предварительные рекомендации по поддержке углубленного цифрового сотрудничества в регионе. То, что некоторые страны Центральной Азии недостаточно представлены в международных рейтингах по цифровому преобразованию, усложняет сравнение между странами. Это требует повышения качества работы статистических агентств соответствующих стран, предоставления прозрачных и открытых данных и следования общим определениям цифровой экономики. Аналогичным образом, включение внутрирегионального компонента в национальные стратегии цифрового преобразования помогло бы лучше использовать цифровой потенциал Центральной Азии.

На практике подобный компонент будет подразумевать создание трансграничных научных центров, технологических парков, обмен передовыми практиками и опытом, а также создание трансграничных цифровых регуляторных «песочниц». Гармонизация цифровых стандартов странами Центральной Азии будет способствовать снижению нетарифных барьеров, являющихся одним из основных искажений рынка. Сотрудничество в области цифровой таможни снизит коррупционные риски на границах, снизит торговые издержки и увеличит скорость оформления.

Введение

Существует значительный потенциал для укрепления стратегического партнерства стран Центральной Азии. Сотрудничество является жизнеспособным, когда оно приносит взаимную выгоду в повышении конкурентоспособности национальных экономик и когда оно улучшает благосостояние граждан. Цифровое преобразование может не только изменить суть экономических и торговых отношений, но и оказать множество побочных эффектов в других областях.

Скоординированная цифровая повестка дня может придать дополнительный импульс экономическому развитию в странах Центральной Азии. Их низкий уровень технологического развития, слабо диверсифицированная экономика, относительно скудные инвестиции в цифровой сектор делают усилия отдельных стран недостаточными и требуют привлечения технологий и опыта из развитых стран. Известно, что технологический скачок может помочь развивающимся странам преодолеть несколько этапов развития (Фонг 2009) и ускорить сближение с развитыми странами (Мейерс 2014). Однако для разработки скоординированных действий странам Центральной Азии необходимо понять, кто где находится в области цифрового преобразования и технологического и инновационного развития.

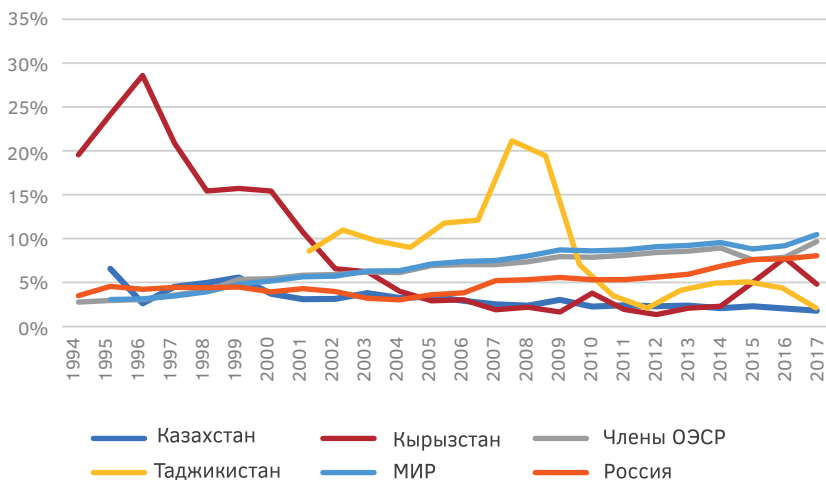
Развитие цифрового преобразованию в Центральной Азии

Цифровое преобразование не имеет и не может иметь единого определения и измерения, поэтому для сравнения стран Центральной Азии рассматриваются различные признанные на международном уровне показатели.

Экспорт услуг ИКТ, согласно Всемирному банку, включает экспорт компьютерных, коммуникационных и информационных услуг. В Казахстане, Таджикистане и Кыргызской Республике наблюдается тенденция к снижению доли экспорта услуг ИКТ в общем объеме

экспорта услуг, вопреки положительной глобальной тенденции, а также в странах ОЭСР и России. Данные по Туркменистану и Узбекистану отсутствуют.

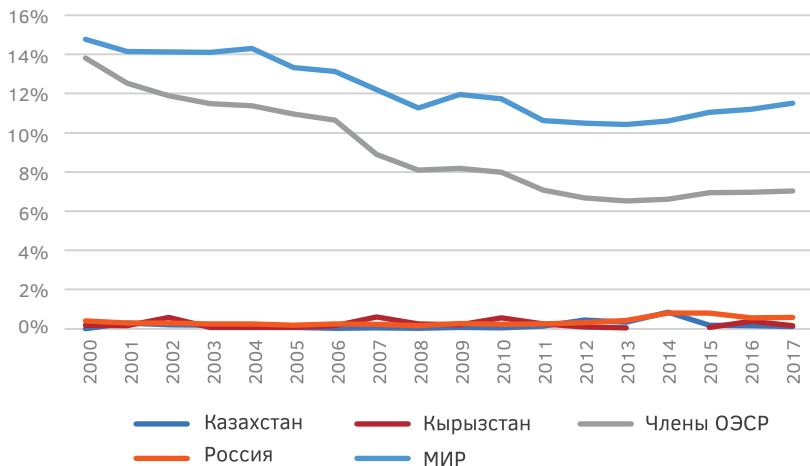
Экспорт услуг ИКТ (% экспорта услуг, платежный баланс)

Приведенный выше рисунок и все следующие рисунки построены автором на основе данных организаций, публикующих показатели, со ссылками, приведенными в библиографии.

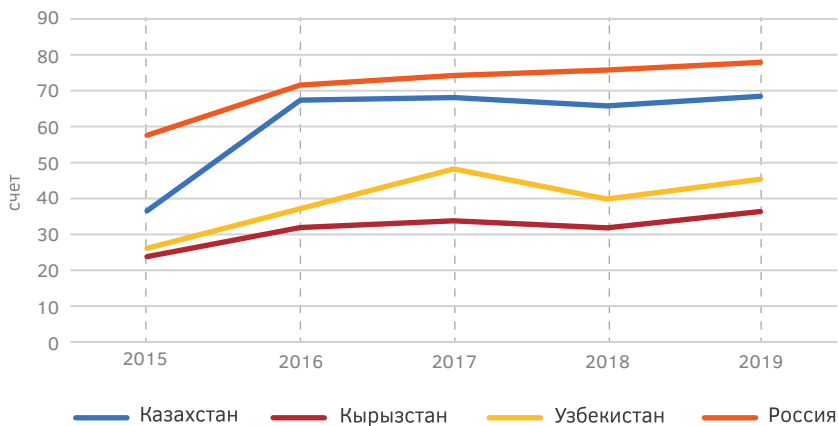
Экспорт товаров ИКТ, согласно Всемирному банку, включает компьютеры и периферийное оборудование, коммуникационное оборудование, потребительское электронное оборудование, электронные компоненты и другие информационные и (разные) технологические товары. В то время как доля экспорта товаров ИКТ в общем объеме экспорта товаров в мире достигает 11%, а в странах ОЭСР – 7%, в странах Центральной Азии (Казахстан и Кыргызстан) она не превышает 0,15%, а в России (для сравнения) 0,6%. Данные по Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану отсутствуют.

Экспорт товаров ИКТ (% итогов экспорта товаров)

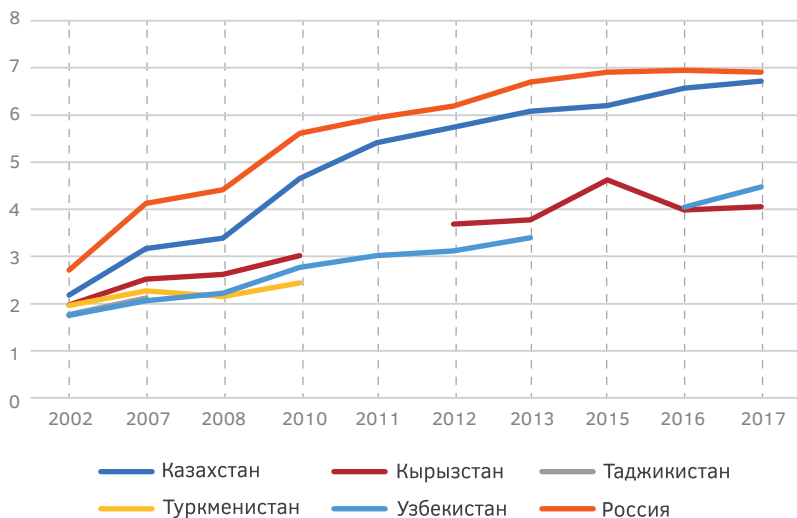
Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию «Индекса электронной торговли между предприятиями и потребителями» измеряет готовность экономики к поддержке покупок в Интернете. Данные по Туркменистану отсутствуют, для Таджикистана значения приведены только за 2019 год (25,7). Остальные страны Центральной Азии развиваются, Казахстан – с наибольшим успехом.

Индекс электронной торговли между предприятиями и потребителями

Индекс развития ИКТ Международного союза электросвязи Организации Объединенных Наций включает показатели инфраструктуры и доступа, показатели интенсивности и использования, а также показатели возможностей и навыков. Данные ограничены по Таджикистану и Туркменистану. Другие страны Центральной Азии демонстрируют тенденцию к росту, при этом Казахстан почти сравнялся с Россией.

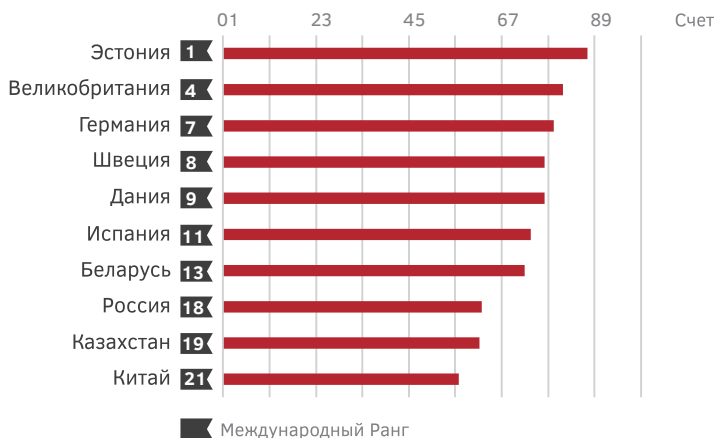
Индекс развития ИКТ

Индекс регулирования блокчейна и криптовалют от Флайинг университета призван ответить на вопрос о том, какие страны мира предлагают наиболее благоприятные условия для реализации бизнес-проектов, связанных с блокчейном и криптовалютами. Данные страны Европейского Союза и Беларусь предлагают довольно благоприятную среду для блокчейна, в то время как Россия, Китай и Казахстан предлагают нейтральную среду. Казахстан – единственная страна Центральной Азии, представленная в индексе. Что касается других стран Центральной Азии, то в Кыргызстане криптовалюты запрещены. Таджикистан не имеет какой-либо правовой базы в области криптовалют и предупреждает своих граждан об их рисках. Туркменистан не предоставляет никакой конкретной информации о правовом статусе криптовалют. Узбекистан имеет правовую базу и участвует во внедрении крипто-

валют и блокчейн-технологий, но его усилия являются недавними и, следовательно, могут не учитываться в рейтинге.

Индекс регулирования блокчейна и криптовалют

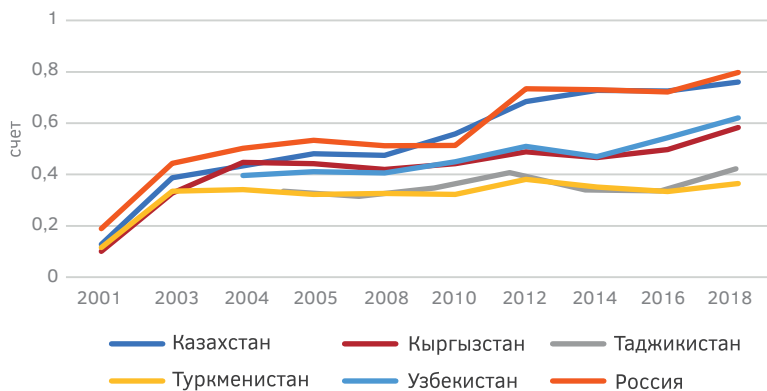
Глобальный индекс кибербезопасности Международного союза электросвязи измеряет приверженность стран кибербезопасности на глобальном уровне. Казахстан и Узбекистан демонстрируют рост кибербезопасности, догоняя Россию. Остальная часть Центральной Азии остается стабильной на довольно низком уровне.

Глобальный индекс кибербезопасности

Рейтинг уровня развития электронного правительства ООН оценивает развитие электронного правительства на национальном уровне. Графическое представление индекса позволяет выделить три пары стран с одинаковым уровнем развития электронного правительства: Россия и Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан, Туркменистан и Таджикистан.

Рейтинг уровня развития электронного правительства

Статистика интеллектуальной собственности является важным инструментом для понимания тенденций в политике, бизнесе и технологиях во всем мире. Одним из таких показателей являются *Патентные заявки* Всемирной организации интеллектуальной собственности. Данные о подаче патентных заявок в Туркменистане отсутствуют. Для других стран Центральной Азии количество патентных заявок очень низкое и не демонстрирует какой-либо тенденции к росту.

Заявки на ИС (Резидент + За рубежом, в том числе региональные)

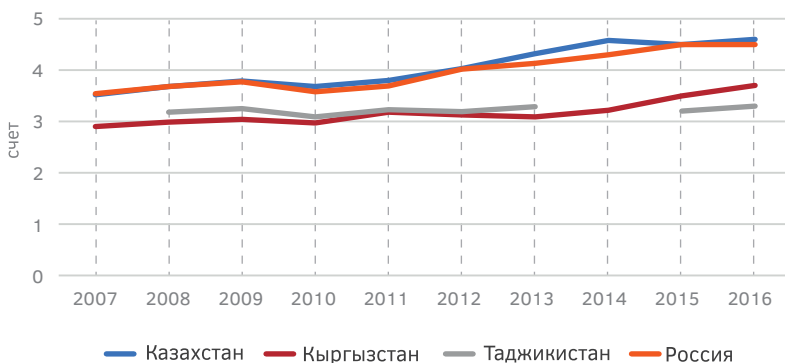
Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности Международного института развития менеджмента оценивает возможности и готовность экономик к осуществлению процесса цифровой трансформации. В рейтинг включен только Казахстан, который занимает более высокие позиции по сравнению с Россией.

Всемирный рейтинг цифровой конкурентоспособности

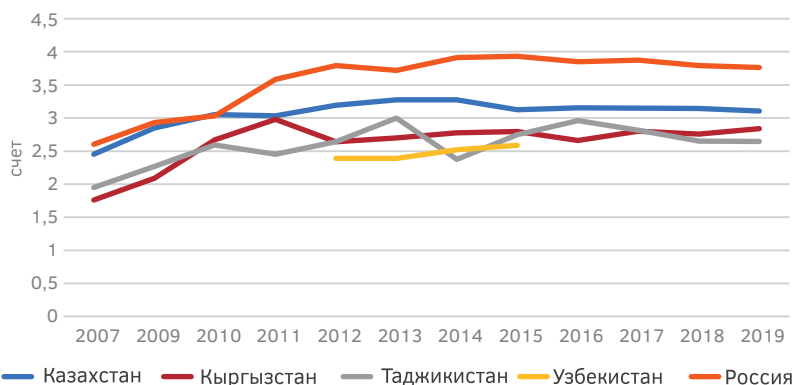
В серии отчетов о глобальных информационных технологиях Всемирного экономического форума измеряются движущие силы революции в области ИКТ во всем мире с помощью *Индекса сетевой готовности*. Казахстан обгоняет Россию, а Кыргызстан и Таджикистан примерно на одном уровне. Туркменистан и Узбекистан не попали в индекс.

Рейтинг уровня развития электронного правительства

Глобальный индекс инноваций Всемирной организации интеллектуальной собственности предоставляет подробные показатели инновационной деятельности стран и экономик по всему миру. Данные по Туркменистану отсутствуют, а по Узбекистану они ограничены. В начале периода измерения страны показывают рост, затем стабилизируются на разных уровнях, оставаясь при этом на низких позициях индекса.

Глобальный индекс инноваций

Тарифные и нетарифные барьеры

Европейский центр международной политической экономии публикует Индекс ограничения цифровой торговли (Ферракане и соав., 2018). Он считает Китай и Россию странами с наиболее ограниченным цифровым доступом. Страны Центральной Азии не представлены в Индексе, но с учетом приведенного выше анализа можно с уверенностью предположить, что их политика будет строже, чем у России и Китая (сравнительный анализ Китая, ЕАЭС и ЕС см. в Ерохин, 2019).

В России барьеры касаются трансграничного перемещения данных, локализации и хранения данных, трансграничного перемещения специалистов в области ИКТ, иностранных инвестиций, доступа к контенту и электронной коммерции. В Китае существуют

ограничения в области государственных закупок, иностранных инвестиций, прав интеллектуальной собственности, политики в области конкуренции, ответственности посредников, доступа к контенту и стандартов, а также электронной торговли.

Другие барьеры связаны с логистикой. Как хорошо известно, транспорт и логистика являются кровеносной системой электронной коммерции. «Ведение бизнеса» (без данных), согласно Всемирному банку, фиксирует время и затраты, связанные с логистическим процессом экспорта и импорта товаров. «Ведение бизнеса» измеряет время и затраты (без учета тарифов), связанные с тремя наборами процедур – документальным соблюдением, соблюдением границ и внутренними перевозками – в рамках общего процесса экспорта или импорта партии товаров.

Трансграничная торговля в Центральной Азии, согласно журналу «Ведение бизнеса»

Индикатор/Страна	Казах- стан	Кыр- гыз- стан	Таджи- кистан	Узбе- кистан
Время на экспорт: соответствие документации (часы)	128	72	66	96
Время на импорт: соответствие документации (часы)	6	84	126	150
Время на экспорт: соблюдение границ (часы)	105	5	27	32
Время на импорт: соблюдение границ (часы)	2	69	107	111
Стоимость экспорта: соответствие документации (долл. США)	200	110	330	292
Стоимость импорта: соответствие документации (долл. США)	0	200	260	242

Трансграничная торговля в Центральной Азии, согласно журналу «Ведение бизнеса» (продолжение)

Индикатор/Страна	Казах- стан	Кыр- гыз- стан	Таджи- кистан	Узбе- кистан
Стоимость экспорта: соблюдение границ (долл. США)	470	10	313	278
Стоимость импорта: соблюдение границ (долл. США)	0	499	223	278

Свободная торговля и содействие торговле в рамках Евразийского экономического союза являются причиной некоторых очень низких затрат в Казахстане и Кыргызстане в приведенной выше таблице.

Оценить торговые издержки можно на основе Базы данных торговых издержек ЭСКАТО-Всемирного банка (RUNESCAPE 2018), в которой содержатся данные об эквивалентных торговых издержках в адвалорном эквиваленте без учета тарифа в процентах. Данные свидетельствуют о том, что торговля производственными и сельскохозяйственными товарами в среднем сопряжена с дополнительными затратами, измеряемыми как доля стоимости товаров, по сравнению с тем, когда две страны торгуют данными товарами в пределах своих границ.

Оценочные затраты на взаимную торговлю в странах Центральной Азии (2017 год для Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, 2016 год - для Таджикистана)

Коррупция

Борьба с коррупцией является одним из главных приоритетов председательства Албании в ОБСЕ в 2020 году. По этой причине Первое подготовительное совещание 28-го Экономического и экологического форума ОБСЕ было посвящено «Содействию безопасности, стабильности и экономическому росту в регионе ОБСЕ путем предотвращения коррупции и борьбы с ней посредством инноваций, повышения прозрачности и цифрового преобразования».

Коррупцию можно рассматривать как скрытый тариф (ОЭСР 2017). Установлено, что это оказывает негативное влияние на экономический рост (Мо 2001), прямые иностранные инвестиции (Хабиб и Зуравицки, 2002), торговлю (Де Йонг и Богманс, 2011) и налоговые поступления (Имам и Джейкобс, 2014).

Одной из областей торгово-экономических отношений, где цифровые технологии могут быть применены для борьбы с коррупцией, является таможня. Ущерб от коррупции на таможне оценивается по меньшей мере в 700 миллиардов долларов США (Мишель и Мур, 2009). Так называемый «коррупционный налог» может превышать 10 процентов от оборота компании (Майкл 2012). Коррупция приводит к огромным потерям налоговых поступлений на таможне. В Казахстане существует расхождение более чем на 50 процентов между казахстанскими и зарубежными данными по 40 товарным группам стоимостью в миллиарды долларов США, что также может свидетельствовать о масштабной коррупции на таможне (Тренсперенси интернешнл, 2018). Аналогичная ситуация наблюдается в Кыргызстане, где разница между таможенными органами Кыргызстана и Китая только за последние 18 лет составила 53 миллиарда долларов США («Спутник», 2019). Такую огромную разницу трудно объяснить методологическим расхождением и статистической ошибкой.

Помимо экономических издержек, коррупция на границах способствует преступной деятельности, такой как незаконный оборот наркотиков, природных ресурсов, оружия, угнанных транспортных средств, алкоголя и сигарет, что имеет серьезные последствия для безопасности (Чен, 2018).

Установлено, что компьютеризированная таможня увеличивает импорт, занятость, производительность и сбор налогов, а также сокращает случаи коррупции, контрабанды, время таможенного оформления и невозможности прогнозирования (Лаажаж и соав., 2019). Единые окна и улучшенная автоматизация портов могут помочь экономике в борьбе с коррупцией («Ведение бизнеса», 2017). Интеграция блокчейна в таможенный процесс может препятствовать коррупции за счет оцифровки цепочек поставок, упрощения таможенных процедур и сокращения числа агентов,

участвующих в каждой транзакции; блокчейн также может повысить эффективность мер по борьбе с обходом и перегрузкой (МакДениэл и Норберг 2019). При обнаружении и сдерживании таможенные органы также могут полагаться на искусственный интеллект и прогнозную аналитику (Сантисо 2019).

Заключение

Уровень цифрового преобразования в странах Центральной Азии остается недостаточным. Казахстан демонстрирует лучшие показатели, по многим показателям уверенно приближаясь к уровню России. Статистические данные доступны не по всем странам Центральной Азии. Данные по Туркменистану, Таджикистану и Узбекистану особенно ограничены, что не позволяет в полной мере оценить их уровень цифрового развития. Цифровым стратегиям стран Центральной Азии не хватает внутрорегиональной составляющей. Взаимные торговые издержки в виде нетарифных барьеров в Центральной Азии остаются высокими, демонстрируя препятствия для свободной торговли в регионе. Дополнительные издержки возникают из-за коррупционных рисков на границах.

Рекомендации

- С точки зрения цифровых стратегий, следует включить элемент внутрорегионального сотрудничества в Центральной Азии. Такое сотрудничество может включать создание совместных научных центров, технологических парков и экосистем цифровых и технологических лидеров, обменивающихся передовым опытом и практикой. Также возможно создание трансграничных регуляторных «песочниц» для испытания новых цифровых механизмов перед их универсальным применением.
- Рекомендуется улучшить работу статистических управлений и сделать данные более прозрачными и открытыми. Также крайне важно сформулировать и придерживаться общих определений в области цифрового преобразования.

- Важно стремиться к гармонизации цифровых стандартов в целях повышения эффективности сотрудничества в регионе Центральной Азии и снижения нетарифных барьеров между странами.
- Было бы целесообразно начать сотрудничество в конкретных секторах: например, электронная торговля или электронное трансграничное предоставление государственных услуг (например, оцифровка и отслеживание товаров на таможне). Цифровое преобразование таможни может способствовать снижению коррупционных рисков на границе, снижению торговых издержек и увеличению скорости оформления.

Источники

Чен, М. Коррупция на границах // *Ответ службы поддержки* U4 2018: 3 (2018).

Де, П. Региональная торговля в Северо-Восточной Азии: Почему торговые издержки имеют значение? // *Рабочий документ CESifo*, №. 1809 (2006).

Де Йонг, Элке и Кристиан Богманс. Препятствует ли коррупция международной торговле? // *Европейский журнал политической экономики* 27. - №. 2. - 2011. - С. 385-398.

Торговля через границы: Технологические достижения в области упрощения процедур торговли // *Ведение бизнеса*, 2017. Режим доступа: <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB17-Chapters/DB17-CS-Trading-across-borders.pdf>.

Наборы исторических данных и данные о тенденциях // *Ведение Бизнеса*. (б. д.). Режим доступа: <https://www.doingbusiness.org/en/custom-query>.

Ерохин Д. Связь в цифровую эпоху. Цифровое будущее торгово-экономического сотрудничества в Евразии // *Справочный документ IIASA*, 2019.

Ферракане, Мартина Франческа, Хосук Ли-Макияма и Эрик ван дер Марел. Индекс ограничений цифровой торговли // *Европейский центр международной политической экономики*, Брюссель: *ECIPE*, 2018.

Индекс регулирования блокчейна и криптовалют // *Летучий Университет*. Режим доступа: <https://doingcrypto.org/>.

Фонг, Мишель В. И. Технологический скачок для развивающихся стран // *Энциклопедия информационных наук и технологий*. - Второе издание, 2009. - С. 3707–13.

Хабиб, Мохсин и Леон Журавицки. Коррупция и прямые иностранные инвестиции // *Журнал международных бизнес-исследований* 33. - №. 2. - 2002. - С. 291-307.

Имам, Патрик Амир и Давина Джейкобс. Влияние коррупции на налоговые поступления на Ближнем Востоке // *Обзор экономики и финансов Ближнего Востока. Экономика Ближнего Востока. Фин.* 10. - №. 1. - 2014. - С. 1-24.

Рейтинг мировой цифровой конкурентоспособности // Международный институт развития менеджмента. Режим доступа: https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2017/world_digital_competitiveness_yearbook_2017.pdf; https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/imd_world_digital_competitiveness_ranking_2018.pdf; <https://www.imd.org/globalassets/wcc/docs/release-2019/digital/imd-world-digital-competitiveness-rankings-2019.pdf>.

Ежегодник статистики платежного баланса и файлы данных. Экспорт услуг ИКТ (% от экспорта услуг, ПБ). // Международный валютный фонд. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.CCIS.ZS>.

Глобальный индекс кибербезопасности // Международный союз электросвязи. Режим доступа: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Pages/global-cybersecurity-index.aspx>.

Индекс развития ИКТ // Международный союз электросвязи. Режим доступа: <https://digital.gov.ru/en/activity/statistic/rating/indeks-razvitiya-informacionno-kommunikacionnyh-tehnologij-ict-development-index/>; <https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Pages/publications/mis2015.aspx>.

Лаажаж, Рашид, Марсела Эслава и Тидиан и соав. Издержки бюрократии и коррупции на таможене: данные компьютеризации импорта в Колумбии / Документ CEDE 2019-08. - 2019.

Мак Дениеэл, Кристин А., и Ханна С. Норберг. Может ли технология блокчейн способствовать международной торговле? / *Исследовательская работа Mercatus*. - 2019.

Мейерс, Хууб. Способствует ли интернет экономическому росту, международной торговле или и тому, и другому? // *Международная экономика и экономическая политика* 11. - №. 1-2. - 2014. - С. 137-163.

Майкл, Брайант. Помогают ли программы содействия таможенной торговле снизить коррупцию, связанную с таможей? // *Международный журнал государственного управления* 35. - № 2. - 2012. - С. 81-97.

Майкл, Брайан и Найджел Мур. Что мы знаем о коррупции (и борьбе с коррупцией) на таможе? // *Всемирный таможенный журнал* 4. - №. 1. - 2009.

Мо, Пак Хунг. Коррупция и экономический рост // *Журнал сравнительной экономики* 29. - №. 1. - 2001. - С. 66-79.

Глобальная торговля без коррупции: Борьба со скрытым тарифом // Организация экономического сотрудничества и развития. 2018. Режим доступа: <https://www.oecd.org/gov/global-trade-without-corruption-9789264279353-en.htm>.

Сантисо, С. Вот как технологии меняют коррупционную игру, 2019. Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2019/02/here-s-how-technology-is-changing-the-corruption-game/>.

Разница в 53 миллиарда долларов: Почему данные Кыргызской Республики и Китая отличаются? Ответ таможи, 2019. Спутник. Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/economy/20191205/1046430793/china-kyrgyzstan-raznica-tamozhnya.html>.

Прозрачность Казахстана. Глобальная антикоррупционная коалиция, 2018 // Международная организация прозрачности. Режим доступа: <http://tikazakhstan.org/wp-content/uploads/2018/11/Tamozhennaya-korrupsiya-Kazahstana-zerkalnyj-analiz-tovarooborota.pdf>.

Индекс электронной торговли ЮНКТАД В2С. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2015_en.pdf; https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d07_en.pdf; https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d09_en.pdf; https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d12_en.pdf; https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tn_unctad_ict4d14_en.pdf.

Экспорт товаров ИКТ (% от общего объема экспорта товаров). // База данных ЮНКТАД Конференции Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.ICTG.ZS.UN>.

Глобальный обзор электронного правительства ООН. // Департамент Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам. Режим доступа: <https://shop.un.org/series/united-nations-e-government-survey>.

ЭСКАТО - База данных торговых издержек Всемирного Банка. (2018). // Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана. (ЭСКАТО ООН). Режим доступа: <https://www.unescap.org/resources/escap-world-bank-trade-cost-database>.

Индекс сетевой готовности // Всемирный экономический форум. Режим доступа: <https://knoema.com/GITR2015/global-information-technology-report-2016-discontinued>.

Всемирная организация интеллектуальной собственности. Режим доступа: <https://www.globalinnovationindex.org/about-gii>.

Статистические обзоры по странам. // Всемирная организация интеллектуальной собственности. Режим доступа: https://www.wipo.int/ipstats/en/statistics/country_profile/.

Непредсказуемость транснациональной миграции и пандемия COVID-19: Решение проблемы возвратной миграции женщин в Кыргызстане и Таджикистане¹

Нодира Холматова

Ключевые пункты

- В период COVID-19 стратегическое безразличие правительств и отсутствие систематической социальной поддержки привели к тому, что транснациональные мигранты и их семьи оказались в условиях высокого уровня непредсказуемости.
- Пандемия показывает, что, «экспортируя» человеческий труд, Таджикистан и Кыргызстан также экспортируют уязвимости, например, неквалифицированных мигрантов, не говорящих по-русски и не имеющих опыта работы за пределами сельского домохозяйства.
- В Таджикистане и Кыргызстане динамика миграции имеет гендерные последствия, например, значительное увеличение женской рабочей силы в низкооплачиваемых, служебных и сельскохозяйственных секторах.
- Миграционные стратегии на национальном и региональном уровнях не соответствуют жизненному опыту женщин-мигрантов и не отражают транснациональные отношения между странами назначения и возвращения.
- Мигранты не имеют возможности использовать миграционные навыки и социальный капитал, приобретенные в ходе миграции, и, следовательно, возвращенцы склонны к реэмиграции.

¹ Данная аналитическая статья была представлена на региональном вебинаре, организованном ОБСЕ и Министерством миграции Кыргызстана в ноябре 2020 года. Она была подготовлена под эгидой проекта AGRUMIG, финансируемого программой ЕС «Horizon 2020».

Будущее управления миграцией в сельских сообществах зависит от институционализации женской миграции и мобилизации женщин в сельской местности.

Введение

Миграция является центральным вопросом в дебатах о государственной политике. Пандемия COVID-19 стала шоком как для стран назначения мигрантов, так и для стран возвращения. По оценкам, по меньшей мере 194 стран ввели ограничения на передвижение в ответ на пандемию (Sanchez & Achilli, 2020). Эти ограничения также затронули две крупные страны, зависящие от миграции, - Таджикистан и Кыргызстан. В данной аналитической статье мы рассматриваем миграцию в этих странах и обсуждаем вызванную COVID-19 неустойчивость в миграции и транснациональные практики среди работающих женщин. В аналитической статье рассматриваются вопросы нормализации женской миграции и того, как избежать виктимизации женщин, вовлеченных в международную миграцию, особенно с учетом рисков пандемии COVID-19. Трудовая неформальность и отсутствие социальной защиты, связанной с трудоустройством, характеризуют повседневную реальность мигрантов как в России, так и в Центральной Азии. Международная трудовая миграция в Россию характеризуется приспособляемостью к неопределенности и ограничениям. С февраля 2020 года иммиграционная политика в России, регулирующая правовые условия получения разрешений на работу и проживание, была изменена и продлена более трех раз в рамках миграционных мер COVID-19. (Eraliev & Urinboyev, 2020; Varshaver, Ivanova, & Rocheva, 2020). Эти изменения вызывают стресс у мигрантов и в то же время восстанавливают нормализацию практик непредсказуемости.

Состав мигрантов из Центральной Азии меняется. Женщины являются частью мигрантов и составляют до 40 процентов (Мурзакулова, 2020) эмиграционного потока из Кыргызстана и около 18 процентов из Таджикистана (Rocheva & Varshaver, 2017). В условиях возвращения в Таджикистан и Кыргызстан динамика миграции имеет гендерные последствия, такие как значительное увеличение женской рабочей силы в низкооплачиваемых, обслуживающих и сельскохозяйственных секторах экономики (Mukhamedova &

Wegerich, 2018). Хотя женщины выполняют двойную роль, работая в сельском хозяйстве и занимаясь воспитанием детей и домашним трудом, система социального обеспечения не поддерживает их, как это было 30 лет назад. Кроме того, различные данные по уровню образования показывают, что в семьях мигрантов выше вероятность раннего окончания школы и региональных барьеров для доступа молодежи на рынок труда (Abdulloev, Epstein, & Gang, 2020). Недавние исследования показывают, что 40 процентов молодых людей в Таджикистане не имеют работы и не учатся в системе образования (Миров, 2020). В данной аналитической статье основное внимание уделяется перспективе страны возвращения, а не страны для эмиграции.

Мы рассматриваем возвратную миграцию как период, когда мигрант – после, как минимум, одного года работы и проживания за границей – возвращается в родную страну. Возвратная миграция характеризуется экономическими и неэкономическими причинами. Однако социальные связи мигрантов преимущественно мотивируют решения о возвращении и реэмиграции. В то же время анализ повседневной жизни, деятельности, социальных связей и стремлений вернувшихся мигрантов способствует пониманию транснационализма в среде вернувшихся мигрантов. С транснациональной точки зрения, анализ возвратной миграции женщин перекликается с результатами, полученными в Армении и Грузии, которые свидетельствуют о все более круговом характере жизни мигрантов и их одновременной приверженности нескольким обществам (Lietaert, 2016). Модели обратной миграции из России среди мигрантов из Центральной Азии напоминают пакистанских репатриантов из Норвегии, где миграционный цикл человека состоит из различных этапов, а возвратная миграция довольно часто является частью транснациональной миграции (Carling & Erdal, 2014).

Подход и результаты

Основываясь на данных об опыте трудовых мигранток, интервью с ключевыми заинтересованными сторонами и дискурс-анализе 50 новостных статей, эта аналитическая статья документирует, как ответы COVID-19 выявили отсутствие управления миграцией и адекватных мер по решению проблем, с которыми сталкиваются

женщины, возвращающиеся в Кыргызстан и Таджикистан. Представлены выводы и рекомендации по государственному вмешательству и управлению миграцией в отношении циркулярной миграции женщин и интеграции мигрантов в сельских сообществах. Сбор и анализ данных проходил в два этапа. Перед COVID-19 были проанализированы первичные данные, полученные в ходе полевых работ в Таджикистане о вернувшихся мигрантах и их семьях, которые затем были сопоставлены с имеющимися исследованиями по Кыргызстану. Были проведены последующие интервью с несколькими женщинами-мигрантами и три интервью с заинтересованными сторонами – юристами, работающими в Москве и Таджикистане, и сотрудниками НПО. Анализ был основан на обзоре выбранных категорий, таких как миграционный цикл, транснациональный опыт, контекст сельской общины возвращения и региональная сельская инфраструктура. Анализ включает кабинетный обзор существующих миграционных стратегий и политики в обеих странах. На втором этапе было отобрано и проанализировано 50 статей из пяти новостных онлайн-платформ, освещающих миграцию в Центральной Азии. Были выбраны такие издания, как «Аззатик», «Cabar.Asia», радио «Озоди», «Новая газета» и «AsiaPlus». Они были определены как содержащие относительно меньшее количество цензурированных публикаций о Центральной Азии и России. Для анализа дискурса было проведено два раунда кодирования и сортировки цитат. Первый раунд включал кодирование и группировку информации об общих условиях жизни мигрантов в России и возвращенцев в связи с пандемией. Во втором раунде кодирование состоит из описания условий жизни женщин-мигрантов и репатриантов.

COVID-19 усугубляет непредсказуемость и создает проблемы для возвращенцев

С тех пор как в России и странах Центральной Азии были введены первые меры регулирования COVID-19, разговор о мигрантах вертелся вокруг дефицита рабочей силы и квалификации. Пандемия показывает, что, «экспортируя» человеческий труд, Таджикистан и Кыргызстан также экспортируют уязвимости, например, неквалифицированных мигрантов, не говорящих по-русски и не имеющих опыта работы за пределами сельского домохозяйства.

Среди женщин эти характеристики в большей степени присущи молодым женщинам в возрасте 18-35 лет и в меньшей степени – женщинам старшей возрастной группы 36-65 лет. Дискурс-анализ вокруг мигрантов сосредоточен на обсуждении того, что будет со всеми безработными трудовыми мигрантами и репатриантами, а затем на том, что нужно сделать российской экономике, чтобы выжить в связи с сокращением числа трудовых мигрантов из Центральной Азии. Слепое пятно таких рассуждений заключается в том, что мигранты изображаются как экономический ресурс или экономические «дворецкие», которые обслуживают экономические потребности стран. Социальные издержки миграции и потребности мигрантов и семей мигрантов не включаются в обсуждение.

В то время как государства региона пытаются реагировать на проблемы, с которыми сталкивается мобильное население во время пандемии, обнажается структурное неравенство и неработающие правила миграции. Незапланированные или неожиданные задержки в результате закрытия или ограничений приводят к тому, что мигранты часто оказываются в затруднительном положении без ресурсов. В процессе содействия нормализации аномального, новостные статьи о женщинах-репатриантах, застрявших в лагерях, или о беременной женщине, репатриированной с помощью национальных государств, обычно подаются в деконтекстуализированном виде. Такая практика служит двум целям: во-первых, показать, что правительство что-то делает, а во-вторых, использовать виктимизацию этих женщин в качестве фокуса, чтобы помочь правительству избежать решения проблем граждан, оказавшихся в России, в более широком масштабе.

Анализ обоих этапов подтверждает мысль о том, что существующая миграционная система небезопасна. Миграционные правила не защищают трудящихся-мигрантов от дискриминации, мошенничества и злоупотреблений. Интервью с иммиграционным адвокатом из Москвы показывает, что в совокупности эти недостатки создают ситуацию, в которой мигранты соглашаются на работу с нежелательными условиями. Анализ глубинных интервью показывает, что женщины-мигранты из Кыргызстана и Таджикистана подвержены различным непредсказуемым ситуациям, связанным с работой, как во время миграции, так и во время возвращения. Этот

сценарий напоминает случаи женщин-мигрантов во всем мире, которые воплощают в себе состояние легальной непредсказуемости на рынке труда, включая работу без трудового законодательства, защищающего их права (Dave, 2014; Parreñas & Silvey, 2018). Анализ данных также показывает, что многие молодые женщины были ограничены домашним пространством с отсутствием контактов с внешним миром задолго до того, как COVID-19 привел к введению в России мер социальной изоляции.

Повышенный риск и неопределенность среди женщин-мигрантов также демонстрируют случаи четырех женщин-мигрантов, которых уволили и не выплатили обещанную зарплату в самом начале пандемии. Эти женщины работали горничными в гостинице, и им сказали, что их депортируют, если они пожалуются в полицию. Когда одна из мигранток попросила о милосердии и понимании их трудного положения и необходимости денег, ее российский работодатель ответил: «Мы все находимся в трудной ситуации, что я должен для вас сделать?». В интервью с миграционным адвокатом и представителями НПО было рассказано о многих подобных случаях дискриминации мигрантов со стороны работодателей и представителей правоохранительных органов. Институционализация миграционной непредсказуемости в сочетании с последствиями для благосостояния и отсутствие адекватной реакции на политику – вот что мы наблюдаем во время COVID-19. Что это означает для политиков? В данной аналитической статье подчеркивается, что трудовые мигранты должны восприниматься не как факторы производства и не как агенты перемен. Все вместе мы должны помнить о необходимости использования и принятия подхода, ориентированного на человека, к мигрантам и управлению миграцией.

Транснациональная непредсказуемость и повседневная жизнь во время пандемии

Анализ транснациональных связей и опыта в период пандемии показывает, что мужчины, женщины и дети разлучаются с членами семьи между родной страной и страной иммиграции. Транснационализм мигрантов, вероятно, стал еще более опасным во время

пандемии. Случай Гульнозы, 40-летней жительницы Сугдского района, является показательным. Она вернулась в Таджикистан, чтобы выполнить семейные поручения. Она не знала, что пандемические меры COVID-19 не позволят ей вернуться в Россию, где по-прежнему живут двое ее детей – старшая дочь и маленький ребенок. Пока Гульноза бронировала и перебронировала билеты для поездки в Россию, ее старшая дочь попала в автокатастрофу и погибла. Ее младшая дочь находится под присмотром соседней, пока мать пытается найти способ вернуться к ней. Этот случай – один из многих случаев, когда транснациональная реальность для женщин-мигрантов искажается из-за пандемии.

Необходимы дополнительные исследования для сбора и анализа альтернативных миграционных реалий, которые помогут составить более реалистичное представление о жизненном опыте мигрантов из Таджикистана и Кыргызстана. Существующее изображение миграционной реальности одномерно и в основе своей представляет мигранта-мужчину. В отличие от этого, история мигранта из Центральной Азии – это история женщины в той же степени, что и история мужчины. Этот анализ показывает, как незнание социальных издержек миграции зависит от гендерных и семейных ролей, приписываемых мужчинам и женщинам (Lutz, 2010). Большинство интервью показывают, что среди правительственных и неправительственных организаций мигранты считаются простыми экономическими агентами, чьи решения вступить в брак и привезти члена семьи или ребенка считаются нерациональными и обременительными.

Сельские общины возвращения и домохозяйства мигрантов

В сельских общинах возвращения мигранты не имеют возможности использовать миграционные навыки и социальный капитал, приобретенный в ходе миграции. Следовательно, вернувшиеся мигранты склонны к повторной миграции в Россию и поддерживают транснациональный образ жизни, часто посещая сельские общины происхождения. Кроме того, социальные издержки миграции стремятся свести к минимуму, а трудовая миграция изображается через

истории успеха. Истории женской миграции, как правило, изображаются как редкие случаи и представляются как виктимизация вернувшихся женщин. Анализ подтверждает, что опыт миграции способствует увеличению неравенства в благосостоянии между мужчинами и женщинами и между женщинами разных возрастных групп в домохозяйстве (Холматова, 2018). В данной аналитической статье предлагается, что будущее управления миграцией в сельских сообществах зависит от институционализации женской миграции и мобилизации женщин в сельских районах.

«Мужчины и женщины подвержены разной степени прекарности (непредсказуемости). Мужчины чаще, чем женщины, попадают в поле зрения полиции и сталкиваются с дискриминацией (*vimoganie deneg*). Напротив, женщины больше подвержены прекарности, связанной со здоровьем и социальными проблемами, поскольку они привозят с собой детей и рожают в России».²

Больше всего от пандемии страдают домохозяйства мигрантов, зависящие от денежных переводов. Члены семьи, не являющиеся мигрантами, члены общины и более широкие социальные сети также являются частью системы транснациональной мобильности (Schiller, Basch, & Blanc-Szanton, 1992). В сельских районах Таджикистана и Кыргызстана экономический статус семьи влияет на уровень образования детей, и, следовательно, семьи мигрантов сильнее страдают при миграционных колебаниях (Gatskova, Ivlevs, & Dietz, 2019; Jaupart, 2019; Nazridod, Pereira, & Guerreiro, 2019). Например, семьи в сельской местности справляются с нехваткой доходов от денежных переводов, выращивая овощи для домашнего потребления. Дети вынуждены работать на полях и пропускать школу. Отсутствие денежных переводов из-за COVID-19 также вынуждает неквалифицированных женщин искать деньги, чтобы обеспечить себя и своих детей питанием. Например, в Бохтаре, в 100 км от Душанбе, столицы Таджикистана, число женщин разного возраста, присоединившихся к неформальному рынку разнорабочих (*мардикор бозор*), значительно увеличивается и достигает около 100 в день³. Например, радио «Озоди» передало несколько

² Миграционный адвокат в Москве, онлайн-собеседование 15 сентября 2020 года

³ *Vaziri mehnat Shirin Amonzoda bo mardikorzanon mukoqot kard // Radio Ozodi.* – Декабрь, 22, 2020. Режим доступа: <https://www.ozodi.org/a/31013147.html>.

новостей о неформальном месте под открытым небом в городе, где мужчины и женщины каждый день остаются и ждут прихода потенциальных работодателей. Они договариваются о цене и нанимают работника на день или для тяжелой физической работы на строительной площадке / сельскохозяйственном поле. Женщины сообщают, что им платят меньше, чем мужчинам.

Выводы и рекомендации

В контексте транснациональной миграции индивидуальная и групповая устойчивость имеют решающее значение для анализа миграционной политики и для решения мер регулирования COVID-19. Более эффективное управление трудовой миграцией улучшит условия миграции и расширит возможности мигрантов требовать соблюдения своих прав (Parreñas & Silvey, 2018). Миграционная политика – это национальная политика. Объединение исследований в области миграции и разработки политики имеет решающее значение для более обоснованной политики, направленной на обеспечение инклюзивности и защиты отдельных лиц и социальных групп, вовлеченных в миграцию. В целом, любые решения по регулированию возвратной миграции и обеспечению безопасности людей в пути в рамках COVID-19 должны признать системные недостатки действующих миграционных правил и решить проблемы, с которыми сталкиваются сельские общины возвращенцев.

Как в Таджикистане, так и в Кыргызстане необходима политика, направленная на борьбу с нестабильной практикой и отсутствием социальной поддержки мигрантов и их семей. Несколько ключевых государственных министерств призваны сотрудничать и действовать совместно с местными НПО: Государственная миграционная служба, Министерство труда и социального развития, Министерство здравоохранения и Министерство экономики. Отдел миграции в каждом министерстве труда и социальной защиты должен координировать свои действия с Иммиграционной службой России.

Рекомендации

Инициативы в области политики, выдвинутые в период после COVID-19, должны реагировать на все более опасную практику, связанную с зависимостью от денежных переводов и экспорта рабочей силы, и решать проблему отсутствия политики интеграции для размещения возвращающихся лиц.

- Необходимо принять другой подход к миграционной политике, который предполагает восприятие Таджикистана и Кыргызстана как стран возвращения, а не как «стран-доноров» или просто стран эмиграции.
- Необходимо создать набор данных по возвратной миграции и диаспоре мигрантов (подобно, например, Эфиопии), где члены диаспоры открыто инвестируют в поддержку предпринимательства мигрантов в родной стране.
- Необходимо улучшить условия, в которых трудящиеся-мигранты интегрируются в рынок труда, включая укрепление трудового законодательства для защиты прав трудящихся-мигрантов, улучшение обучения работодателей правам трудящихся и создание ориентированных на трудящихся предотъездных тренингов для обучения и расширения прав трудящихся. Ориентационные семинары перед отъездом дают реалистичное представление о проблемах и трудностях, с которыми, вероятно, столкнутся трудящиеся-мигранты в странах эмиграции.
- Женщины-мигранты нуждаются в институциональной поддержке в сельских сообществах. Анализ показывает, что социальный, экономический и культурный капитал, который женщины-мигранты приобретают за многие годы опыта транснациональной миграции, повышает их способность эффективно действовать в своей жизни. Нынешним правительствам необходимо признать этот потенциал и сформировать такое трудовое участие работающих женщин, которое отражает этот потенциал и обеспечивает их беспрепятственную интеграцию в сельские сообщества.

Источники

Abdulloev, I., Epstein, G. S., & Gang, I. N. (2020). «Migration and Forsaken Schooling in Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan.» *IZA Journal of Development and Migration* 11(1), 20200004. doi:<https://doi.org/10.2478/izajodm-2020-0004>

Carling, J., & Erdal, M. B. (2014). «Return Migration and Transnationalism: How Are the Two Connected?» *International Migration* 52(6), 2-12. doi:10.1111/imig.12180

Dave, B. (2014). «Becoming 'Legal' through 'Illegal' Procedures: The Precarious Status of Migrant Workers in Russia.» *Russian Analytical Digest* (159), 2-8.

Eraliev, S., & Urinboyev, R. (2020). «Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia.» *Current History*.

Gatskova, K., Ivlevs, A., & Dietz, B. (2019). «Can Labor Emigration Affect the Education of Girls? Evidence from Tajikistan.» *Feminist Economics* 25(3), 96-118. doi:10.1080/13545701.2019.1615101

Jaupart, P. (2019). «No country for young men: International migration and left-behind children in Tajikistan.» *Economics of Transition and Institutional Change* 27(3), 579-614.

Kholmatova, N. (2018). «Changing the Face of Labor Migration? The Feminization of Migration from Tajikistan to Russia.» In M. S. Laruelle, Caress (Ed.), *Eurasia on the Move. Interdisciplinary Approaches to a Dynamic Migration Region*. Washington, D.C.: Central Asia Program, The George Washington University.

Lietaert, I. (2016). *Perspectives on return migration: A multi-sited, longitudinal study on the return processes of Armenian and Georgian migrants*. Ghent University.

Lutz, H. (2010). «Gender in the migratory process.» *Journal of ethnic and migration studies*, 36(10), 1647-1663.

Mirov, L. (2020). «NEET-молодежь Таджикистана: роль образования и семья.» *Инновации и инвестиции* (9).

Mukhamedova, N., & Wegerich, K. (2018). «The feminization of agriculture in post-Soviet Tajikistan.» *Journal of Rural Studies* 57, 128-139.

Murzakulova, A. (2020). «Rural Migration in Kyrgyzstan: Drivers, Impact and Governance.» *Research Paper* (7).

Nazridod, S., Pereira, C. P. d. C., & Guerreiro, M. d. D. H. (2019). «Adolescents who stay, parents who migrate: gender inequalities, resilience and coping strategies in Tajikistan.» *Journal of ethnic and migration studies*, 1-18.

Parreñas, R. S., & Silvey, R. (2018). «The Precarity of Migrant Domestic Work.» *South Atlantic Quarterly* 117(2), 430-438.

Rocheva, A., & Varshaver, E. (2017). «Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation.» *Asia-Pacific Population Journal*, 32(2).

Sanchez, G., & Achilli, L. (2020). «Stranded: the impacts of COVID-19 on irregular migration and migrant smuggling.» [Journal source?]

Schiller, N. G., Basch, L., & Blanc-Szanton, C. (1992). «Transnationalism: A new analytic framework for understanding migration.» *Annals of the New York academy of sciences* 645(1), 1-24.

Varshaver, E., Ivanova, N., & Rocheva, A. (2020). «Polozhenie Inostrannykh Trudovykh Migrantov V Rossii vo Vremya Pandemii Koronavirusa.» [Source?]

COVID-19 и миграционная неопределенность в Кыргызстане: Уехать или остаться и зарабатывать?

Нина Михольчич

Аннотация

Кыргызстан является одной из наиболее зависимых от денежных переводов стран в мире.¹ Приток денежных переводов в данную страну с низким уровнем дохода в течение последнего десятилетия оставался ключевым фактором, вносящим вклад в ВВП страны. Миграционный отток рабочей силы продолжает играть значительную роль в поддержании внутренней экономики Кыргызстана. В связи с тем что Россию и регион Центральной Азии объединяет общая история, культурные связи и язык межнационального общения, российский рынок остается популярным направлением для мигрантов из Центральной Азии.² В 2019 году почти 98% кыргызских внутрисемейных финансовых переводов поступило из Российской Федерации.³

Однако глобальная пандемия коронавирусной болезни (COVID-19) серьезно повлияла на потоки денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода (СНСД) в целом, и экономики, зависящие от денежных переводов, как экономика Кыргызстана, оказались глубоко уязвимыми во время различных международных событий, включая финансовый кризис 2008 года и нынешнюю пандемию. Чтобы стать более устойчивой, экономика Кыргызстана нуждается в тщательной реформе, которая может

¹ Бхутия, Сэм. Денежные переводы из России в Центральную Азию снова растут // Eurasianet, 23 мая, 2019. Режим доступа: <https://eurasianet.org/russian-remittances-to-central-asia-rise-again>.

² Погосян, Тигран. Денежные переводы в России, на Кавказе и в Центральной Азии: Модель гравитации // Рабочий документ МВФ, WP/20/128 (июнь 2020 г.): 4.

³ Кудряцева, Татьяна. Денежные переводы в Кыргызстан за год сократились на 242,1 млн долларов // 24kg, 12 декабря, 2019. Режим доступа: https://24.kg/english/137648_Remittances_to_Kyrgyzstan_decrease_by_2421 mln_over_the_year/.

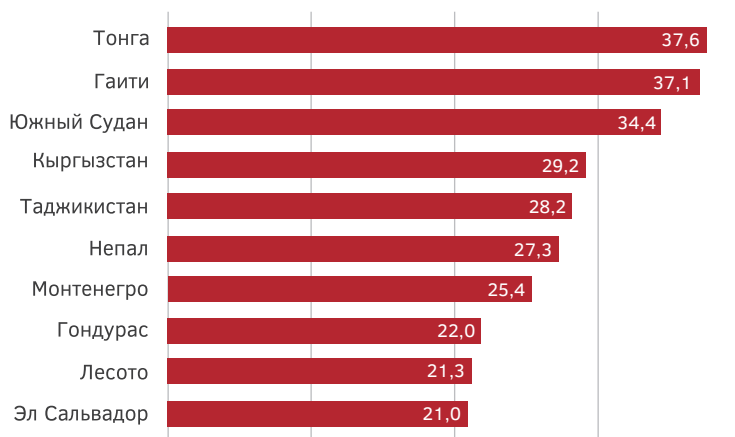
улучшить внутренний рынок труда и создать более эффективные экономические стимулы, которые могут снизить зависимость от денежных переводов и миграционного оттока рабочей силы, особенно в сельских районах Кыргызстана.

Денежные переводы как главная опора экономики Кыргызстана

Денежные переводы остаются основным топливом кыргызской экономики.⁴ За последнее десятилетие частные финансовые переводы из-за рубежа внесли значительный вклад в ВВП страны. Переводы мигрантов составили почти 30% ВВП Кыргызстана в 2019 году.

С 2010 года доля денежных переводов в ВВП Кыргызстана неизменно превышает 25%, что ставит страну в число ведущих стран мира, зависящих от денежных переводов. В 2019 году Кыргызстан был четвертой страной, наиболее зависимой от денежных переводов, после Тонги, Гаити и Южного Судана.

Диаграмма 1. Денежные переводы как доля ВВП в 2019 (%)

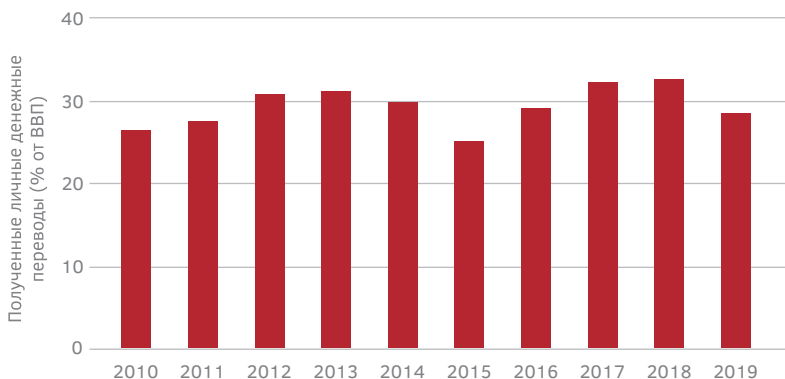

Топ 10 стран, зависящих от денежных переводов за 2019

Источник: Всемирный Банк

⁴ Дилип Ратха, и соав., Денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода на пути к достижению 551 миллиардов долларов в 2019 году и 597 миллиардов долларов к 2021 году: Публикация данных: // Блоги Всемирного Банка, 16 октября, 2019. Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/peoplemove/data-release-remittances-low-and-middle-income-countries-track-reach-551-billion-2019>.

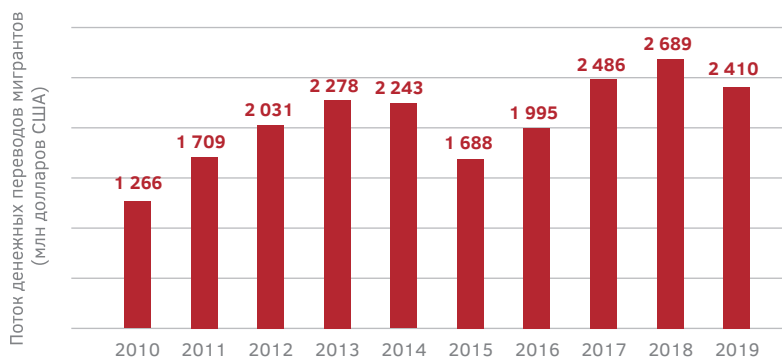
Диаграмма 2. Личные денежные переводы, полученные (% от ВВП) в Кыргызской Республике (2010–2019)

Источник: Всемирный Банк

Россия остается основным источником денежных переводов для кыргызских мигрантов – эти переводы достигли 2,410 млн долларов США в 2019 году, из которых 2,358 млн долларов США поступили от мигрантов, работающих в России.⁵

Диаграмма 3. Поток денежных переводов мигрантов в Кыргызскую Республику (2010–2019)

Источник: Всемирный Банк

⁵ Кудрявцева, Татьяна. Денежные переводы в Кыргызстан за год сократились на 242,1 млн долларов // *24kg*, 12 декабря, 2019. Режим доступа: https://24.kg/english/137648_Remittances_to_Kyrgyzstan_decrease_by_2421 mln_over_the_year/.

В 2018 году было подсчитано, что без данных внутрисемейных финансовых трансфертов 31,5% населения Кыргызстана погрузились бы в серьезную нищету; а зависимость в южных регионах страны была еще больше, и почти 60% жителей считались бедными, если бы не переводы мигрантов из-за рубежа в некоторых местах.⁶ Одной из преобладающих проблем в данной ситуации является культура зависимости от денежных переводов, которая может препятствовать экономическому развитию⁷ и которая остается одной из основных современных политических проблем для экономики.

Кыргызстан – преимущественно сельскохозяйственная страна, почти две трети населения которой проживает в сельских районах.⁸ В сельскохозяйственном секторе занято около 40% от общей численности рабочей силы, но на его долю приходится лишь 20% национального ВВП.⁹ Во многих сельских районах большинство местного населения живет за чертой бедности. Высокая безработица и отсутствие возможностей для трудоустройства вынуждают многих кыргызстанцев искать работу за рубежом и помогать своим семьям посредством денежных переводов.¹⁰

Влияние COVID-19 на потоки денежных переводов в Кыргызстане

В отчете Всемирного банка за 2020 год предсказывалось, что потоки денежных переводов в страны с низким уровнем дохода сократятся примерно на 20 процентов во всем мире в 2020 году. Это будет самое резкое снижение в новейшей истории, вызванное сни-

⁶ Нацстатком: Кыргызстанцы становятся беднее и все больше зависят от мигрантов // Радио «Азаттык», 22 июня, 2018. Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-poverty-stat/29313225.html>.

⁷ Амуэдо-Дорантес, Каталина. Плюсы и минусы потоков денежных переводов // *IZA World of Labour*, 2014. Режим доступа: <https://wol.iza.org/articles/good-and-bad-in-remittance-flows/long>.

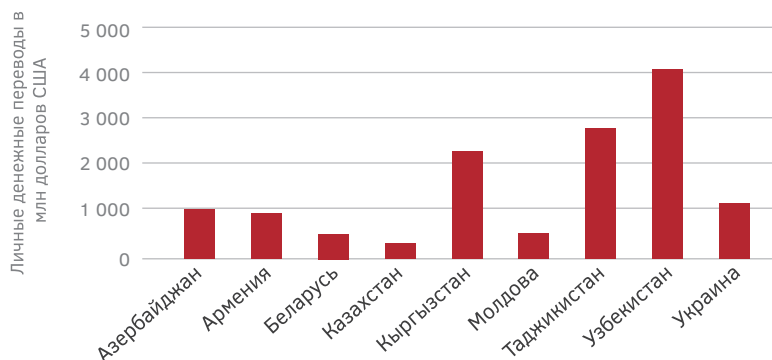
⁸ Краткое статистическое руководство 2016–2018 // *Национальный статистический комитет Кыргызской Республики*, Бишкек, Кыргызстан, 2019. Режим доступа: <http://stat.kg/en/publications/kratkij-statisticheskij-spravochnik-kyrgyzstan/>.

⁹ Сельское хозяйство и продовольственная безопасность // *USAID*, 13 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/agriculture-and-food-security>.

¹⁰ Брахан, Кете. Развитие сельских районов на Юге Кыргызстана // *GIZ*, 2018. Режим доступа: <https://www.giz.de/en/worldwide/74952.html>.

жением заработной платы и сокращением занятости трудящихся-мигрантов в принимающих странах, главным образом в результате нынешней пандемии.¹¹ Это серьезно повлияет на Центральную Азию, поскольку регион в значительной степени зависит от оттока рабочей силы мигрантов и притока денежных переводов. Данные, предоставленные Центральным банком России, показывают, что из 14,84 миллиарда долларов США личных денежных переводов, которые были отправлены из России в другие страны Содружества Независимых Государств (СНГ), 9,75 миллиарда долларов США, или 65,7 процента, были направлены исключительно в Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан.

Диаграмма 4. Личные денежные переводы из России в страны СНГ (2019)

Источник: Центральный Банк России (создано в ноябре 2020)

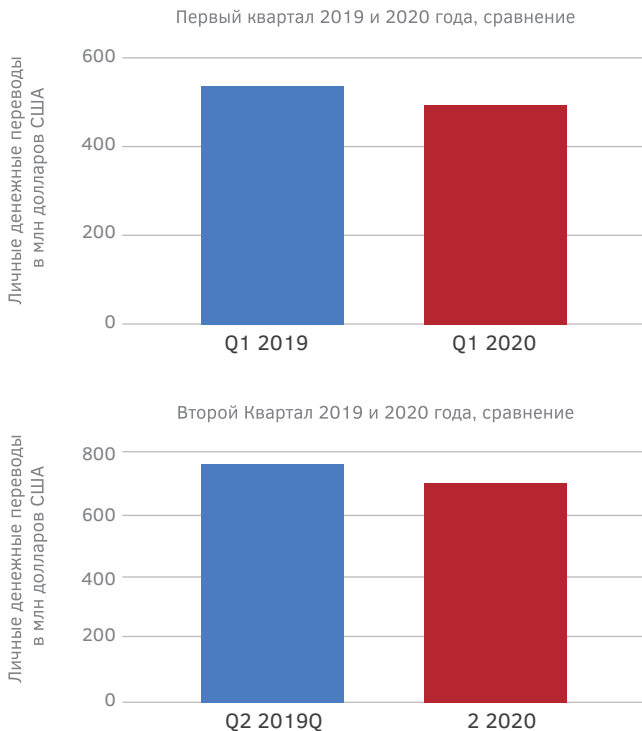
Кризис COVID-19 и падение цен на нефть уже повлияли на российскую экономику и впоследствии значительно сократили потоки денежных переводов в принимающие страны Центральной Азии.¹² В Кыргызстане в первом квартале 2020 года объем полученных личных денежных переводов из России сократился примерно на 50 миллионов долларов США (около 9% от общего объема) по сравне-

¹¹ Краткое сообщение Всемирного банка «Кризис COVID-19 через призму миграции: Краткое сообщение о миграции и развитии» 32 // КНОМАД, апрель 2020, с. 7. Режим доступа: https://www.knomad.org/sites/default/files/2020-06/R8_Migration%26Remittances_brief32.pdf.

¹² См. там же, с. 7.

нию с аналогичным периодом 2019 года. Более того, по сравнению с двумя вторыми кварталами 2019 и 2020 годов падение еще более поразительно: объем полученных денежных переводов из России сократился примерно на 19%.

Диаграмма 5. Личные денежные переводы из России в Кыргызстан

Источник: Центральный Банк России (создано в августе 2020)

Более того, ослабление рубля по отношению к доллару на 16% в 2020 году дополнительно снизило стоимость денежных переводов из России.¹³

¹³ Айне Куинн, Наубет Бисенов и Хелена Бедвелл. Кризис в России ставит под угрозу денежные переводы в размере 13 миллиардов долларов // Bloomberg, 14 апреля, 2020. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-14/russia-s-coming-crisis-puts-13-billion-of-remittances-at-risk>.

И без того тяжелая жизнь кыргызских мигрантов еще больше осложнилась современным глобальным экономическим кризисом, вызванным в первую очередь COVID-19. Неопределенность, связанная с недавней вспышкой болезни в России, вынудила многих мигрантов вернуться на родину. С начала кризиса многие кыргызские мигранты потеряли работу в России, и некоторые из них пытаются вернуться домой, однако из-за закрытия многие остаются на российско-казахстанской границе в Оренбургской области. На сегодняшний день правительству Кыргызстана удалось вернуть домой более 2000 граждан, застрявших на границе.¹⁴

С точки зрения политики, это сложное и проблематичное воздействие COVID-19 на миграцию в Россию пролило новый свет на необходимость более устойчивых экономических стратегий внутри страны для стимулирования внутреннего рынка труда и реформирования аграрного сектора. В то время как Россия пытается восстановиться, Кыргызстан, как одна из наиболее зависимых от денежных переводов стран, может прилагать постоянные усилия для уменьшения зависимости от денежных переводов и восстанавливать сельскохозяйственный сектор, используя свои ресурсы для укрепления местной экономики.

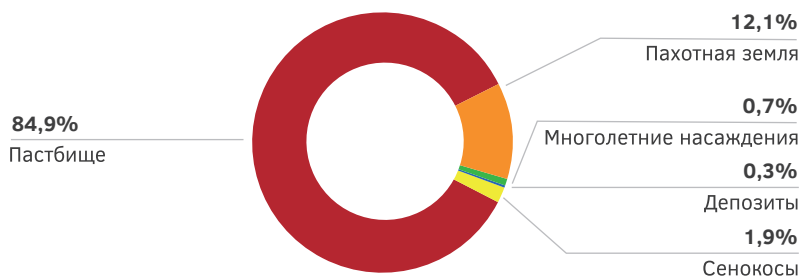
Создание факторов притяжения посредством целенаправленных реформ: Создание экономических стимулов в сельских районах Кыргызстана

Усовершенствованная аграрная политика и инвестиции в сельских районах Кыргызстана могут помочь сократить высокий уровень эмиграции и широко распространенную бедность. Реформы могли бы способствовать созданию более благоприятных условий для местных жителей и репатриантов, которые хотели бы остаться на рынке труда Кыргызстана. Улучшение условий в сельской местности также могло бы привлечь эмигрантов к возвращению домой и помочь восстановить местную экономику, привнося новые навыки. Мелкие фермеры, которые являются основой сельского

¹⁴ Кыргызстан вывез из России более двух тысяч граждан, застрявших на границе, узбеки ждут своей очереди // *Current Time*, 5 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-i-uzbekistan-vyvezut-svoikh-grazhdan/30767422.html>.

хозяйства Кыргызстана, зависят от животноводства –¹⁵ основного источника продовольственной безопасности в сельских общинах. Однако развитию сектора препятствует низкая продуктивность животноводства и сельского хозяйства. Поскольку пастбища являются основным земельным ресурсом, составляющим 40% территории страны и охватывающим почти 85% всех сельскохозяйственных угодий, существует настоятельная необходимость в улучшении данного важного земельного актива. Несмотря на то что пахотные земли составляют всего 21,1% сельскохозяйственных угодий Кыргызстана, дальнейшее развитие данного подсектора также может способствовать повышению общей продовольственной безопасности и устойчивости на местном уровне.

Диаграмма 6. Структура сельскохозяйственных земель в 2018

Источник: Национальный статистический комитет Кыргызской Республики

Для повышения производительности сельского хозяйства необходима финансовая поддержка, а также реформы в области развития животноводства и модернизации пастбищных систем. Потребуется инвестиции для ремонта ветхой или отсутствующей инфраструктуры, такой как дороги, мосты и источники воды, для повышения мобильности скота и обеспечения возможности использования отдаленных пастбищ.¹⁶ Улучшение услуг по поддерж-

¹⁵ Инвестирование в сельское население Кыргызстана // *Международный фонд сельскохозяйственного развития* (МФСР), 2018. Режим доступа: https://www.ifad.org/documents/38714170/40806265/kyrgyzstan_2018_web.pdf/c30b60ce-c1b0-46dc-8883-dbf40e12bf9c.

¹⁶ Шигаева, Жылдыз и др. Децентрализация управления агропастбищными системами в Кыргызстане: оценка недавних пастбищных реформ // *Исследования и разработки в горных районах*, 1 февраля, 2016. Режим доступа: <https://bioone.org/journals/mountain-research-and-development/volume-36/issue-1/MRD-JOURNAL-D-15-00023.1/Decentralizing-Governance-of-Agropastoral-Systems-in-Kyrgyzstan--An-Assessment/10.1659/MRD-JOURNAL-D-15-00023.1.full?tab=ArticleLink>.

ке животноводства путем создания эффективной частной ветеринарной системы и обмена знаниями и идеями между экспертами в области животноводства и здравоохранения также может привести к позитивным изменениям и сокращению бедности в сельских районах Кыргызстана.¹⁷

Сельскохозяйственное образование и консультационные услуги, предоставляемые в рамках ряда проектов, могут помочь мелким фермерским предприятиям увеличить столь необходимое количество и качество продукции и поддержать увеличение доходов. Благодаря модернизированному управлению пастбищами, улучшению услуг животноводства и более образованным фермерам в области торговли и методов ведения агробизнеса, сельские жители могут обеспечить более устойчивые источники средств к существованию, уменьшить отток сельского населения и даже экономически реинтегрировать возвращающихся мигрантов в сельские общины.

Несмотря на то что Кыргызстан имеет благоприятную демографию, с высоким уровнем населения трудоспособного возраста,¹⁸ уровень образования в сельскохозяйственном секторе низкий и наблюдается нехватка профессионально подготовленных и образованных фермеров. Данные за 2009 год показывают, что только 7% сельских работников имеют высшее образование в области сельского хозяйства, в то время как 45% имеют высшее образование в областях, совершенно не связанных с сельским хозяйством, таких как сфера образования (33%) или медицина.¹⁹ Ситуация с сельскохозяйственным образованием за прошедшие годы существенно не улучшилась. Исследование, проведенное в 2014 году, показывает, что только 17,1% всех людей, занятых в сельскохозяйственном секторе, имели некоторое — но не исключительно — сельскохозяйственное профессиональное образование. Это означает, что многие сельскохозяйственные работники не обладают надлежащими знаниями или опытом ведения сельского хозяйства, необходимыми для эффективного реагирования на современные условия

¹⁷ Инвестиции в сельское население Кыргызстана // *Международный фонд сельскохозяйственного развития* (МФСР).

¹⁸ Демографический профиль Кыргызстана // *IndexMundi*, июль 2020. Режим доступа: https://www.indexmundi.com/kyrgyzstan/demographics_profile.html.

¹⁹ Йохан Свиннен, Кристин Ван Херк и Астрид Снейерс. Кыргызская Республика: возможности и трудности роста сельского хозяйства // *ЦЕНТР ИНВЕСТИЦИЙ FAO*, 2011. Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i2711e.pdf>.

ведения сельскохозяйственного бизнеса.²⁰ Сельскохозяйственная подготовка и ознакомление с передовым международным опытом станут важными элементами любой будущей программы реформ.

Сокращение гендерного неравенства с помощью сельскохозяйственных реформ

В нынешней ситуации также существуют ключевые гендерные аспекты. Несмотря на то что женщины-мигранты вносят свой вклад в семейный доход отправляющих семей, они по-прежнему подвергаются большей дискриминации и им труднее вернуться в страну происхождения. Особенностью моделей миграции в Кыргызстане является то, что по сравнению с двумя другими странами Центральной Азии с высоким уровнем экспорта рабочей силы, Узбекистаном и Таджикистаном, которые обычно отправляют молодых необразованных мужчин на работу за границу, среди эмигрантов Кыргызстана относительно высока доля женщин.²¹ В 2016 году почти 40% кыргызских мигрантов в России составляли женщины, в то время как доля женщин-мигрантов из Таджикистана и Узбекистана была значительно ниже – менее 20% от общего числа мигрантов из каждой страны.²² Феминизация кыргызской миграции начала усиливаться с 2011 года и далее.²³ Это также привело к некоторым негативным тенденциям, включая запугивание женщин-мигрантов через социальные сети или формирование так называемой группы «Патриоты», состоящей из кыргызских мужчин-мигрантов, которые преследуют и угрожают женщинам-мигрантам из Кыргызстана.²⁴ Многие возвращающиеся женщины

²⁰ Роман Могилевский и соав. Итоги 25-летних сельскохозяйственных реформ в Кыргызстане // Дискуссионный документ, № 162. / *Институт сельскохозяйственного развития Лейбница в странах с переходной экономикой (IAMO)*, 2017. Режим доступа: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:gbv:3:2-69129>.

²¹ Дариева, Цыпылма. Жизнь между двумя мирами: трудовые мигранты в России // *ZoIS Spotlight*, 11 декабря, 2019. Режим доступа: <https://en.zois-berlin.de/publications/zois-spotlight-2019/life-between-two-worlds-labour-migrants-in-russia/>.

²² Кыргызстан: Женщины и дети из Кыргызстана, пострадавшие от миграции: повышенная уязвимость // *Международная федерация по правам человека*, сентябрь 2016. Режим доступа: <https://www.osce.org/odhr/269066?download=true>.

²³ Мурзакулова, Асель. Сельская миграция в Кыргызстане: Факторы, влияние и управление / *Исследовательский институт горных обществ Университета Центральной Азии (UCA MSRI)*, июнь 2020. Режим доступа: https://centralasia.org/Content/downloads/UCA-MSRI-ResearchPaper-7_Eng.pdf.

²⁴ См. там же.

подвергаются общественному осуждению, особенно незамужние и молодые женщины, которых могут воспринимать как вышедших за рамки принятых в обществе норм и ценностей.²⁵

Миграционный отток также сильно сказывается на женщинах, оставшихся в своей стране. Исследование показывает, что большинство оставшихся женщин в Кыргызстане выбирают неоплачиваемую домашнюю работу и работают больше часов в данной профессии.²⁶ В большинстве случаев женщины, живущие в отпавляющих домохозяйствах, сталкиваются с увеличением неоплачиваемого рабочего времени на дому и имеют меньше времени для отдыха, образования и ухода за собой, что может негативно сказаться на домашних хозяйствах. Более того, большинство оставшихся женщин проживают в сельских районах Кыргызстана, где вероятность того, что женщины станут неоплачиваемыми семейными работниками, возрастает более чем на 30 процентов.²⁷ Улучшение экономических условий, которые могут снизить уровень миграции, может помочь разорвать этот порочный круг неоплачиваемой работы и бедности оставшихся в Кыргызстане женщин.

Нынешний кризис, вызванный пандемией COVID-19, вынудил кыргызских мигрантов, среди которых много женщин, вернуться домой. Многим местным жителям сейчас не осталось выбора, и они не могут уехать за границу, чтобы заработать больше и помочь своим семьям. Комплекс сельскохозяйственных реформ и дополнительное финансирование, нацеленные на уязвимые домохозяйства, такие как домохозяйства недавно вернувшихся мигрантов, домохозяйства, возглавляемые женщинами и производителями животноводческой продукции, и бедные фермерские семьи, могут решить настоящую ситуацию. Когда дело доходит до более широкой стратегии по гендерным вопросам, расширение прав и возможностей домашних хозяйств, возглавляемых женщинами, за счет специального финансирования может уменьшить гендерное неравенство, повысить производительность и способствовать общему благосостоянию страны.

²⁵ Исследование восприятия гендера в обществе // *UNFPA*, 2016, стр. 168-169. Режим доступа: <https://kyrgyzstan.unfpa.org/en/publications/gender-society-perception-study>.

²⁶ Карымшаков, Камалбек и Сулайманова, Бурулча. Влияние миграции на участие женщин, оставшихся без работы, и использование времени / *Всемирный научно-исследовательский институт экономики развития Университета Организации Объединенных Наций*, май 2017.

²⁷ См. там же, с. 11.

Заключение

Очевидно, что Кыргызстану требуются расширенные реформы для построения сельской экономики и поддержки большей продовольственной безопасности и устойчивости сельских районов. В то время как личные денежные переводы остаются важным вкладом в ВВП и доходы домашних хозяйств в Кыргызской Республике, из простого дополнительного источника дохода, способствующего доходам домашних хозяйств в сельском хозяйстве, денежные переводы стали основным источником дохода для большинства кыргызстанцев, особенно в сельских районах. Хотя внутрисемейные финансовые переводы из-за рубежа помогают домашним хозяйствам и развивающимся странам поддерживать устойчивый уровень жизни, остаточная чрезмерная зависимость от денежных переводов может повысить экономическую уязвимость в странах, где любой крупный финансовый кризис или внезапный разрыв в миграции могут поставить под угрозу безопасность средств к существованию домашних хозяйств.

Нынешний кризис COVID-19 является примером такой уязвимости. Ожидается, что российский рынок труда серьезно пострадает из-за пандемии коронавируса, снижения уровня заработной платы трудящихся-мигрантов и снижения общего спроса на рабочую силу. Это серьезно повлияет на потоки денежных переводов в страны Центральной Азии, включая Кыргызстан.

Уже многие кыргызские мигранты потеряли работу в России, а некоторые покинули страну. Ситуация критическая, но она также проливает свет на новые возможности и потребности. К ним относятся власти Кыргызстана, начинающие проводить эффективные реформы, ориентированные на сельские районы и аграрный сектор, способствующие стимулированию факторов и созданию дополнительных факторов притяжения для мигрантов за рубежом. Поскольку нынешние экономические условия диктуют отток рабочей силы из сельских районов Кыргызстана, крайне важно, чтобы реформы были нацелены на важнейшие области сельской экономики и способствовали повышению общего благосостояния всей страны.

Источники

Каталина, Амуэдо-Дорантес. Плюсы и минусы потоков денежных переводов // *IZA World of Labour*, 2014. Режим доступа: <https://wol.iza.org/articles/good-and-bad-in-remittance-flows/long>.

Сельскохозяйственная и продовольственная безопасность // *USAID*, 13 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.usaid.gov/kyrgyz-republic/agriculture-and-food-security>.

Бхутия, Сэм. Российские денежные переводы в Центральную Азию снова растут // *Eurasianet*, 23 мая, 2019. Режим доступа: <https://eurasianet.org/russian-remittances-to-central-asia-rise-again>.

Кете, Брахан. Развитие сельских районов на Юге Кыргызстана // *GIZ*, 2018. Режим доступа: <https://www.giz.de/en/worldwide/74952.html>.

Краткое статистическое руководство 2016–2018 // *Национальный статистический комитет Кыргызской Республики*, Бишкек, Кыргызстан, 2019. Режим доступа: <http://stat.kg/en/publications/kratkij-statisticheskij-spravochnik-kyrgyzstan/>.

Дариева, Цыпылма. Жизнь между двумя мирами: трудовые мигранты в России // *ZoIS Spotlight*, 11 декабря, 2019. Режим доступа: <https://en.zois-berlin.de/publications/zois-spotlight-2019/life-between-two-worlds-labour-migrants-in-russia/>.

Исследование восприятия гендера в обществе / *UNFPA*, 2016, <https://kyrgyzstan.unfpa.org/en/publications/gender-society-perception-study>.

Инвестиции в сельское население Кыргызстана / *Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР)*, 2018, Режим доступа: https://www.ifad.org/documents/38714170/40806265/kyrgyzstan_2018_web.pdf/c30b60ce-c1b0-46dc-8883-dbf40e12bf9c.

Йохан Свиннен, Кристин Ван Херк и Астрид Снейерс. Кыргызская Республика, возможности и трудности роста сельского хозяйства // *ЦЕНТР ИНВЕСТИЦИЙ FAO*, 2011. Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i2711e.pdf>.

Карымшаков, Камалбек и Сулайманова, Бурулча. Влияние миграции на участие женщин, оставшихся без работы, и использование времени // *Всемирный научно-исследовательский институт экономики развития Университета Организации Объединенных Наций*, май 2017.

Кудрявцева, Татьяна. Денежные переводы в Кыргызстан за год сократились на 242,1 млн долларов // *24kg*, 12 декабря, 2019. Режим доступа: https://24.kg/english/137648_Remittances_to_Kyrgyzstan_decrease_by_2421 mln_over_the_year/.

Кыргызстан вывез из России более двух тысяч граждан, застрявших на границе, узбеки ждут своей очереди // *Current Time*, 5 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.currenttime.tv/a/kyrgyzstan-i-uzbekistan-vyvezut-svoikh-grazhdan/30767422.html>.

Кыргызстан: Женщины и дети из Кыргызстана, пострадавшие от миграции: повышенная уязвимость // *Международная федерация по правам человека*, Сентябрь 2016. Режим доступа: <https://www.osce.org/odihr/269066>.

Мурзакулова, Асель. Сельская миграция в Кыргызстане: Факторы, влияние и управление // *Исследовательский институт горных обществ Университета Центральной Азии (UCA MSRI)*, июнь 2020. Режим доступа: https://ucentralasia.org/Content/downloads/UCA-MSRI-ResearchPaper-7_Eng.pdf.

Нацстатком: Кыргызстанцы становятся беднее и все больше зависят от мигрантов // *Радио Азаттык*, 22 июня, 2018. Режим доступа: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-poverty-stat/29313225.html>.

Погосян, Тигран. Денежные переводы в России, на Кавказе и в Центральной Азии: Модель гравитации // *Рабочий документ МВФ*, WP/20/128 (июнь 2020 г.): 4.

Ратха, Дилип и Суприе Де, Юнг Джу Ким, Соня Плаза, Ганеш Сешан и Надежда Дезире Ямеого. Публикация данных: Денежные переводы в страны с низким и средним уровнем дохода на пути к достижению 551 миллиарда долларов в 2019 году и 597 миллиардов долларов к 2021 году // *Блог Всемирного Банка*, 16 октября, 2019. Режим доступа: <https://blogs.worldbank.org/peoplemove/data-release-remittances-low-and-middle-income-countries-%20track-reach-551-billion-2019>.

Роман Могилевский и соав. Итоги 25-летних сельскохозяйственных реформ в Кыргызстане: Дискуссионный документ, № 162 // Институт сельскохозяйственного развития Лейбница в странах с переходной экономикой (IAMO), 2017. Режим доступа: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:gbv:3:2-69129>.

Жылдыз Шигаева и соав. Децентрализация управления агропастбищными системами в Кыргызстане: оценка недавних пастбищных реформ // *Исследования и разработки в горных районах*, 1 февраля, 2016. Режим доступа: <https://bioone.org/journals/mountain-research-and-development/volume-36/issue-1/MRD-JOURNAL-D-15-00023.1/Decentralizing-Governance-of-Agropastoral-Systems-in-Kyrgyzstan--An-Assessment/10.1659/MRD-JOURNAL-D-15-00023.1.full?tab=ArticleLink>.

Краткое сообщение Всемирного банка «Кризис COVID-19 через призму миграции: Краткое сообщение о миграции и развитии 32 // *КНОМАД*, апрель 2020. Режим доступа: https://www.knomad.org/sites/default/files/2020-06/R8_Migration%26Remittances_brief32.pdf.

Китай на задворках ОБСЕ

- 225** **Дирк Линовски и Стефан Лукас**
Китайско-пакистанский экономический
коридор (КПЭК) и его значение для
сотрудничества в области безопасности
в регионе
- 236** **Майкл Э. Ламберт**
Американский анализ развития
вооруженных сил и безопасности
в Ваханском коридоре (1980-2021 гг.)
- 248** **Срджан Ульевич**
Отношения Индии с Китаем после конфликта
на реке Галван

Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) и его значение для сотрудничества в области безопасности в регионе

Дирк Линовски и Стефан Лукас

Аннотация

Соображения безопасности и экономические соображения делают Пакистан чрезвычайно важным партнером для Китая в рамках инициативы «Один пояс - один путь». Их партнерство основано на чувстве реальности и отсутствии стратегической альтернативы для них обоих. Это особенно верно в отношении объединяющего соперничества с Индией и расстояния до Запада. Хотя экономические отношения между двумя странами уже углубились в последние десятилетия, двустороннее сотрудничество теперь также укрепляется в военной сфере. Как показано в статье, Пакистан заинтересован не только в экономических возможностях Китая в этом отношении, но и в цифровой модернизации и кибервойне.

Введение

Обмен данными теперь возможен между почти любыми двумя населенными пунктами на Земле, а рост международной торговли произошел из-за более дешевых альтернатив морских перевозок с контейнеровозами с конца 1960-х годов. Поскольку морские перевозки были гораздо более дешевой альтернативой и большинство людей во всем мире живут в непосредственной близости от береговых линий, классические наземные транспортные маршруты широко игнорировались в течение последних пятидесяти лет и во многих странах, не имеющих выхода к морю, в Центральной Азии и к югу от Сахары. Африка чувствовала себя в глобальном масштабе позади. Такие государства, как, в частности, Пакистан и Афгани-

стан, долгое время вели призрачное существование в международной торговле и, несмотря на их центральное положение между Азией, Европой и Африкой, были частью периферии. С помощью инициативы «Один пояс – один путь» (BRI), Китай предоставляет этим государствам новые альтернативы, одновременно расширяя свою политическую, экономическую и военную сеть.

Пакистан представляет интерес для Народной Республики в первую очередь из-за своего геостратегического положения: чтобы подчеркнуть расстояние между этими западными провинциями и их ближайшими портами в Китае, прямое расстояние от Урумчи или Кашгара в западной «беспокойной» провинции Синьцзян до ближайшего китайского порта Тяньцзинь не сильно отличается от расстояния до пакистанского Гвадара (оба находятся примерно в 3 000 км), последний намного ближе к клиентам Китая в Европе и Африке.

В этой статье мы покажем, что сочетание соображений безопасности и экономики делает Пакистан чрезвычайно важным партнером для Китая среди более чем 130 национальных государств, которые более или менее тесно вовлечены в инициативу «Один пояс - один путь» (BRI). То, что Пакистану суждено стать партнером Китая в нынешней ситуации, видно уже из следующих обстоятельств:

1. В Пакистане проживает более 200 миллионов человек.

2. Пакистан имеет прямую границу с провинцией Синьцзян и, как таковой, может обеспечить прямой выход к Индийскому океану, что позволяет китайским судам обходить Малаккский пролив.

3. Пакистан и Индия, вторая страна – с населением более одного миллиарда человек и стратегический соперник Китая, вели несколько войн, в том числе первую войну с применением обычного оружия между ядерными державами.

4. Запад в настоящее время почти не присутствует в Пакистане.

Интерес Пакистана к Китаю часто сводится к тому, что Китай имеет доступ к навыкам создания инфраструктуры, модернизации общества в целом и обеспечения противовеса своему соседу Индии. Ниже мы покажем, что ситуация более сложная для обоих партнеров в этом «браке по расчету».

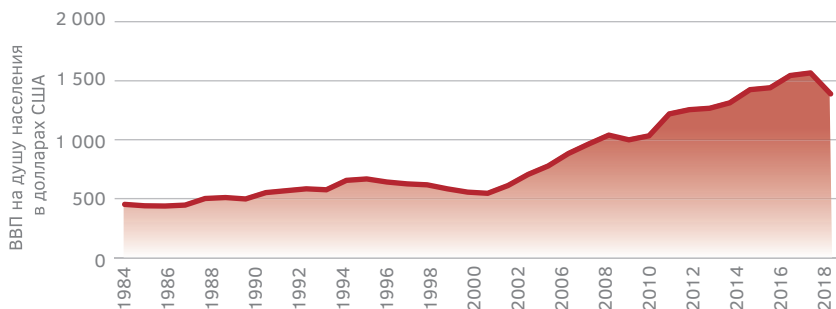
Экономическое участие Китая в Пакистане

Финансовые потоки из Китая превышают потоки с Запада в очень немногих странах: помимо небольших по численности населения стран, таких как Лаос, Таджикистан, Шри-Ланка и Казахстан, Пакистан – «большая рыба» в этом маленьком пруду. Американский институт предпринимательства регистрирует 95 крупных проектов китайских фирм с 2005 по 2060 год с общей суммой инвестиций около 60 млрд долларов США.

В 2019 году инвестиции Китая в страны инициативы «Один пояс - один путь» (BRI) явно находились под пристальным вниманием: в то время как иностранные инвестиции Китая в первой половине 2019 года существенно снизились, чтобы в будущем более эффективно использовать китайскую ликвидность за рубежом, эта перекалибровка почти не повлияла на Пакистан. В 2019 году Китай запустил три крупных проекта по гидроэнергетике и два – по добыче угля на общую сумму контрактов 5,375 млрд долларов США. Это подчеркивает стратегию Китая, направленную на концентрацию внимания на нескольких государствах-партнерах вместо диверсификации в более широком смысле.

Согласно классификации Всемирного банка, Пакистан относится к странам с уровнем дохода ниже среднего. Однако главная задача его правительства – справиться с растущим населением. Население Пакистана выросло примерно на 40 миллионов человек (или примерно на 2% ежегодно) в течение последних 10 лет. В диаграмме 2 показано изменение ВВП на душу населения с 1984 года по настоящее время.

Диаграмма 1. ВВП на душу населения в Пакистане с 1984 по 2019 год

Источник: Statista

Торговый баланс Пакистана уже много лет характеризуется огромным дефицитом: превышение импорта над экспортом выросло с 20,541 млрд долл. США в 2014 г. до 37,738 млрд долл. США в 2018 году. Особый интерес, конечно, вызывает Китай: в то время как экспорт в Китай составил около 1,8 млрд долларов, импорт – 11,45 млрд долларов; то есть наблюдается шестикратная разница (см., например, <http://www.gtai.com>).

Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) представляет собой сеть из около 3000 км рельсов, дорог и трубопроводов, которые предназначены для транспортировки нефти и газа из пакистанской гавани Гвадар в Кашгар в провинции Синьцзян. Его завершение намечено на 2030 год. Несмотря на то что геостратегические цели Китая были описаны выше, центральным мотивом для правительства Пакистана является создание рабочих мест (примерно 700 000) и вклад 2–2,5-процентных пункта в год в рост ВВП. Таким образом, Китай и Пакистан оказались в беспроигрышной ситуации.

Составляющая безопасности сотрудничества

Экономические амбиции Пекина в Пакистане также уходят в беспокойные воды, о чем свидетельствует обстановка в области безопасности в стране. При этом Китай вовлечен сразу в несколько конфликтов в рамках КПЭК. Помимо конфликта из-за региона Кашмир между Индией и Пакистаном, беспорядков и боевых действий против пуштунских сепаратистов на федерально управляемых территориях племен (ФУТП) на западе страны, а также продолжающейся радикализации в некоторых частях мусульманского общества Пакистана, китайские субъекты в стране неизбежно сталкиваются с этой ситуацией.

Роль Китая как давнего партнера Пакистана здесь можно рассматривать как преимущество. Два государства также тесно сотрудничают в области военного и разведывательного сотрудничества с 1960-х годов. Таким образом, не только американские, но и

китайские технологии позволили Пакистану вооружиться ядерным оружием в 1980-х годах.¹

Китай также находится в тесном контакте со своим южным партнером в вопросах политической поддержки вокруг Кашмира. Оба государства сумели урегулировать свои территориальные споры в Кашмире еще в 1963 году, в то время как Индия не смогла достичь существующего соглашения ни с Китаем, ни с Пакистаном о разделе стратегически важного региона. Более того, националистическая политика при премьер-министре Индии Нарендре Моди с изменением статуса Джамму и Кашмира снова привела к возникновению разногласий с Пакистаном и Китаем. В ответ в сентябре 2020 года Китай и Пакистан, в свою очередь, представили новые карты региона, на которых почти игнорировались претензии Индии на местах, что еще больше усилило нынешнюю политическую ситуацию. Таким образом, здесь Пакистан и Китай объединены общими интересами, особенно с учетом того, что Пакистан имеет члена Совета Безопасности ООН в Китае.²

Однако в случае КПЭК, который частично проходит недалеко от Кашмира, ситуация в Кашмире имеет последствия, которые в лучшем случае следует охарактеризовать как двойственные. С точки зрения Дели, коридор представляет собой угрозу, поскольку он также усиливает притязания Пакистана на регион. Кроме того, участие Китая в Пакистане на севере и востоке страны обеспечивает своего рода защиту от индийских военных действий, поскольку в случае открытого конфликта китайские объекты и персонал также будут затронуты, на что Китай без колебаний не согласится.³

Но интересы Китая и Пакистана совпадают не только в вопросах кашмирского конфликта. Их также ждет общая судьба в отношении различных сепаратистских тенденций. В то время как правительству Исламабада приходится бороться, в частности, с группами

¹ Керр, Пол / Никитин, Мэри Бет. Ядерное оружие Пакистана: проблемы распространения и безопасности // Вашингтон, округ Колумбия: Исследовательская служба Конгресса / Отчет для Конгресса, обновлено 14 ноября 2007 г. - С. 3-4.

² Вагнер, Кристиан / Станцель, Анджела. Карточные игры в Кашмире, новые геополитические реальности в конфликте между Китаем, Индией и Пакистаном // SWP 85 (2020). – С. 6-7.

³ Вагнер, Кристиан. Влияние экономического коридора Китай-Пакистан на отношения между Индией и Пакистаном // Комментарий СРП 25. - 2016. – С. 2.

пуштунов и белуджей, Пекин опасается усиления уйгурских и тибетских меньшинств в своих провинциях Синьцзян и Тибет.

Пакистан, в частности, надеется получить двойную выгоду от сотрудничества с государственными и частными субъектами из Китая: с момента расширения порта Гвадар на юге Пакистана, когда западный и южный секторы коридора станут двумя центральными строительными блоками в двустороннем проекте в беспокойной провинции Белуджистан, Китай также очень заинтересован в умиротворении ситуации на местах. В частности, после похищения и убийства китайских граждан в столице Белуджистана Кветте в мае 2017 года ответственные за проект почувствовали необходимость усилить меры безопасности. Исламабад направил в регион до 13 000 солдат, и несколько частных и государственных охранных компаний теперь также действуют на китайской стороне⁴. Кроме того, было создано несколько двусторонних целевых групп по борьбе с терроризмом и сепаратизмом, которые также призваны содействовать передаче технологий. Поскольку китайские компании, такие как Huawei и Antiy Labs, сейчас лидируют в сфере услуг передачи данных, а также гражданского и военного мониторинга сетей и публичного пространства, правительство Имрана Хана надеется на новые возможности и здесь. Например, несколько пакистанских хакерских атак на индийскую инфраструктуру, похоже, были осуществлены с помощью китайских компаний и технологий. Тем не менее, следует отметить, что до крупномасштабной кибервойны или системы наблюдения за собственным населением, как в Китае, в Пакистане еще очень далеко, поскольку у правительства в настоящее время просто нет финансовых возможностей для размышлений в китайских размерах.⁵

Однако, как и соответствующие правительства США, правительство под руководством Си Цзиньпина теперь также должно осознавать, что Пакистан может быть двойственным партнером. Из-за сильной позиции вооруженных сил, различных религиозных фондов и межведомственной разведки (ISI) в государственном аппарате необходимо учитывать отношения Пакистана с исламист-

⁴ Лукас, Стефан. Новые перспективы на Ближнем Востоке: как инициативы Китая коренным образом меняют политические условия в регионе // SIRIUS: Журнал исследований в области безопасности 2. - 2019. - С. 25-26.

⁵ Рафик, Амна. Сотрудничество Китая и Пакистана в области кибербезопасности // Газета «Наблюдатель от Пакистана», 6 ноября 2019 г.

скими группировками, прежде всего с Талибаном и, в некоторой степени, с Аль-Каидой, как крайне проблематичные с китайской точки зрения. После последних мотивированных исламистами нападений в нескольких китайских городах в 2013-2015 годах Китай проводит политику абсолютной нетерпимости по отношению к исламистским группировкам, и не только в своей стране. Китайской внешней политике трудно принять тот факт, что это поддерживают не все пакистанские официальные лица⁶

Разногласия в настоящее время обостряют общие отношения не только на межгосударственном уровне хотя они редко передаются внешнему миру. Общественное мнение Пакистана больше не видит в Китае только спасителя. Различные бизнес-ассоциации слишком опасаются, что отечественные компании останутся с пустыми руками при заключении контрактов на отдельные проекты в рамках КПЭК.⁷

Государственный долг со стороны китайских партнеров также грозит привести к дальнейшей критике Китая, поскольку в Исламабаде также очень четко наблюдали, как политика Китая поступает с Шри-Ланкой, имеющей крупную задолженность.⁸ Запланированная передача Китаю двух пакистанских островов Бундал (Bundal Island) и Буддо (Bhuddo Island) недалеко от мегаполиса Карачи также вызывает ожесточенное сопротивление среди населения и политической оппозиции и увеличивает угрозу для китайского персонала на местах.⁹ Вдобавок ко всему этому существуют идеологические разногласия, которые особенно характерны для консервативной мусульманской прослойки, поскольку они не хотят сотрудничать с коммунистическим государственным аппаратом.

⁶ Иванек, Кшиштоф. Оглушающее молчание пакистанских джихадистов и радикалов об уйгурах Китая // The Diplomat, 20 сентября 2019 г.

⁷ Как следствие политики одного ребенка, в настоящее время имеется излишек в 30-40 миллионов, чаще всего мужчин с низким уровнем образования в брачном возрасте. С точки зрения китайского правительства, эти люди представляют опасность для социальной стабильности Китая. – См.: Линовски и другие.

⁸ В результате огромного долга предприятий Шри-Ланки перед китайскими партнерами Шри-Ланка была вынуждена сдать в аренду Китаю свой глубоководный порт Ханбантота на 99 лет; ср.: Ондатджие, Ануша и Сириманн Асанта: Шри-Ланка сдала в аренду порт Ханбантота Китаю на 99 лет. Теперь она хочет его вернуть // Business Standard, 30 ноября 2019 г.

⁹ Аамир, Аднан. Пакистанские политики опасаются потерять стратегические острова в пользу Китая // Nikkei Asia, 13 октября 2020 г.

С точки зрения политики безопасности, новые действия КПЭК и Китая в кашмирском конфликте следует рассматривать на фоне общей политической ситуации. С выводом американских войск из Пакистана в 2011 году и временной отменой американской помощи администрацией Трампа в сентябре 2018 года¹⁰ Китай также видит свой шанс сместить доминирование США в Южной Азии. Интегрируя Пакистан в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и расширяя военную базу в Гвадаре, Пекин создает новые обстоятельства в регионе, которые до сих пор не встречали сопротивления.

Заключение

Китай и Пакистан признают значительное количество серьезных различий в восприятии мировой политики; однако их шестидесятилетнее партнерство основано на чувстве реальности и отсутствии стратегической альтернативы для них обоих. Поскольку население Пакистана велико и отличается от ханьцев, маловероятно, что Китай попытается ввести их в самооценку зависимости от Китая. И наоборот, Пакистан нуждается в опыте и технических навыках Китая, чтобы модернизировать свою экономику, чтобы справиться с растущим населением, которое нуждается в рабочих местах. Таким образом, мы ожидаем стабильных текущих отношений в области экономики и безопасности между Китаем и Пакистаном в среднесрочной перспективе. Однако растущая зависимость Пакистана, в частности, от Китая может привести к новым потенциальным угрозам для Индии. Особый взгляд на Индию со стороны каждого партнера поддерживает этот основной сценарий.

ЕС и другие политические игроки, такие как США должны избегать мышления и действий в рамках силовых блоков, но помнить, что решения большинства качественных и важных вопросов будущего требуют сотрудничества всех важных государств или федераций.

Для этого крайне важно поддержание и развитие формальных и неформальных отношений не только между политиками, но и между учеными и деятелями искусства.

¹⁰ Американские военные отменяют помощь Пакистану на 300 миллионов долларов из-за провала борьбы с терроризмом // BBC, 2 сентября 2018 г.

Источники

Аамир, Аднан. Пакистанские политики опасаются потерять стратегические острова в пользу Китая // Nikkei Asia, 13 октября 2020 г. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/Pakistan-politicians-fear-losing-strategic-islands-to-China>.

Али, Мурад. Мониторинг и оценка сотрудничества Юг-Юг: пример КПЭК в Пакистане // Немецкий институт развития / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik (DIE), дискуссионный документ 1 (2018).

Американские военные отменят помощь Пакистану на 300 миллионов долларов из-за провала борьбы с терроризмом. 2 сентября 2018 г. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-45386278>.

Дреэр, А., Фукс, А., Паркс, Б. С., Стрэндж, А. М., и Тирни, М. Помощь, Китай и рост: Данные из нового набора данных по финансированию глобального развития // Рабочий документ AidData № 46. Вильямсбург, Вирджиния: AidData, 2017.

Фахим Бабар, С., Зишан, Ю. Финансовые институты и китайские инвестиции: обзор политики китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) // Европейский журнал экономики и бизнес-исследований 4. - № 2. - Август 2018 г.

Китайско-пакистанский экономический коридор: возможности и риски // Отчет по Азии 297. - Июнь 2018 г.

Иванек, Кшиштоф. Оглушительное молчание пакистанских джихадистов и радикалов об уйгурах Китая // Международная кризисная группа / The Diplomat, 20 сентября 2019 г. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2019/09/the-deafening-silence-of-pakistani-jihadists-and-radicals-on-chinas-uyghurs/>.

Керр, Пол и Мэри Бет Никитины. Ядерное оружие Пакистана: проблемы распространения и безопасности // Вашингтон, округ Колумбия: Исследовательская служба Конгресса. Отчет для Конгресса. 2007. Режим доступа: <https://www.everycrsreport.com/>

files/20110720_RL34248_9faafe233c8fedeeae84d9d65bd9257f5452bcc00.pdf.

Линовски, Д., Йохансон, Х. Зенде. О роли китайских банков развития в строительстве Нового Шелкового пути // Ежеквартальные книги по экономическим исследованиям от DIW IV. 2020.

Лукас, Стефан. Новые перспективы на Ближнем Востоке: как инициативы Китая коренным образом меняют политические условия в регионе // SIRIUS: Журнал исследований в области безопасности 2. - 2019 г. Режим доступа: <https://www.degruyter.com/view/journals/sirius/3/1/article-p21.xml>.

Ондатджие, Ануша / Сириманн, Асанта. Шри-Ланка сдала в аренду Китаю порт Хамбантота на 99 лет. Теперь она хочет его вернуть // Business Standard, 30 ноября 2019 г. Режим доступа: https://www.business-standard.com/article/international/sri-lanka-leased-hambantota-port-to-china-for-99-yrs-now-it-wants-it-back-119112900206_1.html.

Рафик, Амна. Китайско-пакистанское сотрудничество в области кибербезопасности // Наблюдатель от Пакистана, 6 ноября 2019 г. Режим доступа: <https://pakobserver.net/china-pakistan-cyber-security-cooperation/>.

Рао Касим, Идрис, Захир Икбал Чима, Джаввад Риаз. Анализ механизма разрешения конфликтов приграничной торговли между Китаем и Пакистаном // Журнал перспективных исследований в области права и экономики 11. - № 2. - 2020.

Швемляйн Дж. Стратегические последствия экономического коридора Китай / Пакистан: специальный доклад // Институт мира США. - № 459. - Декабрь 2019 г.

Таубе, Маркус и Антония Хмайди. Во что вкладывает Запад на Новом Шелковом пути Китая: сравнение финансовых потоков Запада и Китая. / Фонд Бертельсмана, 2019.

Вагнер, Кристиан. Влияние экономического коридора Китай-Пакистан на отношения между Индией и Пакистаном // Комментарий SWP 25. - 2016. Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2016C25_wgn.pdf.

Вагнер, Кристиан / Станцель, Анджела. Карточные игры в Кашмире, новые геополитические реалии в конфликте между Китаем, Индией и Пакистаном // SWP 85 (2020 г.). Режим доступа: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/aktuell/2020A85_Kaschmir.pdf.

ВаКар Гани, Раджниш Шарма. Соглашение об экономическом коридоре между Китаем и Пакистаном: влияние на акционеров пакистанских фирм // Международный журнал экономики и финансов 10. - № 1. - 2018.

Вольф, Зигфрид О. Роль Китая в Пакистане: международные и внутренние последствия // Сильвия Мишра (ред.) // Исследования в Пакистане: отзывы, статьи / Центр исследований внешней политики. - Нью-Дели, 2014.

Захид, Хуссейн. Китайско-пакистанский экономический коридор и новая региональная геополитика // Центр азиатских исследований, июнь 2017 г.

Американский анализ развития вооруженных сил и безопасности в Ваханском коридоре (1980-2021 гг.)

Майкл Ламберт

Аннотация

В докладе Офиса министра обороны Конгрессу США «События в сфере вооруженных сил и безопасности с участием Китайской Народной Республики» (2020 г.) указывается на растущее военное присутствие Пекина в Центральной Азии, а также на стратегический интерес этого региона для войск НАТО в Афганистане и для китайских властей, которые в свою очередь хотят контролировать Ваханский коридор, который взаимодействует с регионом Синьцзян, для борьбы с незаконным оборотом наркотиков и террористическими угрозами.

Американский анализ можно проследить до первых отчетов ЦРУ по этому вопросу, в которых в 1954, 1959 и 1980 годах рассматривались отношения между СССР и молодой Китайской Народной Республикой в одной и той же области, с упором на вопрос сотрудничества и соперничества между Москвой и Пекином. Спустя более трех десятилетий после распада Советского Союза, в то время, когда страны Центральной Азии пользуются большей автономией на международной арене, в этом аналитическом обзоре анализируются причины, по которым министерство обороны вновь проявляет интерес к региону, и резюмируется то, как Вашингтон рассматривает Ваханский коридор (1954–2020 гг.) и развитие китайско-центральноазиатских и китайско-российских отношений в постсоветском мировом порядке.

Введение

В апреле 1980 года ЦРУ, Национальный центр зарубежной оценки, опубликовал исследовательский документ (GC 80-10038), озаглавленный «Ваханский коридор: маловероятное звено между Афганистаном и Китаем»,¹ в котором упоминались военные действия в провинции Бадахшан и потенциальное участие Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в этом регионе. По данным ЦРУ в 1980-х годах, основной интерес Китая к региону был связан с отношениями между уйгурской мусульманской общиной в Синьцзяне (западный Китай) и террористическими группировками в Афганистане, которым принадлежит Ваханский коридор.

Как упоминалось в предыдущих рассекреченных отчетах ЦРУ (1954, 1959, 1964 и 1980), кажется, что китайское влияние в регионе является скорее постоянным, чем новым трендом. Тем не менее, недавнее открытие китайского военного объекта в Таджикистане (на границе с Ваханским коридором) было подтверждено Министерством обороны США (МО) в 2020 году и вызывает вопросы об условиях соглашений между Таджикистаном и Китаем на критическое время, когда войска НАТО выводятся из Афганистана. Таким образом, вопросы, возникающие из отчета Министерства обороны США, опубликованного в 2020 году, заключаются в том, как развивалась военная деятельность Китая в регионе после анализа ЦРУ в 1980 году и какое влияние это может оказать на военное сотрудничество в этом районе. Более того, можем ли мы говорить о растущем китайско-российском сотрудничестве, центрально-китайско-азиатском сотрудничестве или о том и другом?

Прямая связь между Афганистаном и Китаем

Ваханский коридор представляет собой узкую полосу территории, принадлежащую Афганистану, на пересечении Таджикистана, Пакистана и Кашмира. Коридор, зажатый горами Памира на севере и хребтом Каракорум на юге, составляет около 350 км в длину и от

¹ Ваханский коридор: маловероятная связь между Афганистаном и Китаем. Центр внешней оценки // ЦРУ. - 1980.

13 до 65 км в ширину.² Торговый путь через долину использовался с древних времен, но погодные условия являются серьезным препятствием для его экономического развития.

Согласно отчету ЦРУ от 1980 года, «поскольку Афганистан имеет общую границу с Китаем, похоже, что китайцы будут свободно использовать Вахан для поддержки повстанцев в Афганистане. Действительно, ходят слухи и предположения, что китайцы переправляют оружие и людей через Вахан в северный Афганистан».³

Опасения по поводу увеличения китайского военного присутствия усилились в связи с проектом «Один пояс – один путь» (BRI), запущенным Си Цзиньпином в 2013 году, и тем более после заселения китайского объекта в Таджикистане, в нескольких километрах от Ваханского коридора. Основное беспокойство западных держав, особенно Соединенных Штатов, вызывает возможное развитие стратегии жесткой силы в результате экономической стратегии через BRI, что может привести к дальнейшему развитию военных объектов в будущем.

Неофициальное присутствие Пекина свидетельствует об усилении китайского присутствия в Центральной Азии, которое, похоже, идет рука об руку с растущим экономическим влиянием. Но это также может свидетельствовать о желании контролировать отношения между Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) и остальным мусульманским миром, особенно из-за близости Синьцзяна к Афганистану и Пакистану, который поддерживает отношения с исламистскими группировками, такими как ИГИЛ.

Таким образом, открытие китайского военного центра⁴ свидетельствует о нескольких геополитических изменениях в Центральной Азии:

² Исследование международных границ Афганистана и СССР (1983) // Бюро разведки и исследований США. – 1983. – С. 7.

³ Ваханский коридор: маловероятная связь между Афганистаном и Китаем // ЦРУ, Центр внешней оценки. - 1980.

⁴ События в сфере вооруженных сил и безопасности, затрагивающие Китайскую Народную Республику // Канцелярия министра обороны. Годовой отчет Конгрессу. - 2020; Михал Богуш, Мариуш Маршевский. Военное присутствие Китая в Таджикистане // OSW. - 2019.

- Принятие военного присутствия Китая в зоне действия Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Возникает вопрос, говорим ли мы об укреплении российско-китайских отношений или влияние России в регионе ослабевает, даже если Москва согласна с такой инициативой?
- Должно ли китайское присутствие предвидеть и реагировать на существующую угрозу или дестабилизировать регион, как упомянуло американское министерство обороны⁵ в отчетах ЦРУ? В этом контексте китайская армия действует в Синьцзяне, где ведет борьбу с терроризмом, но по-прежнему сложно определить, стремится ли Пекин предвидеть рост террористической угрозы или отреагировать на уже существующую. Другим вариантом, как упоминалось ЦРУ в 1980-х годах, была бы дестабилизация региона путем поставки оружия главным действующим силам, что могло бы иметь последствия для стабильности в Афганистане и Пакистане, другими словами, для безопасности НАТО в Афганистане и для ухудшения отношений между Пакистаном и Индией.
- Еще одна гипотеза: желание укрепить военное сотрудничество с Москвой и странами Средней Азии в борьбе с терроризмом. На сегодняшний день Пекин имеет объекты и центры борьбы с незаконным оборотом наркотиков.

Следует также отметить, что наличие аэропорта «Мургаб» является важным преимуществом для транспортировки китайских войск в сочетании с опасениями Си Цзиньпина по поводу того, что неприятности из Афганистана могут попасть в Синьцзян. Китай также построил новый аэропорт на китайской стороне таджикско-китайской границы.

⁵ События в сфере вооруженных сил и безопасности, затрагивающие Китайскую Народную Республику // Офис министра обороны. Годовой отчет Конгрессу. - 2020.

Китайско-центральноазиатские отношения в процессе становления

Исследовательский центр в Польше, OSW⁶, упомянул, что расположение китайской военной базы в районе границы с Китаем может указывать на то, что ее существование является неофициальной формой выплаты долга Таджикистана и возможного начала новых территориальных уступок более сильному соседу. Вес таджикского отрицания китайского военного присутствия смягчается тем фактом, что в корректировке границы в пользу Китая также было отказано в 2002 году (и было официально оформлено в 2011 году). Аналогичные территориальные уступки сделали Казахстан (1996 г.) и Кыргызстан (1998 г., выявлено в 2001 г.)⁷.

С размещением китайской военной базы в Таджикистане Китай делает шаг вперед в распространении своей жесткой силы за рубежом, и этот подход идет рука об руку с открытием базы поддержки Народно-освободительной армии Китая в Джибути. На сегодняшний день в Мьянме были замечены два других случая потенциальных установок: военно-морская база SIGINT на Большом острове Коко и база в провинции Неукен в Патагонии (земля, переданная китайскому правительству во время президентства Кристины Фернандес де Киршнер).

Отчет Министерства обороны США – Канцелярии министра обороны «Годовой отчет Конгрессу: военные события и события в области безопасности, затрагивающие Китайскую Народную Республику» проливает некоторый свет на это явление; в нем упоминается:

«Помимо своей нынешней базы в Джибути, КНР, скорее всего, уже рассматривает и планирует дополнительные зарубежные объекты материально-технического снабжения для поддержки военно-морских, воздушных и наземных сил. КНР, вероятно, рассмотрела места для размещения объектов военной логистики НОАК в Мьянме, Таиланде, Сингапуре, Индонезии, Пакистане, Шри-Ланке,

⁶ Богуш и Маршевский. Военное присутствие Китая в Таджикистане.

⁷ Богуш и Маршевский. Военное присутствие Китая в Таджикистане.

Объединенных Арабских Эмиратах, Кении, Сейшельских островах, Танзании, Анголе и Таджикистане. КНР и Камбоджа публично опровергли подписание соглашения о предоставлении ПЛАНУ доступа на военно-морскую базу Камбоджи».⁸

Согласно тому же докладу Конгрессу США, по крайней мере, с 2016 года силы Китайской народной вооруженной полиции (НВП), вероятно, действовали в Таджикистане, патрулируя район трех границ, связывающий Таджикистан, Афганистан и Китай. Это, вероятно, будет связано с созданием в августе 2016 года четырехстороннего координационного механизма по борьбе с терроризмом между Афганистаном, Китаем, Пакистаном и Таджикистаном для совместного укрепления безопасности границ против «трех зол» по определению Китая (терроризм, сепаратизм и религиозный экстремизм).

Хотя изначально соглашение могло разрешать комбинированное патрулирование, сейчас Китай, похоже, проводит одностороннее патрулирование в районе трех границ. Пекин также расширяет сотрудничество с Таджикистаном, в частности, путем расширения двусторонних антитеррористических учений в 2019 году, которые включают истребители-бомбардировщики, БПЛА и поддержку с воздуха в сочетании с силами специальных операций Таджикистана.

Интересно отметить, что, согласно отчету Министерства обороны США, обеспокоенность Китая по поводу стабильности границ, вероятно, усилилась после того, как боевые силы США и НАТО начали вывод из Афганистана в 2014 году, и, в частности, опасения по поводу передвижения террористов из Афганистана в китайскую провинцию Синьцзян. Кроме того, в 2015 году Китай принял закон о борьбе с терроризмом, разрешающий проведение контртеррористических военных операций за рубежом.

⁸ Офис министра обороны, «Военные события и события в сфере безопасности, связанные с Китайской Народной Республикой», Ежегодный отчет Конгрессу, (2020).

Будущее российско-китайских отношений в центре внимания

Открытие завода в Таджикистане может быть связано с растущим сотрудничеством между Китаем и Россией. Таким образом, в июне 2019 года Москва и Пекин продвинули свои отношения в сторону «глобального стратегического партнерства координации в новую эру», взяв на себя обязательство более тесной координации по вопросам глобальной безопасности и взаимной поддержки. Впоследствии военно-воздушные силы Народно-освободительной армии и Воздушно-космические силы (ВКС) России осуществили свое первое совместное воздушное патрулирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Второй год подряд Китай принимает участие в российских стратегических командно-штабных учениях ЦЕНТР-2019, которые проходят в этом году в Центральном военном округе России. Кроме того, сотрудничество между двумя армиями включает совместную разработку оборонных технологий, учения и сотрудничество по другим инициативам военной модернизации. Несмотря на продолжающееся военное сотрудничество, КНР и Россия отрицают создание военного союза или свое намерение его заключить.

Китай участвовал в учениях стратегического командования России с элементами вооруженных сил Индии, Пакистана, Киргизии, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Целью учений была проверка уровней готовности российской армии и оперативной совместимости между региональными партнерами при моделировании реакции на террористические угрозы в Центральной Азии. Китай представлял самый крупный иностранный контингент, развернув около 1 600 военнослужащих из состава командования Западного театра военных действий НОАК и около 30 самолетов и вертолетов, включая бомбардировщики Н-6. После прошлогодних учений «ВОСТОК» ЦЕНТР отметил, что второй год подряд Китай участвует в серии учений российского командного состава.

Анализ предыдущих отчетов Центральной разведки

Интерес Китая к Ваханскому коридору не новость для ЦРУ, которое рассекретило несколько сообщений по этой теме. В сентябре 1959 года в докладе «Возможные претензии китайских коммунистов на Ваханский коридор в Афганистане» уже подчеркивалась заинтересованность в контроле над регионом для обеспечения национальной безопасности Китая. В то время в сообщениях подчеркивался территориальный спор Китая и СССР о контроле над территорией Памира в советском Таджикистане. В целом отчете «Ваханский коридор и прилегающие районы», выпущенном ранее в ноябре 1964 года (RR GS 64-20), подчеркивалось, что ЦРУ знает этот регион и китайские практики, аналогичные тем, что используются в настоящее время:

«Имеющиеся отчеты передают общую картину наращивания численности войск в период с 1955 по 1960 год с растущей опорой на китайские войска, а не на войска местного происхождения. Общая численность китайских вооруженных сил, дислоцированных на различных постах на Памире (включая Пу-ли) и в приграничных районах Хунзы, по состоянию на конец 1959 года составляла менее 700 человек.»⁹

Принимая во внимание интерпретацию ЦРУ, кажется, что китайское влияние является скорее постоянным, чем новой тенденцией в регионе, и что распад СССР и рост китайской военной мощи позволяют расширить присутствие Китая в этом районе, чтобы обеспечивать национальную безопасность Китая и в то же время укреплять сотрудничество с Россией и государствами Центральной Азии, тогда как в прошлом оно основывалось на двусторонних отношениях между СССР и Китаем.

⁹ CIA, "The Wakhan Corridor and Adjacent Areas (Supplementary Notes to CIA/RR GR-56, November 1954)," Office of Research and Reports (1964).

Заключение

Присутствие китайских ППА в регионе подчеркивает растущую жесткую силу Пекина, и хотя Пекин достаточно уверен в том, чтобы создавать новые объекты за границей, он не хочет говорить об этом официально, в отличие от Джибути. Что еще более важно, в нем подчеркивается готовность Таджикистана и России принять присутствие Китая в ОДКБ, что свидетельствует о растущей необходимости активизировать борьбу с международным терроризмом, сети которого действуют в России (Чечня и Дагестан) и Китае (Синьцзян).

Вывод войск НАТО из Афганистана также поднимает вопрос о том, какая альтернатива последует в этом регионе, поскольку и ОДКБ, и Китай заинтересованы в обеспечении безопасности в регионе. Таким образом и с учетом предыдущих рассекреченных отчетов ЦРУ за 1950-е и 1980-е годы и отчета Министерства обороны, опубликованного в 2020 году, Ваханский коридор был и остается одной из областей, в которых китайско-российское военное сотрудничество становится реальностью.

Рекомендации

- Министерству обороны США, разведывательному сообществу США и другим западным спецслужбам (например, членам Five Eyes) следует продолжать отслеживать (разведывательные данные из всех источников, включая HUMINT на местах) развитие событий в районе Ваханского коридора, чтобы гарантировать, что деятельность останется в рамках международных соглашений. Это соответствует результатам Годового отчета Конгрессу. Более того, разведывательные данные, собранные на местах, позволят больше узнать о военных стратегиях Китая за рубежом и разработать сравнительный подход с информацией, собранной в Джибути (Африка), Соединенными Штатами и их союзниками.

- Китайская Народная Республика имеет возможность либо принять новую стратегию, чтобы сделать менее заметными иностранные военные действия в будущем («операции черных»), либо открыто оценить существование и операции военных объектов за рубежом, следуя аналогичной тенденции к этому в Африке. Внешнее влияние Пекина в Центральной Азии (мягкая и жесткая сила) может быть возможностью для развития нового военного сотрудничества с ОДКБ и обеспечения безопасности после сокращения/вывода войск НАТО. Тем не менее, это необходимо делать в сотрудничестве с НАТО, чтобы обеспечить точность захвата и обеспечить дальнейшее сдерживание террористических групп.
- Организация Объединенных Наций и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) должны усилить мониторинг территорий вблизи Ваханского коридора, чтобы гарантировать, что деятельность остается в рамках сдерживания террористической угрозы и предотвращения незаконного оборота оружия. Деятельность в Ваханском коридоре может нанести ущерб стабильности в Евразии из-за террористов, действующих в странах-участницах ОБСЕ. Это представляет большой интерес для Российской Федерации, поскольку террористические группировки в Афганистане и Пакистане имеют связи с Чечней и Сирией.

Источники

Богуш, Михал, Мариуш Маршевский. Военное присутствие Китая в Таджикистане. OSW. - 2019.

Ваханский коридор: маловероятная связь между Афганистаном и Китаем // ЦРУ. Центр внешней оценки, 1980.

Ваханский коридор и прилегающие территории (дополнительные примечания к CIA / RR GR-56, ноябрь 1954 г.). // ЦРУ. Управление исследований и отчетов, 1964.

Обзор географической разведки CIA / RR-MR-39 // ЦРУ. Управление исследований и отчетов, 1954.

Возможные претензии китайских коммунистов на Ваханский коридор в Афганистане // ЦРУ. Управление исследований и отчетов, 1959.

Эллеман, Брюс, Стивен Коткин, Клайв Шофилд. Сила Пекина и границы Китая: двадцать соседей в Азии. // М. Э. Шарп, 2015.

События в сфере вооруженных сил и безопасности с участием Китайской Народной Республики // Канцелярия министра обороны. Годовой отчет Конгрессу. - 2020.

Шахрани, М. Наци. Киргизы и вахи Афганистана: адаптация к закрытым границам и войне. – Издательство Вашингтонского университета. - 2-е изд. - 2002.

Суханкин, Сергей. Что показали российские стратегические учения «Центр-2019»? // ICDS, 2019. Режим доступа: <https://icds.ee/>.

Щудлик-Татар, Жюстина. Эволюция позиции Китая по Афганистану: На пути к более устойчивой дипломатии с «китайскими особенностями» // Польский институт международных отношений. - 2014.

Таунсенд, Джейкоб. Китай и афганские опиаты: оценка риска // Институт Центральной Азии и Кавказа, 2005 г. Режим доступа: <http://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13131-china-and-afghan-opiates-assessing-the-risk.html>.

Ясер, Мали. Геополитическое значение Ваханского коридора для Китая // Фуданьский журнал гуманитарных и социальных наук. - 2014.

Отношения Индии с Китаем после конфликта на реке Галван

Срджан Ульевич

Аннотация

Пограничный инцидент, произошедший в долине Галван 15 июня и приведший к жертвам, – первый за более чем сорок пять лет, он серьезно ухудшил отношения между Индией и Китаем и застал аналитиков и политиков врасплох. Данный инцидент знаменует конец дипломатической фазы, обычно называемой «Уханьским духом» или «Уханьским консенсусом». «Уханьский дух», инициированный премьер-министром Нарендрой Моди в 2017 году и состоящий из серии саммитов с председателем Китая Си Цзиньпином, имел целью перезапуск отношений между двумя странами, стабилизацию приграничных районов и сосредоточение внимания на вопросах, представляющих общий интерес. Непонятно, чего Китай пытался достичь, излишне противодействуя соседу, достаточно крупному, чтобы противостоять его росту, но он также был готов построить стабильные и прагматичные отношения в то время, когда Пекин сталкивается со все более сложной международной обстановкой. В будущем Индия, скорее всего, продолжит инвестировать в коалиции, основанные на проблемах, путем укрепления сотрудничества в области безопасности и обороны с рядом единомышленников из средних держав.

Введение

Пограничное столкновение, произошедшее 15 июня в долине Галван (расположенной высоко на гималайской территории Ладакх), существенно повлияло на отношения между Нью-Дели и Пекином и, вероятно, будет иметь долгосрочные негативные последствия. Мрачные подробности столкновения, в которой китайские

солдаты, по-видимому, использовали арматуру с наваренными гвоздями¹ и тот факт, что стычка привела к гибели людей – первой за сорок пять лет между двумя сторонами, – застали аналитиков и политиков врасплох. Данный инцидент перечеркнул годы усилий доброй воли, возглавляемых премьер-министром Нарендрой Модии и обычно называемых «Уханьским духом» или «Уханьским консенсусом». В результате Нью-Дели не только пересматривает свои отношения с Пекином, но и вновь начинает обсуждать полезность своего хорошо известного нежелания вступать в альянсы² – краеугольного камня внешней политики Индии, который восходит к первым дням холодной войны.³ Однако маловероятно, что Нью-Дели присоединится к системе альянса США,⁴ можно утверждать, что Китай уже воспринимает Индию как принадлежащую к «лагерю США», хотя и без защиты, предоставленной членам альянса. Данный вывод основан на преднамеренном характере нападения в Галване⁵ и его жестокости, что подразумевает одобрение сверху, а также дипломатическую фазу двусторонних отношений, когда произошел инцидент, что предполагает послание индийскому руководству. Поэтому, когда речь заходит об отношениях Индии с Китаем после Галвана, стоящая перед нами задача состоит в том, чтобы использовать большую часть недавних и текущих структурных изменений в международной системе, оставаясь в рамках политики стратегической автономии Нью-Дели.

¹ Долина Галван: на изображении, похоже, показаны арматуры с гвоздями, используемые в индийско-китайской стычке // *BBC*, 18 июня, 2020. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-asia-india-53089037>.

² Например: Сухасини, Хайдар. Агрессия Китая подталкивает Индию ближе к США, но в настоящее время альянс маловероятен: Эксперты // *The Hindu*, 9 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/chinas-aggression-pushing-india-closer-to-us-but-alliance-unlikely-at-present-experts/article32310027.ece>; Гидеон Рахман. Индия выбирает сторону в новой холодной войне // *Financial Times*, 22 июня, 2020. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/d74d9bda-6822-4f85-9d48-a285a9effe07>; Арзан Тарапоре. Индии не нужен альянс времен холодной войны. – 27 июля, 2020. Режим доступа: <https://www.eastasiaforum.org/2020/07/27/india-does-not-need-a-cold-war-alliance/>

³ Харш В. Пант. Внешняя политика Индии: Обзор. – Манчестер: Издательство Манчестерского университета, 2016. – С. 4.

⁴ Индия никогда не станет частью системы альянсов, говорит министр иностранных дел Джайшанкар // *The Hindu*, 21 июля, 2020. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/india-has-never-been-part-of-an-alliance-and-will-never-be-jai Shankar/article32142128.ece>.

⁵ Пита Мохан. Китай планировал атаку в Галване: Министр иностранных дел Джайшанкар предупреждает китайского коллегу о серьезном влиянии на двусторонние отношения // *India Today*, 17 июня, 2020. Режим доступа: <https://www.indiatoday.in/india/story/galwan-clash-was-premeditated-attack-by-china-eam-jai Shankar-warns-china-of-serious-impact-on-bilateral-ties-1690007-2020-06-17>.

Пограничный спор и Уханьский дух

Чтобы понять полное влияние стычки в Галване на китайско-индийские отношения, данный инцидент необходимо рассматривать в двух соответствующих контекстах: во - первых, это затянувшийся пограничный спор – одна из нескольких нерешенных двусторонних проблем, которые десятилетиями преследовали две страны, и, во-вторых, важная дипломатическая фаза двусторонних отношений, известная как «Уханьский дух».

Линия фактического контроля (ЛАС) – *фактическая* граница между двумя странами – на протяжении многих лет была свидетелем множества стычек. Наиболее серьезным был конфликт 1962 года, который обычно называют «войной» из-за его интенсивности, несмотря на то что ни одна из сторон не объявила войну.⁶ Несмотря на дипломатические усилия,⁷ направленные на стабилизацию ситуации и предотвращение будущих пограничных конфликтов, они все еще происходят. Противостояние в Докламе, напряженный двухмесячный период летом 2017 года, в течение которого китайские и индийские вооруженные силы столкнулись друг с другом вблизи пограничной зоны с Бутаном, было одним из подобных инцидентов. Столкнувшись с самым серьезным пограничным и дипломатическим инцидентом за последние годы, два лидера провели серию личных встреч и встреч на высшем уровне, которые, будучи взяты вместе с мантрой того периода, отмечают «Уханьский дух».

Самая первая встреча состоялась в Астане (Казахстан), на полях саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 9 июня 2017 года. Несмотря на то что встреча состоялась всего за несколько дней до начала противостояния, она, тем не менее, очень важна, поскольку она установила ключевой принцип, или мантру, двустороннего взаимодействия, а именно: «что разногласия не должны превращаться в споры и что на самом деле, если они были хорошо урегулированы, они могут даже стать возмож-

⁶ Шиванкар Менон. Выборы: Внутри формирования внешней политики Индии. - (Вашингтон, округ Колумбия: Издательство Брукингского института, 2016. - С.12.

⁷ В период с 1993 по 2005 год был заключен ряд соглашений, начиная с Соглашения о поддержании мира и спокойствия вдоль Линии фактического контроля в приграничных районах Индии и Китая, подписанного в сентябре 1993 года.

ностями».⁸ Противостояние в Докламе было урегулировано без кровопролития за несколько дней до второй встречи,⁹ на этот раз на полях саммита БРИКС в Сямыне (Китай) и менее чем через три месяца после Астаны. Затем последовали два неофициальных саммита высшего уровня: сначала в Ухане (Китай) в апреле 2018 года,¹⁰ а затем в Мамаллапуре (Индия) в октябре 2019 года.¹¹

Чего Индия надеялась достичь с помощью неофициальной дипломатии саммита, характеризующей «Уханьский дух»? Две цели: всеобъемлющее стратегическое урегулирование и приверженность стабилизации приграничных районов путем соблюдения соглашений о границе.

Премьер-министр Моди попытался перезагрузить отношения Индии с Китаем, установив личные отношения с президентом Си Цзиньпином.¹² Цель состояла в том, чтобы сохранить стабильность отношений и вовлечь Пекин в области общих интересов, такие как экономическое сотрудничество, что позволило бы Индии уделять приоритетное внимание социально-экономическому развитию вместо того, чтобы «перенаправлять расходы для развития на оборону».¹³ Интересно, что можно оспорить тот факт, что это был второй раз за четыре года, когда премьер-министр Моди лично обратился к президенту Си Цзиньпину в попытке договориться с

⁸ Элизабет Рош и Шрей Джейн. Встреча Моди-Си в Астане: премьер-министр призывает уважать основные проблемы друг друга // *LiveMint*, 9 июня, 2017. Режим доступа: <https://www.livemint.com/Politics/Ii1uWldxHRg32p8sdsHnTK/ModiXi-meeting-in-Astana-PM-calls-for-respecting-each-oth.html>.

⁹ Анкит Панда. Отвод вооруженных сил в Докламе: почему и как закончилось противостояние Индии и Китая? // *Дипломат*, 29 августа, 2017. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2017/08/disengagement-at-doklam-why-and-how-did-the-india-china-standoff-end/>.

¹⁰ Неофициальный саммит Индия-Китай в Ухане // *Министерство иностранных дел*, 28 апреля, 2018. Режим доступа: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29853/IndiaChina_Informal_Summit_at_Wuhan.

¹¹ 2-й Неофициальный саммит Индия-Китай // *Министерство иностранных дел*, 12 октября, 2019. Режим доступа: <https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/31938/2nd+india+informal+summit>.

¹² Константино Ксавье. Умеренная позиция Моди // *Азиатский Форум*, 28 августа, 2019. Режим доступа: <http://www.theasianforum.org/modis-middle-way/>.

¹³ Танви Мадан. Управление Китаем: конкурентное взаимодействие с учетом особенностей Индии // *Институт Брукинса*, 1 февраля, 2020. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/research/managing-china-competitive-engagement-with-indian-characteristics/>.

Индией и Китаем о долгосрочном стратегическом соглашении,¹⁴ основанном на экономической взаимозависимости и общей вере в то, что обе страны являются цивилизационными государствами с древней и отличной историей, которым суждено играть доминирующую роль в азиатских и международных делах.

Вторая цель состояла в том, чтобы стабилизировать приграничные районы путем осуществления пограничных соглашений. С данной целью в пресс-релизах неофициальных саммитов в Ухане и Мамаллапуре содержится призыв к обеим сторонам обеспечить «мир и спокойствие в приграничных районах»¹⁵ путем «серьезного осуществления различных мер укрепления доверия, согласованных между двумя сторонами, включая принцип взаимной и равной безопасности и укрепления существующих институциональных механизмов и механизмов обмена информацией для предотвращения инцидентов в приграничных регионах».¹⁶

В конце концов, предложения премьер-министра Моди были либо неправильно истолкованы, либо просто проигнорированы китайским руководством. Последнее, если оно окажется верным, можно будет охарактеризовать только как серьезный просчет со стороны Пекина.

Что означает развивающаяся внешняя политика Индии для Китая?

Как отмечалось ранее, политика неприсоединения была руководящим принципом взаимодействия Индии с миром с тех пор, как страна обрела независимость. Во время холодной войны Нью-Дели решил не присоединяться ни к одному из двух блоков, чтобы иметь больше возможностей выбора, и тем самым повысил свою стра-

¹⁴ Первая попытка состоялась на самом первом саммите двух лидеров, состоявшемся в сентябре 2014 года в Гуджурате, родном штате премьер-министра Моди. Саммит был организован всего через несколько месяцев после пребывания премьер-министра Моди, но, к сожалению, был испорчен вторжением НОАК в Чумар (восточный Ладакх). См.: Джейсон Берк и Таня Браниган. Противостояние на границе Индии и Китая подчеркивает напряженность перед визитом Си // The Guardian, 16 сентября, 2014. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2014/sep/16/india-china-border-standoff-xi-visit>.

¹⁵ 2-ой неофициальный саммит Индия-Китай // Министерство иностранных дел,

¹⁶ Неофициальный саммит Индии и Китая в Ухане // Министерство иностранных дел,

тегическую автономию.¹⁷ Однако международная система стала свидетелем серьезных изменений в последнее десятилетие с возрождением России и воинственного Китая. Обе страны разделяют сильные антизападные настроения и активно подрывают институты и нормы либерального международного порядка. Можно только ожидать, что внешняя политика Индии адаптируется к подобной новой международной обстановке.

Со времени окончания холодной войны внешняя политика Индии развивалась по крайней мере двумя путями: установление стратегических партнерских отношений со странами-единомышленниками и более прагматичное переосмысление значения стратегической автономии. Однако до этого произошел важный идеологический сдвиг, который произошел под правительством Партии Бхаратия Джаната (ПБД). ПБД в меньшей степени поддерживала политику неприсоединения среди других причин, поскольку данная политика воспринималась как идеологический продукт Индийского национального конгресса и их мировоззрения.¹⁸ Стратегические партнерства ознаменовали новую главу для Индии, поскольку в эпоху холодной войны они считались анафемой.¹⁹ Они позволяют Нью-Дели углублять двусторонние отношения с отдельными странами в таких областях, как безопасность и оборона. В то время как Индия, возможно, никогда не присоединится к официальному военному союзу, концепция стратегической автономии сегодня интерпретируется как «коалиции, основанные на проблемах или интересах», что дает Нью-Дели достаточно возможностей для усиления внешнего баланса и служит сдерживающим фактором для Китая.²⁰

¹⁷ Константино, Ксавьер. Конкуренция между Индией и Китаем в Южной Азии: прошлое, настоящее и будущее // Фонд исследований Индии, дата обращения 23 августа, 2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Q2k-YRdFsSg&feature=youtu.be>.

¹⁸ Профессор Харш В. Пант: Изменение контуров внешней политики Индии // *Непальский институт международного сотрудничества и взаимодействия*, дата обращения 11 августа 2020. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=8PqCWRYL_AY.

¹⁹ Профессор Харш В. Пант Изменение контуров внешней политики Индии // *Непальский институт международного сотрудничества и взаимодействия*,

²⁰ Согласно Танви Мадана, старшему научному сотруднику Института Брукинса, стратегическую автономию лучше всего понимать как «коалиции, основанные на проблемах или интересах»; Возникающие глобальные проблемы: кризис на границе Китая и Индии и его последствия // *Комиссия по обзору экономики и безопасности США и Китая*, 8. - Вашингтон, округ Колумбия. - 2020. - дата обращения 12 сентября, 2020. Режим доступа: https://www.uscc.gov/sites/default/files/2020-09/Madan_Testimony.pdf.

Заключение

Трудно понять, чего Китай пытался достичь, излишне противодействуя соседу, достаточно крупному, чтобы противостоять его росту, но он также был готов построить стабильные и прагматичные отношения в то время, когда Пекин сталкивается со все более сложной международной обстановкой. После инцидента в Галване Индия, похоже, полна решимости расширить значение стратегической автономии до своих пределов. Сдержанность сменилась готовностью углублять сотрудничество в области безопасности и обороны как на двусторонней основе – с рядом средних держав, обеспокоенных недавней агрессивной позицией Китая, включая Японию, Австралию и Францию, – так и на многосторонней основе путем активизации Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности (QUAD).²¹ В то же время стратегическое партнерство с США было поднято на новый уровень после того, как Индия подписала последний из четырех основополагающих военных пактов.²² Хотя все это должно дать Пекину немного времени, дверь для стратегического компромисса все еще открыта.²³

Рекомендации

- Во-первых, Пекин и Нью-Дели должны попытаться достичь стратегического компромисса. Несмотря на нынешнее положение дел между двумя странами, в интересах обеих сторон заключить крупную сделку – соглашение, которое, с одной стороны, позволит Индии сосредоточиться на экономическом развитии, а с другой стороны, заверит Китай в том, что Индия не примет чью-либо сторону в возникающей стратегической конкуренции между Пекином и Вашингтоном.

²¹ QUAD должны обеспечить свободу судоходства в Индийском океане: Ген. Рават // *The Hindu*, 4 сентября, 2020. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/news/national/quad-should-ensure-freedom-of-navigation-in-indian-ocean-gen-rawat/article32517321.ece>.

²² Аджай Шукла. Американо-индийская сделка: заключение ВЕСА открывает двери для поставок высокотехнологичного оружия // *Business Standard*, 27 октября, 2020. Режим доступа: https://www.business-standard.com/article/defence/us-india-deal-conclusion-of-beca-to-open-doors-for-high-tech-arms-120102700074_1.html.

²³ Д-р. С. Джайшанкара. Обсуждение книги «Путь Индии: Стратегии для неопределенного мира». // *Observer Research Foundation*, дата обращения 3 сентября, 2020. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=SPARyx1Xj90>.

- Во-вторых, Индия должна и дальше открывать и либерализовать свою экономику, чтобы увеличить свою относительную мощь по отношению к Китаю. Если отношения с Китаем не удастся спасти, а стратегическое соглашение маловероятно, то у Нью-Дели не будет иного выбора, кроме как укрепить как внутреннее и внешнее равновесие. Для этого потребуются сильная и динамичная экономика. Индия, похоже, готова извлечь выгоду из реорганизации цепочек поставок после продолжающихся усилий по разделению американской и китайской экономик. Однако недавно объявленные планы по самообеспечению (*atmanirbharta*) восходят к эпохе Лицензионного Раджа, что, если это так, обескураживает.
- В-третьих, Индии следует продолжать углублять сотрудничество в области безопасности и обороны как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Дальнейшая институционализация QUAD станет четким сигналом для Пекина, что Нью-Дели продвигается вперед с созданием коалиций, основанных на проблемах.

Об авторах

Айжан Шаршенова – ассоциированный научный сотрудник Академии ОБСЕ. Она получила степень доктора политических наук (PhD) в Университете Лидса (Великобритания). Айжан ранее работала в проектах международного сотрудничества в Кыргызстане, проектах ПРООН, офисе ООН на Ближнем Востоке. Её научные интересы включают вопросы демократизации и продвижения демократии, постсоветские авторитарные режимы и международное развитие. В настоящее время Айжан работает над научным проектом на тему влияния России в Кыргызской Республике. Айжан опубликовала книгу под названием «Продвижение демократии Европейским Союзом в Центральной Азии».

Давиде Канкарини – независимый исследователь и независимый журналист, живет в Милане, Италия. Он имеет степень доктора философии в области институтов и политики в Университете Каттолика-дель-Сакро-Куоре в Милане; работал по проблемам Центральной Азии. Его основными исследовательскими интересами являются геополитика Центральной Азии, политическое управление в Туркменистане и Узбекистане, а также отношения между Италией и регионом. Его исследования были опубликованы различными аналитическими центрами, в том числе Программой Центральной Азии, Центром внешней политики, Обществом «Окус» (Oxus), Институтом международных отношений и Итальянским институтом международных политических исследований.

Дирк Линовски изучал математику и статистику в Университете Росток (Германия) и в Университете Париж I, Пантеон-Сорбонна (Франция). В 2004 году он был принят на кафедру управления активами в Берлинском университете Штайнбайс. Помимо многочисленных исследований и преподавательской деятельности в Нидерландах, Франции, Латвии, Китае, Намибии, Эфиопии, Тунисе, Монголии, США и Новой Зеландии, он работал «Заслуженным приглашенным профессором прикладной математики» в Шанхайском

нормальном университете в 2004 году. Профессор Линовски уделяет особое внимание преподаванию в области прикладной экономики и управления финансовыми рисками. Его исследования в основном касаются корпоративного управления в Китае и высшего образования в развивающихся странах.

Дмитрий Ерохин получил степень бакалавра экономики в Боннском университете и степень магистра экономики в Венском университете экономики и бизнеса. Дмитрий Ерохин работает научным сотрудником Международного института прикладного системного анализа (IIASA) в международном исследовательском проекте «Вызовы и возможности экономической интеграции в рамках более широкого европейского и Евразийского пространства» с акцентом на цифровую торговлю и экономическое сотрудничество в Евразии.

Зане Шиме является политическим аналитиком, специализирующимся на макрорегиональном управлении ЕС, регионализме в Европе и ее соседях, а также на научной дипломатии ЕС в отношении Южного соседства. Зейн вошла в число 40 лучших молодых лидеров ЕС - Индии/Великобритании в возрасте до 40 лет в 2020 году. Она исследует дипломатию ЕС-Индии в области образования в более широком контексте встречи Азии-Европы. Она получила профессиональный опыт в качестве международного государственного служащего в Секретариате Совета государств Балтийского моря и в качестве государственного служащего в Латвии. В Академии ОБСЕ она специализируется на экономическом и экологическом измерении ОБСЕ.

Кинга Сзалкай – доцент кафедры международных отношений и европейских исследований Университета Этвеш Лоранд (Будапешт, Венгрия). Ранее она работала в Центре знаний Антала Юзефа, в Центрально-Европейском университете в качестве научного сотрудника и занимала несколько должностей в Обществе иностранных дел и культуры Корвина. Она также преподавала в различных университетах Центральной Европы, в том числе в Университете Бабеш-Боляй в Клуж-Напоке (Румыния), где в настоящее время яв-

ляется приглашенным профессором. Она получила степень доктора философии в области международных отношений и исследований в области безопасности в Будапештском университете Корвина. Ее основное исследование сосредоточено на теме воды как проблеме безопасности в Центральной Азии. Ее исследовательские работы также включают тему крупных плотин как инструментов формирования идентичности в Советском Союзе и на постсоветском пространстве, теории и практику водной безопасности, а также тему женщин в советской Центральной Азии.

Ли́ра Сагынбекова – научный сотрудник Института исследования горных сообществ Университета Центральной Азии (УЦА). Она получила докторскую степень в области «География человечества» в Центре исследований развития Свободного университета Берлина. Доктор Сагынбекова ранее преподавала в Кыргызском национальном университете, была научным сотрудником в МГУ и Свободном университете Берлина, а также консультантом Международной организации по миграции (МОМ) и Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС). Она имеет обширный исследовательский опыт в вопросах миграции и средств к существованию в сельской местности. Области ее исследований также сосредоточены на устойчивости к изменению климата, продовольственной безопасности и гражданской науке. Доктор Сагынбекова опубликовала множество статей о проблемах миграции и средств к существованию в сельских районах в различных исследовательских журналах, а также книгу «Влияние международной миграции: Процесс и современные тенденции в Кыргызстане» (издательство «Шпрингер», 2016).

Майкл Э. Ламберт – доктор философии, политический психолог и социальный инженер, работающий на стыке медицины (социальная психология и психофармакология) и политологии, изучает темы стратегии голубого океана в международной политике (количественная и качественная оценка внешней политики Китая, США и Европейский союза) и математических моделей стратегического взаимодействия между лицами, принимающими решения в парагосударствах. Майкл окончил университет Сорбонны в сотрудничестве с INSEAD (школа бизнеса INSEAD) и прошел дополнительную подготовку в Гарвардском университете.

Нива Яу является научным сотрудником Академии ОБСЕ в Бишкеке и научным сотрудником Института исследований внешней политики (FPRI). Ее работа сосредоточена на внешней политике и торговле Китая на западной периферии, включая Центральную Азию и Афганистан.

Нина Михольчич – эксперт по международным отношениям, специализирующийся на стратегическом анализе внешней политики Южного Кавказа, России и Центральной Азии. Она исследует и пишет о современных миграционных тенденциях и трудностях в Евразии. Г-жа Михольчич закончила бакалавриат по политологии в Белградском университете в Сербии и получила степень магистра дипломатии и международных отношений в Университете АДА (Азербайджанская дипломатическая академия) в Азербайджане.

Нодира Холматова является кандидатом наук факультета социальных и политических наук Института Европейского университета в Италии. Она исследует социальные конфликты и социальные изменения на пересечении гендера и миграции. Более конкретно, она фокусируется на контекстах возвращения и жизненном опыте мигрантов на Глобальном Юге. Ее последние публикации посвящены следующим вопросам: возвратная миграция и интеграция женщин, семейная миграция и глобальные визовые режимы. Она имеет степень магистра наук (MSc) по социологии, полученный в рамках совместной программы по международной миграции и социальной сплоченности (MISOCO) Амстердамского университета (Нидерланды), Университета им. Деусто (Страна Басков, Испания) и Университета Оснабрука (Германия). Она также имеет степень бакалавра по социологии Американского университета Центральной Азии (Кыргызстан).

Парадорн Рангсимапорн – тайский дипломат и независимый исследователь. Он является советником и заместителем главы миссии посольства Королевства Таиланд в Нур-Султане (Республика Казахстан), который также курирует отношения с Кыргызской Республикой и Республикой Таджикистан. Ранее он был начальником отдела России, Восточной Европы и Кавказа в Министерстве

иностранных дел Таиланда, а до этого работал в посольстве Королевства Таиланд в Вене (Австрия). В сферу его научных интересов входят внешняя политика России, особенно в отношении Азии и АСЕАН, внешняя политика Казахстана и международная политика Центральной Азии. Он опубликовал статьи в таких рецензируемых журналах, как *Asian Survey*, *Europe-Asia Studies*, *International Relations of the Asia-Pacific* и *Asian Affairs*, а также книгу под названием «Россия как стремящаяся к величию держава в Восточной Азии: Восприятие и политика от Ельцина до Путина» (Palgrave Macmillan, 2009). Он имеет степень бакалавра с отличием в области философии, политики и экономики, степень магистра в области исследований России и Восточной Европы и степень доктора философии в области международных отношений из Оксфордского университета. Высказанные взгляды принадлежат автору и не отражают точку зрения Королевского правительства Таиланда или какой-либо другой организации.

Раджаб Тайеб – студент магистратуры кафедры «Политика и безопасность» в Академии ОБСЕ в Бишкеке. Раджаб получил степень бакалавра по английскому языку в Бамианском университете в 2014 году. Он также работал в качестве специалиста по связям с общественностью, журналиста и консультанта в СМИ и НПО в Афганистане. В настоящее время Раджаб занимается исследованиями в области этнической политики, разрешения конфликтов и миротворчества.

Ригина Сыссоева получила степень доктора по специальности «Международные исследования» в Университете Страны Басков (Испания) в 2015 году после получения степеней бакалавра и магистра по специальности «Международные отношения» в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева (Казахстан) и учебы в качестве студентки по обмену в Университете Лапландии (Финляндия) и Университете иностранных исследований Ханкук (Южная Корея). В настоящее время она работает в «Международном университете Астаны» и Посольстве Кубы (по совместительству). Ее научные интересы включают теории региональной интеграции, развитие Евразийского экономического со-

юза, международное сотрудничество на постсоветском пространстве, внутреннюю политику государств-участников Содружества Независимых Государств, сотрудничество в Арктическом регионе и конфликт в Афганистане.

Себастьян Майер (кандидат международных отношений, Европейский университет Виадрина, Франкфурт-на-Одере) в настоящее время является адъюнкт-профессором DAAD по международным отношениям в Казахском немецком университете в Алматы (Казахстан), где он возглавляет Центр исследований и послевузовского образования. Он также является ассоциированным научным сотрудником Института межкультурных и международных отношений (ИММО) Бременского университета. Себастьян работал в Свободном университете Берлина, в Бременском университете, в том числе в Центре совместных исследований 597 - Государственные преобразования, а также в Центре исследований ОБСЕ, Институте исследований мира и политики безопасности Гамбургского университета. Он был приглашенным научным сотрудником в нескольких учреждениях, включая Институт европейских, российских и евразийских исследований, Университет Джорджа Вашингтона, Немецкий институт международных отношений и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik) в Берлине и Академию ОБСЕ в Бишкеке, в качестве ассоциированного научного сотрудника.

Срджан Ульевич является старшим преподавателем в Американском Университете Центральной Азии, где он преподает внешнюю политику Китая. Он получил степень магистра в области современного китаеведения в Университете Жэньминь и степень магистра на факультете политических наук Национального университета Сингапура. Срджан является научным сотрудником Академии ОБСЕ.

Стефан Лукас изучал историю и немецкий язык в Университетах Ростока и Грайфсвальда. Он является преподавателем на кафедре международных отношений в Университете г. Йены и приглашенным лектором в Вооруженных силах Германии (Командно-штаб-

ной колледж в Гамбурге). Его исследования посвящены политике безопасности на Ближнем Востоке, где он особенно обеспокоен влиянием Китая и последствиями изменения климата.

Филип Рейд является приглашенным научным сотрудником Академии ОБСЕ. Проработав в Министерстве обороны Великобритании, он недавно завершил исследовательский проект по китайской инициативе «Один пояс – один путь» в Центральной Азии и ее последствиям в более широком смысле. Совсем недавно Филип работал региональным советником по Китаю и Центральной Азии, но его служебная карьера увидела свое активное развитие в регионе Большой Центральной Азии, а также в ходе стипендиальной программы в Центре Западной Азии в Институте оборонных исследований и анализа (IDSA) в г. Нью-Дели. Филип изучал классическую персидскую литературу в магистратуре, а его исследовательские интересы включают как стратегические отношения между Китаем и Ираном, так и исламские языки и культуру в более широком смысле.

Эрик Варпаховскис является постдокторантом, он научный сотрудник Школы международных региональных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия), где он работает над различными исследовательскими проектами, связанными с публичной дипломатией, в том числе по изучению того, как транснациональные высшие учебные заведения функционируют в качестве инструментов публичной дипломатии. В 2019 году Эрик получил степень доктора философии в области политологии в университете иностранных языков Ханкук (Южная Корея) при поддержке правительства Республики Корея.

Академия ОБСЕ в Бишкеке
пер. Ботанический 1А
Бишкек, Кыргызская Республика 720044
Тел.: +996 (312) 54-32-00, 54-12-00
Факс: +996 (312) 54-23-13
E-mail: info@osce-academy.net
Вебсайт: www.osce-academy.net

БИШКЕК 2021